

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Декабрь 2022

75 ЛЕТ КРАСНОДАРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

29 ноября 2022 года. Краснодарская краевая филармония

Награды Законодательного Собрания Краснодарского края

Флаг Союза писателей России

№ 4(11), ДЕКАБРЬ 2022

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терехин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>	3	<i>Лариса Есина</i>	55
75-лет Краснодарской писательской организации. Юбилейные торжества	3	Мечты цвета индиго	
V Всероссийский литературный конкурс "Поэзия русского слова" (Анапа)	5	<u>Поэтическая аллея:</u>	57
Цвет памяти Вячеслава Динеки	6	<i>Вера Граматунова</i>	57
"Родословие" и награждение победителей	7	<i>Виктор Почуев</i>	57
<i>Иван Бойко</i>		<i>Галина Слайковская</i>	58
Человека нельзя победить	8	<i>Любовь Ишунькина</i>	59
<i>Новые книги</i>		<i>Надежда Никулина</i>	60
Лидия Вдовченко. "У провинции за пазухой"	10	Проза	61
Сборник стихов и прозы трёх поколений	10	<i>Алекс Старый</i>	61
Иван Бойко. "Свободолюбивый священник"	10	8 Нурия. Новелла (окончание)	
Александр Троян. "Случай в Краснодаре"	11	<i>Артём Попов</i>	76
<i>Имена и даты</i>		10 Два альбома. Рассказ	
Вячеслав Динека	12	<i>Наталья Менендес</i>	80
Дума моя, дума	12	10 Звёзды на рассвете. Рассказ	
Ольга Базайкина	12	11 Поэзия	87
Разнообразие тем в поэзии В. Динеки	12	11 <i>Алёна Галуза</i>	87
<i>Проза</i>		12 Дрожащий свет звезды	
<i>Николай Ивеншев</i>	17	12 <i>Наталья Мишина</i>	89
Ночной полёт шмеля. Рассказ	17	12 Иголка памяти	
<u>Лауреаты литературного конкурса "Поэзия русского слова":</u>	17	14 <i>Галина Тарасенко</i>	91
<i>Ольга Андронникова</i>	25	14 Спасибо, жизнь	
Санёк и справедливость. Рассказ	25	17 Слово критика	95
<i>Анна Корнеева</i>	27	17 <i>Валерия Салтанова</i>	95
Пашка. Рассказ	27	17 Диалог с читателем (О книге Л. Вдовченко)	
<i>Татьяна Буденкова</i>	30	<i>Владимир Романов</i>	98
Родина у тебя одна. Рассказ	30	25 Валерий Горский - дитя человеческое"	
<i>Сергей Павлов</i>	35	<i>Людмила Бирюк</i>	108
Отрезанный ломоть. Рассказ	35	27 Живи, Кубань литературная!	
<i>Андрей Пучков</i>	40	Литература и общество	113
Удачный выстрел. Рассказ	40	30 <i>Людмила Мурашова</i>	113
<i>Поэзия</i>		30 Устали пить из лужи	
<i>Никита Брагин</i>	52	35 <i>Фаина Кузнецова</i>	115
Весна нашей правды	52	40 Берегите русский язык	
		40 Семейное чтение	117
		<i>Ирина Соляная</i>	117
		52 Чудесные узоры. Сказ	

**75 ЛЕТ КРАСНОДАРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.
ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА**

29-го ноября 2022 года в честь 75-летнего юбилея региональной писательской организации Министерством культуры края было организовано торжественное мероприятие в Краснодарской филармонии им. Г.Ф. Пономаренко. Большой концертный зал заполнили поклонники и почитатели современных поэтов и прозаиков, представители власти и депутаты, общественные деятели и работники культуры Краснодара. Также поздравить земляков со всего края съехались делегации муниципалитетов, участники литературных клубов и объединений, библиотекари, активные читатели. На сцене торжественные награждения и поздравления перемежались с русскими народными, казачьими, а также современными эстрадными песнями и танцами в исполнении Государственного концертного ансамбля "Ивушка".

За большой вклад в развитие культуры Кубани председатель комитета Законодательного Собрания Краснодарского края по вопросам науки, образования, культуры и делам семьи Виктор Чернявский вручил Почётные грамоты ЗСК Светлане Макаровой и Николаю Ивеншеву, памятные знаки – Владимиру Нестеренко, Людмиле Бирюк и Николаю Зиновьеву. Благодарственными письмами отмечены Любовь Мирошникова и Геннадий

Пошагаев.

От имени министра культуры Краснодарского края Виктории Лапиной первый её заместитель Алексей Погребенко вручил Благодарственное письмо председателю правления союза писателей Кубани Светлане Макаровой. Он пожелал союзу творчески расти и развиваться, не снижая высокой планки, заданной его основателями. Приказом министерства культуры Краснодарского края за существенный вклад в развитие, сохранение и популяризацию кубанской культуры и искусства почётные грамоты министерства культуры Краснодарского края вручены членам СПР Сергею Зубареву, Владимиру Кирпильцову (Полеву) и Ольге Немыкиной.

Поздравления от председателя Союза писателей России Николая Иванова озвучил заместитель председателя правления, генеральный директор Союза писателей России Василий Дворцов. Он передал Краснодарскому отделению Флаг Союза писателей России. Медалями за вклад в развитие отечественной литературы были награждены: Светлана Макарова-Гриценко – им. Шолохова, Николай Ивеншев – медалью им. Шукшина, им. Лермонтова – Владимир Архипов, медалью 75-летия Победы – Владимир Романов. За оказанную помощь в проведении 75-летнего юбилея краевой писательской организации Благодарственные письма Союза писателей России вручены председателю комитета ЗСК по вопросам науки, образования, культуры и делам семьи Виктору Чернявскому; секретарю комитета ЗСК, заместителю председателя КРО СПР Вячеславу Сбитневу; заместителю председателя КО "Боевое братство", члену СПР Оразшо Пояндашоеву, председателю ревизионной комиссии КРО СПР Татьяне Немчиновой.

От имени братского белорусского народа кубанцев поздравил с юбилеем председатель Гомельского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси", член Правления, Президиума Союза пи-

сателей Беларуси, секретарь по Республике Беларусь Союза писателей Союзного Государства Владимир Гаврилович. За значимый вклад в литературу он вручил медаль св. Кирилла Туровского поэтессе из Гулькевичей Нине Хрущ.

С ответным словом выступила председатель правления Краснодарской организации, секретарь Союза писателей России, координатор международного поэтического движения "Мир без стен", главный редактор журнала "Краснодар литературный" Светлана Макарова-Гриценко. Она напомнила собравшимся: Краснодарский региональный союз писателей был образован в сентябре 1947 года как отделение Союза писателей СССР, в своей истории он объединил несколько поколений литераторов, которые своими художественными произведениями и общественной позицией все эти годы выступали и выступают "эхом русского народа". Светлана Николаевна подчеркнула, что творчество кубанских писателей неотделимо от родной земли, поблагодарила за поддержку всех, кто заинтересован в развитии литературы и искусства на Кубани. "Литературные достижения наших писателей и поэтов стали почвой, на которой была возвращена искренняя глубокая любовь кубанского народа к чтению, его стремление к самообразованию и культурному росту".

Торжество в зале Краснодарской филармонии явилось апофеозом целого цикла мероприятий, приуроченных к юбилею писательской организации. Это и фестивали, и конкурсы, конечно же, издания и презентации книг, выступления писателей перед самыми разными аудиториями. Так, в течение всего года творческие встречи писателей и читателей проходили в каждом муниципальном образовании региона – дорожная карта празднования 75-летия Краснодарского регионального отделения Союза писателей России была разработана по инициативе министерства культуры Краснодарского края. Так же в 2022 году краевой писательской организацией осуществлены масштабные проекты: Открытый краевой фестиваль-конкурс "Кубань литературная", Открытый краевой творческий конкурс "Родословие", краевой фестиваль-конкурс "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки.

Юбилейные торжества продолжились в Анапе, куда 30 ноября писательская делегация отправилась с важной миссией: ещё в 2020 году городу-курорту и городу Воинской славы Союз писателей России присвоил звание "Литературный город России". Однако связанные с пандемией ограничения не позволили своевременно вручить соответствующие документы. И вот в торжественной обстановке в Центре культуры "Родина" Василий Дворцов передал диплом первому вице-мэру Анапы Светлане Балаевой.

– Звание присваивается городам, где кипит литературная жизнь, – отметил он. – В Анапе два мощных, серьёзных литобъединения: "Парус" с более чем полувековой историей и "Авангард", признанный лучшим молодёжным ЛИТО России. Здесь налажена работа с начинающими авторами, издаётся альманах, проходит Всероссийский фестиваль-конкурс "Поэзия русского слова". Здесь живут и работают писатели, творчество которых знакомо всей России – Сергей Зубарев, Сергей Лёвин, Ирина Иваськова, Ольга Хомич-Журавлёва.

Светлана Балаева от имени мэра города-курорта поблагодарила Союз писателей за высокое признание и отметила, что Анапа и дальше будет с честью нести звание Литературного города России.

Гость из Беларуси Владимир Гаврилович рассказал о сотрудничестве и совместных изданиях писателей Кубани и Полесья, а также представил собственные книги. С приветственными словами обратились к присутствующим председатель Краснодарского отделения СПР Светлана Макарова-Гриценко и член правления КРО СПР Вячеслав Сбитнев.

1 декабря праздник перенёсся в Кореновск. Хозяевами была подготовлена интересная экскурсия на градообразующее предприятие – ЗАО "Кореновский молочно-консервный комбинат", где, кроме прочего, производят самое вкусное мороженое и сгущённое молоко "Коровка из Кореновки". Аналога кореновской производственной линии мороженого нет в мире:

за час с конвейера сходит 36 000 порций, а вкусное лакомство отправляется в 30 стран. Конечно, писатели не только проследили за производственным циклом, но и продегустировали продукцию.

После проводов белорусских гостей юбилейные мероприятия вернулись в Краснодар. Очень важно было в юбилей вспомнить имена кубанских писателей-фронтовиков, учредителей организации. В преддверии 80-летия освобождения Краснодара от фашистской оккупации, при поддержке депутатов городской Думы Краснодара издан сборник кубанской военной литературы, составленный под руководством председателя Краснодарской краевой писательской организации Светланы Николаевны Макаровой-Гриценко. В него вошли произведения о народной священной войне. И вот 2 декабря в читальном зале Центральной городской библиотеки им. Н.А. Некрасова состоялась презентация книги "Сборник стихов и прозы трёх поколений краснодарских писателей-фронтовиков, их детей и внуков". На премьере книги присутствовали авторы: Светлана Макарова-Гриценко, Владимир Архипов, Ольга Новожилова и Владимир Киселёв. Приглашённые на презентацию студенты технического и торгово-экономического краснодарских колледжей услышали интересную информацию о писателях-ветеранах, участниках или свидетелях самой народной трагедии в истории нашей страны: Иване Варавве, Крониде Обойщикове, Викторе Бакалдине, Николае Краснове, Николае Доризо, Иване Василенко и др. В подготовленной работниками библиотеки композиции звучали фрагменты произведений современных кубанских авторов, а также песни военных лет.

3 декабря. Заключительным аккордом юбилейной программы, посвящённой 75-летию Краснодарской писательской организации, стал региональный семинар молодых и начинающих литераторов. В юбилейный год семинар прошёл в новом формате: секции прозы и поэзии работали вместе, так как вёл семинарские обсуждения поэт и прозаик, публицист и драматург, лауреат многих литературных премий Василий Дворцов. Кроме непосредственных участников, присутствовали и просто слушатели. Работа шла без перерыва шесть часов – авторы со всего края принимали самое активное участие в разборе рукописей своих коллег. Некоторые впервые выступили в роли экспертов и признались, что это оказалось очень действенно в воспитании внутреннего редактора. Кроме руководителя кубанской писательской организации Светланы Макаровой-Гриценко, в обсуждениях приняли участие члены правления КРО СПР Людмила Бирюк, Лидия Железовская и Юрий Васин. Результаты семинара: поэтам Алексею Кузину (Кропоткин) и Ларисе Есиной (Краснодар) предложено подготовить рукописи своих первых книг. Хорошие отзывы получило творчество прозаика Анастасии Фетисовой, поэтов Даниила Диденко и Ольги Новожиловой (Краснодар).

Праздники закончились, и впереди большая и серьёзная работа – пять лет до следующего юбилея должны стать ещё более результативными. Краснодарский писательский союз обладает высоким творческим потенциалом. Сплочённому коллективу единомышленников доступно осуществление и творческих планов, и значимых общественных проектов. Организация обязательно пополнится новыми именами, читатели увидят и полюбят новые произведения мастеров и молодых талантов, прославляющие нашу землю. Краевой литературный процесс – наш яркий вклад в литературный поток Великой России.

V ВСЕРОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС "ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА", Анапа

С 14 по 16 октября 2022 года в городе-курорте и Городе воинской славы Анапе в Центре культуры "Родина" проходил Пятый всероссийский литературный конкурс "Поэзия русского слова". Конкурс проводился в рамках одноимённого открытого литературного проекта, учредителями которого выступили Краснодарское региональное отделение Союза писателей России и администрация города-курорта. В этом году конкурс был посвящён памяти **Вячеслава Динеки** – постоянного члена жюри конкурса, поэта, прозаика, лауреата литературных премий, члена правления Краснодарского отделения СПР.

Жюри конкурса, в состав которого вошли известные литераторы: председатель Краснодарского регионального отделения СПР **Светлана Макарова-Гриценко**, председатель Карельского республиканского отделения СПР **Елена Пиетилайнен**, а также члены СПР **Николай Ивеншев**, **Сергей Лёвин**, **Ирина Иваськова**, возглавлял президент проекта "Поэзия русского слова" заместитель председателя правления – генеральный директор Союза писателей России **Василий Дворцов**.

Конкурсные работы рассматривались в номинациях "Поэзия", "Проза", "Литературный перевод" и "Драматургия". Каждая номинация имела две категории: "Мастер" – для членов профессиональных писательских союзов и "Открытие" – для авторов, не входящих в члены того или иного СП.

Приехавшие в Анапу из разных краёв России конкурсанты имели возможность прочитать свои произведения перед членами жюри. В фестивальную программу проекта "Поэзия русского слова" были включены творческие встречи с Василием Дворцовым и Николаем Ивеншевым, а Светлана Макарова-Гриценко рассказала об отмечаемом в этом году 75-летию Краснодарского отделения СПР. Каждый вечер участники конкурса участвовали в "свободных микрофонах", позволяющих им познакомиться с творчеством друг друга.

По сложившейся традиции закрывал конкурс "круглый стол" – доверительная беседа и мастеров, и только вступающих в мир русской литературы о проблемах и радостях писательского дела, о долге и возможностях в творчестве, о смыслах и ценностях нашей жизни.

Председатель жюри **Василий Дворцов** отметил стабильно высокий уровень талантливости и мастерства победителей "Поэзии русского слова", их похвально высокую планку нравственной ответственности за свои произведения и обострённую переживаемым временем гражданственность, столь свойственные традициям великой русской литературы. Несколько человек приглашены им на именной семинар, который пройдёт в декабре в Краснодаре, а коллегам из краевого отделения СПР предложено рассмотреть перспективы принятия в Союз уже вполне состоявшихся кубанских поэтов и прозаиков. Такие же рекомендации будут посланы в Якутию, Воронеж и Нижний Новгород.

"ЦВЕТ ПАМЯТИ" ВЯЧЕСЛАВА ДИНЕКИ

Год назад, в 2021 году, Краснодарской краевой писательской организацией при поддержке Литературного музея Кубани был учреждён краевой литературный фестиваль "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки (1953 – 2021), поэта, прозаика, драматурга, лауреата международной литературной премии им. Нарбута, премии Краснодарского края имени Е.Ф. Степановой, премии имени А.Д. Знаменского, всероссийских поэтических конкурсов. На протяжении многих лет Вячеслав Александрович был членом правления кубанского отделения Союза писателей России, руководителем краевого литературного объединения "Верность", членом жюри Всероссийского литературного фестиваля "Поэзия русского слова", международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы".

Главной своей целью фестиваль "Цвет памяти" ставит увековечивание имени талантливейшего кубанского писателя, популяризацию его произведений, осмысление творческого и педагогического наследия Вячеслава Динеки. В этом году наш проект поддержало Министерство культуры края, что расширило его границы. И в 2022-м в Открытом краевом литературном конкурсе "Цвет памяти", проводимом в рамках фестиваля, приняли участие более ста литераторов, приславших свои стихи не только с Кубани, России, но и из Израиля и стран СНГ.

Вячеслав Александрович похоронен в г. Крымске, поэтому в этом году к учредителям фестиваля присоединился Крымский район. 20 октября в модельной библиотеке Крымска прошла творческая встреча, посвящённая памяти В.А. Динеки. Сотрудники библиотеки подготовили видеопрезентацию. Своими воспоминаниями о писателе поделились: заместитель председателя – генеральный директор Союза писателей России В.В. Дворцов (Москва); председатель краевой писательской организации, заслуженный деятель искусств Кубани С.Н. Макарова-Гриценко; поэт, заслуженный работник культуры Кубани В.А. Архипов; старший научный сотрудник Литературного музея Кубани Г.К. Постарнак; члены Союза писателей России Л.М. Деткова, детский писатель и поэт и переводчик Л.В. Железovская. В мероприятии приняли участие члены Совета молодых литераторов Кубани под руководством Людмилы Мурашовой. Крымские авторы А. Пашкова, А. Липин, В. Булгакова, студенты Крымского технического и Крымского индустриально-технического колледжей читали стихи Вячеслава Динеки, открыв для себя имя кубанского поэта.

Открытый литературный конкурс им. Вячеслава Динеки, способствующий созданию стихов о любви к родному краю, русскому языку, мотивирующий развитие духовно-нравственных литературных традиций России, помог выявить талантливых авторов в стране, крае и, в том числе, в Крымском районе – второе место среди лауреатов жюри присудило уроженцу района Андрею Голоте.

Церемония награждения лауреатов конкурса, начавшись в Крымске, продолжилась в Краснодаре. Литературный музей Кубани 22 октября собрал собратьев по перу из Краснодарского отделения Союза писателей России и учеников Вячеслава Александровича – членов краевого литературного объединения "Верность" и ЛИТО "Всеславины" из станицы Марьянской, молодых литераторов СМЛК, студентов и почитателей таланта поэта. Литературная гостиная музея с трудом вместила всех желающих. Более двух часов звучали стихи и песни, воспоминания и посвящения поэту. Член СПР Ольга Сафронова, поэт и переводчик из Таганрога, вместе с мужем привезли видеосюжет о выступлении Вячеслава Динеки перед школьниками в Ростовской области. Была представлена и запись с Первого литературного канала Кубани, где сам поэт проникновенно читает свои стихи.

Выступления признанных и начинающих писателей перемежались музыкальными номерами учащихся музыкального колледжа им. Римского-Корсакова и Театра ветеранов сцены. Председатель Краснодарского краевого отделения СПР С.Н. Макарова-Гриценко поздравила лауреатов и дипломантов литературного конкурса "Цвет памяти", вручив дипломы и подарки победителям.

Подводя итоги, ведущая вечера Галина Кронидовна Постарнак выразила общее мнение о том, что фестиваль "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки уже стал ярчайшим литературно-культурным событием края, и он должен продолжаться и шириться, собирая и объединяя всё новые общественные силы на благо кубанской и общероссийской литературы.

"РОДОСЛОВИЕ" И НАГРАЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В Год культурного наследия народов России Краснодарским региональным отделением Союза писателей России, Советом молодых литераторов Кубани при поддержке Министерства культуры Краснодарского края и Международной общественной Академии литературы, науки, искусств "Русский Слог" выпускников Литературного института им. Горького осуществлён проект, способствующий развитию народного творчества. Участники конкурса представили не только свои собственные произведения, но в номинации "Художественное чтение" озвучили народные былички и потешки, рассказали былины.

Открытием конкурса стала Ирина Соляная из г. Калач Воронежской области – автор замечательных сказок для детей, созданных в народной традиции, где не бывает добрых леших и домовых, а богатыри всегда сражаются со злом. Это очень важно – сформировать у детей понятия добра и зла. А также привить любовь к родному слову, ладу, народной традиции. В нашем конкурсе приняли участие признанные мастера слова (среди них Андрей Попов из Сыктывкара – автор "Баллады о святом злодее"), молодые и начинающие литераторы. Жюри рассмотрело более ста рукописей. Имена лауреатов можно посмотреть на нашем сайте "Кубанский писатель.рус".

17 декабря в Литературном музее Кубани состоялась церемония награждения победителей-2022. Наши краевые проекты: и "Кубань литературная", и "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки, и "Родословие" имени Виталия Каледина по сути – всероссийские, статус "Открытый" позволил принять в них участие прозаикам, поэтам, публицистам России и даже зарубежья. География конкурсов от Амурской области до г. Хайфа (Израиль). В Краснодар на церемонию награждения смогли приехать порядка тридцати человек. А всего победителей – около ста.

Наша встреча началась с выставки, посвящённой Вячеславу Динеке, подготовленной к 70-летию со дня рождения поэта. Честно признаться, иногда не верилось в реальность происходящего. Ведь кажется, совсем недавно он стоял рядом. И вот смотрит на нас из-за стекла витрины... Фестиваль-конкурс его памяти мы продолжим и в следующем году.

А 17 декабря награждение началось с победителей проекта "Кубань литературная". В рамках фестиваля-конкурса наши писатели выступили во всех городах и районах края. В конкурсе были представлены и малые, и крупные формы (рассказы и романы, стихи и поэмы, поэтические сборники, а также детская литература, публицистика). При этом участники делились на возрастные группы. Лауреатам вручили дипломы, книги и журнал "Краснодар литературный". Такие же награды получили и победители конкурсов "Родословие" и "Цвет памяти".

Имя, которое звучало чаще других – Даниил Диденко, обладатель первого места в "Поэзии", третьего – в "Публицистике", лауреат трёх конкурсов. Очень хорошая заявка, если прибавить, что и в семинаре-2022 молодых литераторов Кубани творчество Даниила получило одобрение.

В финале мероприятия Людмила Мурашова и Елизавета Романова, занявшие третье место в конкурсе "Родословие" показали отрывок из программы, рассказывающей о пантеоне славянских богов.

ЧЕЛОВЕКА НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ

11 ноября в Новопокровской районной библиотеке по инициативе председателя Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Светланы Николаевны Макаровой-Гриценко и главы муниципального образования Новопокровский район Александра Викторовича Свитенко состоялась презентация книги писателя, депутата Законодательного Собрания Краснодарского края Вячеслава Леонидовича Сбитнева "Река боли", изданной в этом году в издательстве "Традиция".

Она заинтересовала меня уже с авторского предисловия. Понравился язык и стиль повествования. Читается книга легко, несмотря на тяжёлую ситуацию, в которой оказалась её героиня. Чувствуется широта кругозора автора не только в сфере медицинских знаний, но и в области философии, литературы, а самое главное – жизни.

Книга мудрая. Она многому научит даже тех, кто прожил немало лет, но отличается поверхностным взглядом на происходящие вокруг нас события. Повествование искреннее, приближённое к художественно обрамлённой документальности. Взять хотя бы вот такие строчки: "В нашей медицине так устроено, что проявлять

какого-то особого внимания к вам не будут, как не будут звонить, заставлять лечиться, требовать выполнения рекомендаций, поддерживать, вести вперёд". И это так. Только сам больной должен сделать главный, решающий шаг к выздоровлению. Так и поступает Екатерина. Узнав от врачей о своём тяжёлом заболевании, она принимает непростое, но верное решение: сделать всё возможное, чтобы жить обычной жизнью и приносить пользу своим близким людям – матери и детям.

Уверенность в победе над недугом придаёт ей встреча с Сергеем Ивановичем, долгие годы мужественно сражавшимся со смертельным заболеванием. История его борьбы за полноценную жизнь и письмо, в котором этот мужественный человек дал мудрый совет – бороться с недугом, дали её прилив сил и придали уверенность в победе. Она понимает, что нельзя впадать в отчаяние, а нужно жить и продолжать настойчиво бороться с заболеванием, иначе её близким людям будет трудно без неё.

Читая эту книгу, невольно вспоминаешь произведения писателя Эриха Марии Ремарка. Он тоже погружал читателей в окружающий мир, не беспокоясь особо о комфортности их пребывания в нём. Таким образом писатель заставлял нас всерьёз задуматься о причинах многих проблем, понять душевные переживания и особенности своеобразной жизни его героев. В его книге "Три товарища" одна из героинь – Патриция Хольман тоже страдает тяжёлым заболеванием. Ремарк показывает нам её страдания. Но он подчёркивает и огромную жажду жизни Патриции, которая особенно укрепляется её любовью к Роберту Локампу (Робби). Благодаря этому и вниманию его друзей, врачей она живёт и радуется каждому прожитому дню.

Вспомнился в этой связи и лейтмотив повести Эрнеста Хемингуэя "Старик и море", озвученный главным героем после тяжелейшей борьбы с акулами, поедавшими его огромную рыбу: "Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить".

В повести нашей землячки Светланы Николаевны Макаровой-Гриценко "В года глухие" её героиня Татьяна и её муж Борис, оба талантливые художники, в период ельцинских реформ оказываются в сложнейшей жизненной ситуации. Вот-вот разрушится семья из-за неустроенности быта, из-за отсутствия детей. Борис не нашёл сил бороться с трудностями. Но Татьяна оказалась духовно сильнее. Чтобы сохранить семью, чтобы как-то прожить идёт работать в школу. Вначале была учителем, затем стала заведующей художественным отделением. После встречи со старцем в монастыре у неё

появляется надежда на рождение ребёнка. И читатель верит, что впереди у этой семьи, благодаря упорству в достижении благородной цели Татьяны, счастливое будущее.

Надежда на лучшее была и остаётся нашим жизненным компасом, только нужно не ждать, когда это лучшее наступит, а стремиться к нему, действовать активно, преодолевая трудности. Эта мысль – лейтмотив и книги "Река боли". Жажда жизни, душевная забота героини о дальнейшей судьбе своих самых близких людей превалируют над тяжелейшим заболеванием. Особенно ценно в книге то, что автор на примере Кати показывает: любой человек в состоянии бороться с любым недугом и бедой. Катя подвержена обычным женским слабостям. Она много плакала по ночам из-за невозможности родить ребёнка. Плакала, когда неожиданно заболела ОРЗ будущая приёмная дочь Арина. Слезы отчаяния душат её, когда за Ариной при-

ходит её родная мать, а девочка не хочет уходить от Кати и просит не отдавать её. Так, заболев, она вдруг становится духовно сильнее.

Несмотря на неопределённость судьбы Кати в финале книги, на всём её протяжении Вячеслав Леонидович Сбитнев настраивает читателей не отступать перед любыми трудностями. И в этом – огромное достоинство этого жизнеутверждающего произведения.

О достоинствах книги, о её огромном благоприятном эмоциональном воздействии говорили на презентации заведующая отделом обслуживания Новопокровской районной библиотеки Юлия Юрьевна Пашенко, Заслуженный учитель России Евгения Петровна Жукова, председатель районной организации "Ветераны Комсомола Кубани" Юрий Михайлович Тихомиров, ветеран труда, бывший секретарь райкома КПСС Любовь Александровна Касьянова, главный редактор "Сельской газеты" Жанна Чабовна Гаплевская, предприниматель Роза Васильевна Червонная, прозаик, поэт и публицист, заслуженный деятель искусств Кубани, председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей России и Белоруссии Светлана Николаевна Макарова-Гриценко, глава муниципального образования Новопокровский район Александр Викторович Свитенко.

С огромным интересом присутствующие слушали рассказ автора книги В.Л. Сбитнева об истории создания этого замечательного и весьма актуального для наших дней произведения, о его новых творческих замыслах, о его связи со станицей Новопокровской.

Вячеслав Леонидович родился в Новопокровской 18 марта 1960 года. Когда ему исполнилось полтора года, его родители по комсомольской путёвке отправились на Сахалин с двумя маленькими детьми. А когда они вернулись на Кубань, то поселились в городе Кореновске, где Вячеслав Леонидович успешно окончил среднюю школу. Затем были годы учёбы в нашем славном Кубанском ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственном институте, работа на различных должностях по полученной в институте специальности. Благодаря хорошим знаниям, организаторским способностям и высокому уровню коммуникативных навыков, удачно складывалась его карьера. В настоящее время он генеральный директор ОАО "Теплосервис" в городе Кореновске, депутат Законодательного Собрания Краснодарского края, заместитель председателя Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.

За достижения в работе и общественную деятельность награждён Почётными грамотами Законодательного Собрания Краснодарского края и министерства топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Краснодарского края, Благодарностью губернатора Краснодарского края, медалью "100 лет военным комиссариатам".

Встреча с нашим земляком была тёплой, оставила приятные ощущения у всех присутствующих. Писатель подарил много книг библиотеке и читателям со своими автографами.

Присутствующие на презентации пожелали нашему земляку, писателю Вячеславу Леонидовичу Сбитневу продолжить в своём творчестве наступательное движение назло всему, что мешает полноценно жить человеку, а также новых успехов и новых книг.

Иван Бойко, член Союза журналистов России, краевед,
ст. Новопокровская

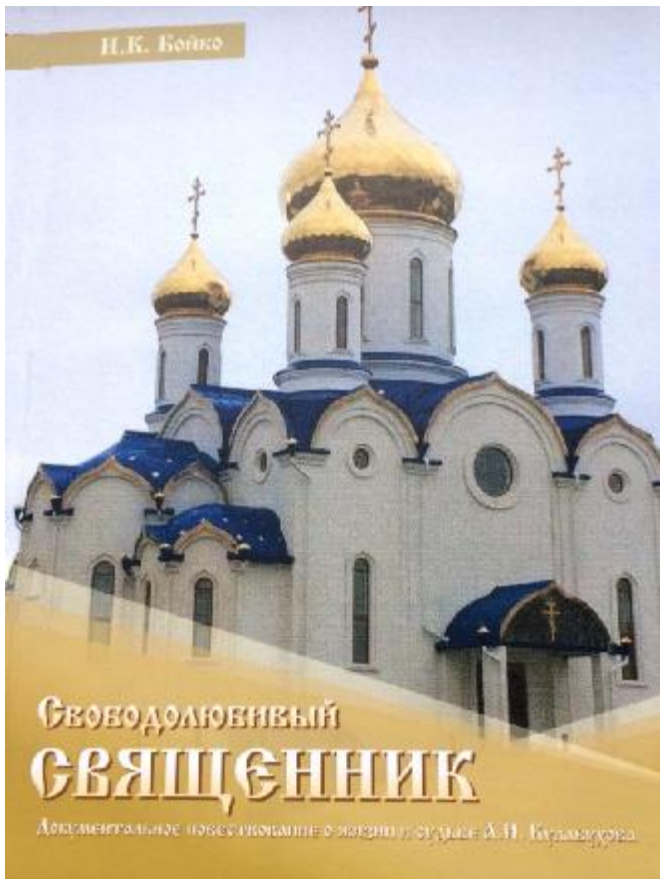
Вышедшая в Ростовском-на-Дону издательстве "Медиа-полис" книга "У провинции за пазухой" – четвёртый поэтический сборник поэтессы из Ейска, члена Союза писателей России Лидии Вдовченко. Композиционно книга выстроена по принципу внутреннего крещендо, благодаря чему внимание читателя держится и не ослабевает до самого конца. Пять разделов включают в себя стихи разных направлений и стилей, но яркие сюжетные ходы, насыщенная эмоциональность и точная, очень нестандартная и богатая образность характерны для всех произведений этого автора без исключения. Порадуют читателя и высокое поэтическое мастерство, и особая авторская ирония, и несомненная тематическая современность стихов, предлагаемых его вниманию.

В краснодарском издательстве "Традиция" вышел "Сборник стихов и прозы трёх поколений" (Краснодар: Традиция, 2022. – 192 с., редактор-составитель С.Н. Макарова-Гриценко).

В издание вошли уникальные произведения участников Великой Отечественной войны. Среди авторов не только известные кубанские писатели, чьи имена знает вся страна, но и те, чей творческий полёт трагически прервала война... Слова героев звучат и сегодня: в стихах и рассказах, написанных по их воспоминаниям детьми и внуками – потомками победителей, защитников родного Отечества.

Проект осуществлён Краснодарским региональным отделением Союза писателей России при поддержке депутатов Городской Думы Краснодара и адресован широкому кругу читателей.

В издательстве "Просвещение – Юг" вышла в свет книга Ивана Бойко "Свободолюбивый священник", материалы для которой автор собирал по крохам много лет. Рассказ о священнике Алексее Ивановиче Кулабухове, совершившем за короткую жизнь много добрых дел на благо жителей Кубани и России получился ярким и достоверным. Имя А.И. Кулабухова упоминается в художественных и документальных книгах о Гражданской войне на Кубани. Но в них содержатся лишь отрывочные сведения об этом удивительном человеке, прославившем на весь православный мир свою родную станицу Новопокровскую и Кубань.

Книга адресована школьникам и студентам, проявляющим интерес к истории России, издана благодаря главе муниципального образования Новопокровский район Александру Викторовичу Свитенко и главе Новопокровского сельского поселения Артёму Анатольевичу Богданову. Большую творческую работу по её изданию провели сотрудники издательства "Просвещение-Юг" и его генеральный директор Александр Валерьевич Гусаков.

В новом романе Александра Трояна "Случай в Краснодаре" (Краснодар: "Традиция") предпринята попытка ответить на вопрос отчего происходят кардинальные перемены в судьбе человека? Случайности это или закономерности? А может, это промысел Творца? Автор рассказывает о том, как герой повествования преодолевает серьёзные житейские трудности, как переживает он предательство любимого человека. А затем и манну небесную, свалившуюся на него вместе с ожившим прошлым. Вместе с тем, перед читателем разворачивается полновесная картина борьбы за сохранение человеческого "Я". Удалось ли герою остаться самим собой, решать читателям.

ВЯЧЕСЛАВ ДИНЕКА

(1953 – 2021)

1 января 2023 года исполнилось бы 70 лет одному из лучших кубанских поэтов Вячеславу Александровичу Динеке. Многого можно было бы сказать по этому поводу, и сказано в своё время было уже немало. Но в этот раз отступим от сложившейся традиции и просто предоставим слово самому поэту, в стихи которого нужно вчитываться и неоднократно, каждый раз открывая для себя новые истины...

ДУМА МОЯ, ДУМА*Творчество*

Бесконечна ночь. Мне одиноко...
На закрывших горизонт домах
Постепенно гаснут очи окон,
Гаснет свет на жёлтых фонарях.

Я гляжу на чистый лист тетради,
Отрешённый, умерший слегка,
По нему, как по озёрной глади,
Лебедем скользит моя рука.

И на лист, как будто из пучины,
Из глубоких непрозрачных вод,
Выплывают лица и картины,
Образов воздушных хоровод.

Вот уже у них своя дорога,
Вот они по свету понеслись...
В этот миг я превращаюсь в Бога,
Существам дарующего жизнь.

Вечер

Опустился вечер ясный,
И гадают старики:
Что за шум стоит ужасный
Возле дамбы у реки?

То ли пьяная гулянка.
То ли режут гусака,
То ли Анка-хуторянка
"Воспитует" мужика,

То ль со свадьбы по бурьянам,
В стельку пьян и голосист,
С электрическим баяном
Прётся Вася-гармонист,

То ли кто смеялся столько,
Что встревожил всех собак.
Знамо: Колька-Колоколька,
Пересмешник и варнак.

Может, сон пропал в народе?
Все галдят до одного?
Но прислушаешься: вроде
Нет, как будто ничего...

Только ветер издалёка
Залетел, поднявши вой,
Да журчит себе Протока
Потемневшею водой.

И старик уже кивает:
Ситуация ясна!
На деревне наступает
Время чудное – весна!

В этот вечер и без драки
Колька может пошуметь,
Да чего там: и собаки
Петухом готовы петь.

Тут, конечно, и гулянка,
Тут и Васька выпить рад,
Тут и Анка-хуторянка
Свой внесёт посильный вклад.

Тут на радостях и ветер
Взвояет "через не могу"...
Ах, прекрасен тёплый вечер
На протоцком берегу...

* * *

Бывает весенней порою:
Как ангел сна
Внезапно перед тобою
Пройдёт Она!

Исходит волшебный, зыбкий,
Зовущий Рок
От глаз её, от улыбки,
От стройных ног...

Восторга заветные крохи
Вкусит душа,
И только прошепчешь на вздохе:
"Ах, хороша!"

Всего лишь одно мгновенье,
Прошла – и нет!
Как ангел, как привиденье,
Как сон,
Как бред...

Но долго тебя тревожит,
Как Неба весть,
И шепчешь: "Спасибо, Боже,
Что это есть..."

* * *

Ах, какие я смешивал краски!
Ах, какие слова подбирал!
Ах, какие я песни и сказки
Для любимых людей сочинял...
В эти песни я вкладывал душу,
Я сжигал своё сердце в словах –
Только песен моих недослушал
Серый ветер в осенних полях.

Я любил всё живое на свете:
И зверей, и травинку красу –
Только шорохом листьев ответил
Грустный ветер в осеннем лесу.
Пел я горы, где скалы и льдины,
Где орёл лишь гуляет один –
Только белые сбросил лавины
Ураган с отдалённых вершин...

Не слагаю я песен отныне
И к ничьей не стремлюсь похвале.
Ветхий парус грустит о пустыне,
Как о самой заветной земле...

* * *

В моё окно холодный дождь стучится,
И шорох крыльев с самого утра –
За клином клин...

"Куда так рано, птицы?".
Они в ответ:
Пора-а, пора-а, пора...
И я бы бросил этот край унылый –
Как радостно за солнцем улетать!
Но только здесь
Отцовская могила,
И дом отца,
И одинока мать...

И я останусь с этими дождями,
Дождусь зимы, потом – весенних гроз.
Какими-то незримыми корнями
Я незаметно в эту землю врос.

* * *

Дума моя, дума,
Горе моё, горе,
Сердце моё, сердце,
Что вы рвёте грудь?
Я за синим лесом,
Я за синим морем,
Я за синим дымом
Лягу отдохнуть...

Милая сказала: "Стыдно даже слушать,
Что не в деньгах счастье, не в богатстве честь".
Милая сказала: "Детям надо кушать".
А потом вздохнула: "Это – жизнь и есть".

Если жизнь такая, и ни капли боле –
Для чего же речка под луной блестит?
И зачем туманы шевелятся в поле,
И вечерний ветер травы теревит?

А в тумане что-то... брезжится ли, снится?
Невесомых крыльев шелестящий звук,
Словно в синь синица чистых рос напиток
Опустилась с неба на уснувший луг...

Одолев заслоны ежевики колкой,
Разомкнув объяття виноградных лоз,
Я уйду из дому ночью втихомолку
Собирать осколки драгоценных грёз.

И за синим лесом,
И за синим морем,
И за синим дымом
Лягу отдохнуть...
Дума моя, дума,
Горе моё, горе,
Сердце моё, сердце,
Что вы рвёте грудь?

Творчество

Все связи мира разорвав,
Как звери в хищном торжестве,
Кружась, сгущаются слова
В моей несчастной голове...

Когда сгущаются слова,
Не проклинай мой злобный нрав!
Хоть ты права, права, права!
А я – не прав.

Но нет меня среди живых!
Но нет меня среди людей!
Я весь – в плену пространств иных,
Я весь в когтях чужих страстей!

Владыка мрака и огня,
Создатель Солнца и планет –
В сей час – товарищ для меня,
Но с ним у нас согласия нет!

Я совладелец грозных сил
Создатель замыслов и слов,
Я – созидание светил
И разрушение миров,

Хозяин жизней и смертей,
В небесном бьющийся костре...
Не прикасайся же к моей
Инопланетной коже!

Оставь меня!
Я гибну? – Пусть!
Не тронь меня в моей борьбе,
И я – вернусь, вернусь, вернусь
К тебе, к тебе, к тебе...
К тебе.

РАЗНООБРАЗИЕ ТЕМ В ПОЭЗИИ В.А. ДИНЕКИ

Поэзия Вячеслава Александровича Динеки отличается разнообразием тем и образов. Кажется, поэт задался целью отобразить в стихах всё, что он пережил, к чему стремился, что его волновало. Интересный нюанс: по словам Вадима Петровича Неподобы – В.А. Динека был в силу обстоятельств лишён литературной среды и не подвергался никаким влияниям. Он писал о том, что "подсказывало ему сердце и опыт жизни".

Поэзия Динеки проникнута философией, но истины подаются простым и понятным языком, а многие строки афористичны.

Каковы же были отношения В.А. Динеки с Богом? По кусочкам отдельных фраз, образов и мыслей можно отчасти восстановить общую картину духовных поисков поэта. Так, признавался Вячеслав Александрович, в мятеже, в том, что когда-то усомнился в Божьем промысле, и "этот миг безверья и стыда / Кусочком льда лежит в усталом сердце..."

"В мире бессонно / Трудится Бог..." – говорит нам В.А. Динека, и это уже признание поэта в вере в Божественное присутствие.

Прекрасно иллюстрируют эсхатологические представления поэта строки философского стихотворения, начинающегося словами "Осенний лист, забравшийся высоко...":

"Мы не умрём...
Но вечно нам не жить.
Нас ждёт совсем другое продолженье –
Нам вечность подарила лишь мгновенье
Над первозданным хаосом парить.

Так капля пены в буре над водой
Взлетит на миг, гордыней обуяна,
Сверкнёт в лучах стремительной звездой
И... снова станет телом океана".

Нужно отметить, что В.А. Динека очень любил использовать образы звёзд и Космоса. Поэт очень остро осознавал свою причастность к тайнам Вселенной. Эта характерная для Вячеслава Динеки особенность ярко выделяется в стихотворении "Вечернее", задумчивом, очень романтичном:

"Мы расстанемся с Вами
На этом небесном разъезде.
Повинуясь законам Вселенной,
Прервём разговор...
Пусть останутся Вам
Эти яркие бусы созвездий,
Эти чётки планет,
Этих звёздных туманностей флёр".

Мотив возвращения к природе также звучит в поэзии В.А. Динеки:

"И снова тянет в ветреное поле,
В смятенье бурь и радость непогод.
Хочу в леса!
Хочу звериной воли!
Хочу прожить в безлюдье этот год".

В.А. Динека использовал в поэзии и фольклорные сюжеты. Так, например, интересна его поэма "Пятница" (лесная легенда). Образ человека, потерявшего Рай из-за своей жадности, образ чудесного существа, которое вознаграждает человека за доброту, но может и наказать – эти образы часто встречаются в фольклоре разных народов мира, но и здесь В.А. Динека проявил свою творческую индивидуальность.

В.А. Динека – поэт наблюдательный. Он описывал зимний город в одноимённом стихотворении, подбирая красивые метафоры: "Озябшей мокрой кошкой / Стучался серый снег", "Упрямый и рогатый, / Медлительный, как вол / Седой и бородатый / Троллейбус снег молот", а метель сравнивал со стружкой "из-под жала / Токарного резца".

А теперь хотелось бы осветить три важнейших темы в поэзии В.А. Динеки, которые раскрываются в следующих концептах: Любовь к Женщине, Любовь к Жизни, Любовь к Родине.

Любовная лирика занимает особое место в поэзии В.А. Динеки, прежде всего, в сборнике "Цвет памяти". Дело в том, что Вячеслав Александрович пережил потерю любимой жены. Тоской по Любимой, которая была для него Музой и вдохновительницей, проникнуты строки замечательного стихотворения-диалога "Двое":

"И счастья нет, и нет душе покоя,
И сердце бесприютное болит...".

Подобно великим итальянским поэтам эпохи Возрождения, В.А. Динека горячо и благодарно выражает любовь и преклонение перед своей "Лаурой" и "Беатриче":

"...Я жил, я был любимым!
Прекрасная пронзила жизнь мою
Сверкающим лучом неповторимым".

А как прекрасны по своему изяществу и искренности строки следующего стихотворения, оставшегося без названия:

"Когда в моей скитальческой судьбе
Теперь я вспоминаю о тебе –
Мне снова счастье ангелы несут
Из самой бездны занебесных чуд".

Произведение начинается с нежных слов "Любимая, любимая, любимая..." и ими же заканчивается. Стихотворение – своего рода манифест Любви, которая не умирает, Любви вечной.

Как выражается в стихах Динеки концепт Любовь к Жизни? Прежде всего, этот вид любви к Жизни, сотворённой Богом, замечен в стихотворении "Лесник". Стихотворение пронизывает необыкновенная доброта... Нельзя сказать, что это только детская поэзия, но его можно и нужно читать детям. А Лесник, приютивший животных в своей избушке и своём сердце, – это образ самого поэта.

Любовь к Родине – неотъемлемый компонент поэзии В.А. Динеки – поэта-воина. Вадим Петрович Неподоба писал об "особинке поэзии Вячеслава Динеки, двадцать лет не снимавшего грубой офицерской шинели, но сохранившего душу в её чистоте и способности к благородным порывам". В.А. Динека посвятил героям, сражавшимся за Родину, множество замечательных стихов. Есть у него стихотворение "Солдатская слава" (Кавалеру трёх орденов Славы Ивану Ивановичу Лебеденко), нежное и в то же время огненное... "Над валом Восточного форта" посвящено Герою Советского Союза Петру Михайловичу Гаврилову и всем героическим защитникам Брестской крепости, имеет чёткий, солдатский ритм и говорит:

"И нам, с нашим мелочным бытом,
Суровая совесть велит:
Да будет ничто не забыто,
Да будет никто не забыт!"

А в замечательном стихотворении "Командирское сердце" В.А. Динека взывает сразу к нескольким Героям Советского Союза: Филиппу Даниловичу Гореленко, Анатолию Гавриловичу Козиеву, Григорию Федотовичу Короленко, Андрею Ильичу Кравченко, Алексею Васильевичу Петрову, Ивану Кузьмичу Половцу. Это стихотворение требует отдельного критического анализа...

И наконец завершаю разбор военно-патриотической темы в поэзии В.А. Динеки следующей цитатой-предсказанием из его стихотворения "Я тоже вернусь":

"Россия мальчишек своих не забудет,
Безвременно павших на этой жестокой войне".

Не миновали кубанского поэта сомнения в собственной творческой миссии. Так в фантастической балладе "Инопланетянин" В.А. Динеки звучат следующие горькие строки, полные сомнения и внутреннего протеста:

"Зачем ты мне, душа поэта
И дар волшебный – сострадать?"

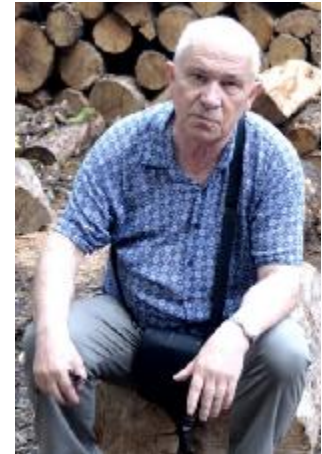
И всё же В.А. Динека, воистину обладая душой поэта, не изменял своему творческому призванию. Он не мог не писать стихи. В.А. Динека, подобно А.С. Пушкину, воздвиг себе "памятник нерукотворный" – и в стихотворении "Пыль веков" кубанского поэта звучат пророческие строки:

"И сам я вовеки пребуду,
Подобно упавшей звезде,
Куда ни помотришь – повсюду,
Куда ни заглянешь – везде..."

Ольга Базайкина, научный сотрудник
Краснодарского государственного историко-археологического
музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

Краснодарский край

Ивеншев Николай Алексеевич родился в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах "Москва", "Наш современник", "Дон", "Родная Кубань". Собкор газеты "Литературная Россия".

Лауреат различных российских и международных конкурсов, а также диплома "Серебряное перо Руси". Лауреат литературных премий, среди которых краевая литературная премия им. Е. Степановой (за последнюю книгу трилогии о героях войн "Заслон", куда кроме неё вошли книги "Земные звёзды" и "Взвод"), Международная премия "Душа прикоснулась к душе" (2004), премия имени Антона Дельвига (Москва, 2007).

Николай Ивеншев – заслуженный работник культуры Кубани, режиссёр Поэтического театра "Мельпомена", член Союза писателей России.

НОЧНОЙ ПОЛЁТ ШМЕЛЯ

Рассказ

Когда подошла к нему сестра со шприцом и попросила приподнять футболку, а потом с серьёзным видом воткнула маленькую иглолку в живот, Вовк грубо пошутил. Сестра Валя сумела улыбнуться. И чётко вышла из палаты, ритмично стуча каблуками.

Вовк втянул воздух:

– Две вещи есть на свете, от которых я "балдю". Это бабы и деньги.

Николай Николаевич, издал неопределенный звук и повертел свою книгу. Он читал роман исторического писателя Яна "Чингисхан".

Вовк продолжил:

– От красивых женщин и больших денег петь хочется.

Фёдор Кузьмич согласился с этим.

– Ну, мы же не песни петь сюда приехали, – Николай Николаевич вложил в книгу расчёску, служившую закладкой.

– А чё? И запоём. Правда, маэстро?! – Вовк взглянул на меня. На его лице дергалась ироническая усмешка.

Я работал в местном доме культуры, вёл хор, который состоял из бабуль, решивших в финальной части своей жизни петь классические казачьи песни.

– Правда, какая песня без баяна! – ещё раз усмехнулся Вовк и размешал жёлтую жидкость в высоком стакане.

– Пойло! – подытожил он. – А ты "Полёт шмеля" шпаришь?

Моего ответа Вовк не дождался.

В палату хмуро забрела санитарка Люси.

Она приказала сидящему на кровати Вовку подобрать ноги. У Николая Николаевича подоткнула одеяло. У Фёдора Кузьмича поинтересовалась делами.

Я встал, Люси протащила тряпку, намотанную на швабру, к моим ногам.

– Сейчас будет петли Нестерова выписывать, – сообщил Вовк.

Он не смутился тем, что Люси слышит его.

Пол в палате Люси мыла бессистемно, наскоками, возвращаясь к уже промытому участку и не замечая сухих, ждущих влажную тряпку досок.

Люси была дурочкой.

Когда она проплывала, специально тормозя своей шваброй мимо Вовка, тот слегка хлопал её по мягкому месту. Она оборачивалась и беззлобно реагировала: "Дурак!".

Выписав очередную петлю, Люси вышла с прикушенной губой.

Вовк любил рассуждать:

– Удивляюсь нам, мужикам... Счас докажу. Работает у нас на вышке инженер. Андрей Алексеевич. Жинка у него – игрушечка. Пряма, из фарфора. А эта Люси наша, тоже устроилась. Специальность у нее одна – пол тереть. Так этот Андрей Алексеевич с ней снюхался. От жены-то, фарфоровой куколки. Интеллект у Люси ниже плинтуса, ни кожи, ни рожи – сами видели, топором тёсаная.

– Любовь зла, – к чему-то сказал Фёдор Кузьмич.

– Не то слово. Нам за него стыдно было. На машину её сажал и в город, по магазинам вёз, чтобы Люси выбрала какую-нибудь тряпку.

– Куда же потом любовь эта делась?

– Перевели Андрея Алексеевича, в Хадыжи. Какая причина, не знаю.

– А Люси? – Фёдор Кузьмич не отставал.

– Чё ей, сморгнула, другого нашла. А потом – в город подалась. А тот Андрей Алексеевич приезжал потом на "мерсе" своем. Шукал – нет Люси. История умалчивает.

– Скучно! – вздохнул Николай Николаевич и опять стал тискать страницы исторического писателя.

Вовк переключился на меня:

– Да, "Полёт шмеля" мы так и не услышим, а, маэстро? Мне скоро на выписку, – Вовк шмыгнул носом. – Я вот ночью лежал, шурупы в голове подкручивал. Не вечно нам валяться кверху брюхами. Давайте сами себя веселить... счастливыми историями.

– Как это? – откликнулся Фёдор Кузьмич.

Я мыкнул, вроде горло прочистил.

Николай Николаевич промолчал, опять отложив Яна.

Вовк оживился:

– Ну, это... Я ж хорошо знаю, что в жизни счастья нет.

Я вспомнил Пушкина:

– "Но есть покой и воля...".

– Но его проблески случаются, – Вовк, хоть и шепотной, но порассуждать любил. – Это как золото в породе. Жила в камне или крупинка в песке. Правда ведь, маэстро?

Почему он меня тормозит?

– Истину баешь! – подтвердил я, чтобы хоть что-то сказать.

– А я вот чё придумал. Только без булды... Серьёзно. Где-то я слышал: во время чумы про любовь байки, в кружок – тоже, как мы на кроватях, и ну врать...

– С тебя первого и начнём! – откликнулся Николай Николаевич. – "Декамерон" книга называется. Бабьи проделки.

– Жизни не хватит, чтобы их перечесть, – заворочался на своей скрипучей койке Фёдор Кузьмич.

Вовк посерьёзней:

– Да мы о другом. Выясним, хотя бы так, приблизительно, есть ли в жизни счастье.

Я вспомнил себя мальчишкой. В бане. Голого ребристого мужика с татуировкой на груди: "НЕТ В ЖИЗНИ ЩАСЬЯ". Мужик весь был разрисован. В Третьяковку ходить не надо.

Вовк замер.

Фёдор Кузьмич крикнул:

– Итальянец книжку написал. Давно было это... Ты, Володимир, завёл эту историю с географией. С тебя и спрос. Начинай!

Вовк с маху проглотил жёлтую бурду:

– Я, милые мои, вор.

Он помолчал, чтобы почувствовать впечатление. Но, видно, не почувствовал. Продолжил:

– Я воровал сам у себя. Года три... Столько где-то... Фартило мне. Помните ваучеры, чеки, акции? Две "Волги" за чек...

– При чём здесь сивая лошадь? Помним и чё? – Фёдор Кузьмич вытер свой стакан бумажной салфеткой и налил туда кефира из бутылки.

Вовк тряхнул своей коротко стриженной головой:

– Мне достались акции нефтяной компании. И я не стал их продавать. Думаю, пусть поваляются. А эта нефтяночка в гору пошла. Уже у меня на этих-то небольших бумагах и тити-мити зазвенели. Башли живые. У них характер... Чё вот у этой дуры, Люси... Он на женский похож: чем больше тугриков имеешь, тем больше хочется.

Фёдор Кузьмич скрипнул пружинами своей узенькой койки:

– Ничего не понимаю, валяй дальше.

– И у нас здесь, в Васюрях, нефть стали качать. Я туда мотористом пристроился. Дал кому надо. Это ж не просто, это вам не жёлтый огурец... Пристроился. Дизель завёл, да храпака. Подушку давить надоело – за удочку, окуней дергай. Там рядом пруд. Лепота! Как в кино. И на вышке платить стали хорошо, дюже. Дрых так, дрых и додумался. Чё я такой суровый, как нитка сапожная. Надо жинку, Софью Сергевну свою, удивить. Гммм... Ну, и стал воровать у себя денежки. После зарплаты – часть башлей в заначку...

– Поясните, гражданин! – выпалил из своего угла Николай Николаевич.

Вовк помедлил.

– Ну вы прям, как с дуба свалились... Я часть зарплаты от-кла-ды-вал. Отдельно. Моя ни ухом ни рылом... Вначале прятал где попадя – в книжном шкафу, за сервизом "Мадонной". Счас поясню, для чего... Шестнадцатого июля у моей-то день рождения. И вот я подумал, совершу ей подарок, иномарку красную, чтобы она с лакированными ногтями, как птичка летала.

– Знаю, чем кончится твой рассказ, – заявил Фёдор Кузьмич. – Жинка заначку найдёт.

– Это было бы слишком просто, – не согласился Николай Николаевич. – Что же, господин Вовк, это вы хотели ей Новый год летом устроить, "Пежо" под ёлку.

Вовк рассыпчато рассмеялся:

п – "Пежо" под жо! Вроде того. Я хотел быть летним Дедом Морозом. Я вспомнил, что мальчишкой у своей мамки спрашивал: "Вот зимние Деда Морозы есть, а летних нет?". Дурак-дураком, – Вовк дёрнул бровью. – Честно, мужики, скажу. Мне понравилось у себя воровать. Ну, это я так, для красного словца. Я счас вот точно скажу, – он набрал воздуха, – что-то у нас с жинкой-то остыло. Нет, всё осталось, как есть – руки-ноги, машинка работает, но остыло.

– Любил, значит! – откликнулся Фёдор Кузьмич.

– А то, – отмахнулся Вовк. – Но вот уже шестнадцатое близко, надо в салон за иномаркой ехать, выбирать. Денежки-то перепрятал. В дымоход сунул, чтобы уж жена-то конкретно не отыскала... Последнюю порцию, думаю, положу и на выходные двину в салон. А потом привезу: "Тпррру. Залазь, царевна, в красный тарантас!". А там и шестнадцатое. Тютелька в тютельку. Прихожу вечером с работы, Софья моя на огороде возится, шланги распустила, помидоры поливает. Отлично. Лезу в дымоход. А там ступенечка одна имелась, непобелённая, за которую я доллары-то спрятал. Дверцу открыл. Руку засунул... Братцы дорогие, обомлел... Не, не то слово. Ни зеленых, ни деревянных, ничего... Ноль целых, хрен десятых. Я и так, и сяк рукой, пальцами, фонарик, сам туда глаз запустил. Пусто. Меня как ударило что. Как током. И когда Софья в хату зашла, не помню.

– Ты, – спрашиваю, – вон туда не лазила?

Показываю на дымоход. Еле языком ворочаю.

Софья напугалась:

– Чё с тобой? Ты сам не свой!

– Не лазила? Отвечай же...

– А... сегодня из вдэпэо девушка приходила, Аллой звать. Ну, ты её знаешь. Скворцова Алка. Пантюхина дочь. В дымоходе лопаткой детской шерудила. Расписаться велела в журнале...

Я не стал дослушивать. Вот эти конечности – в руки, и – в вдэпэо. На рысах.

Алка эта Скворцова в их пожарной подсобке с огнетушителями возится, бирки на них шлёпает. На меня взглянула. И я сразу всё понял – она.

– Вы зачем?

Я в лоб:

– Деньги на бочку!

Она – ноль внимания:

– Какие деньги?

– На машину копил! Мои бабки!

Алла перестала бирки клеить, вяло села в углу, сигарету помяла, закурила... И на меня, как Ленин на буржуазию. Я не знаю, что там у неё в голове крутилось. Хотела она эти деньги присвоить или нет. Только докурила, ушла в свой кабинетчик. И вынесла, кинула на дощатый стол пачку долларов, завернутых в пергаментную бумагу.

– Я это вас... Ну, хотела попугать... Чёй-то вы деньги суёте куда попадя.

Уже осмелела, лоб трёт, нотацию читает. Всё же, думаю, хотела себе взять. Ей же ей. По морде видно. Я отблагодарить Алку хотел, часть денег отщипнул, дурень, а она клешней махнула. Идите, мол, пошли, мол, вы все. Достали.

– Так купил "Пежо"-то Софье своей? – поднялся с кровати Николай Николаевич

– Приобрёл! Классная машина, крутая, с коробкой "автомат". Ест мало. На вид - игрушка. Софья ко мне кинулась, долго сжимала меня, отойдёт, опять – на грудь. Но всё же чего-то я не понял. Верно сказано. Проблески счастья... Не понял я всей радости.

Фёдор Кузьмич песню промурлыкал, вроде того, что "кто-то теряет, а кто-то находит". Потом на Вовка долго глядел. Серьёзно.

– И что, у вас с жинкой наладилось?.. Помогла красная машина?

Вовк похмурнел:

– Год вроде ничего. А потом ушла. К матери вернулась. Её вроде какой-то режиссёр, вроде тебя, маэстро, в город взял...

Утром, после обхода, в палату к Фёдору Кузьмичу явились сын и сноха. Оба врачи. И оба чистенькие, с иголки одетые, какими бывают теперь люди с хорошим достатком. Сын всё время клонил свой подбородок к груди. Скажет что-нибудь Фёдор Кузьмич, сын клюёт долгим носом. Сноха больше на своего мужа смотрела, будто бы гордилась им. Иногда и на Фёдора Кузьмича взглядывала, но равнодушно. У неё было прилежное личико, обвитое слегка вьющимися волосами.

Сын и сноха принесли Фёдору Кузьмичу новенькую больничную пижаму, и сын, с тем же почтительным видом, попросил примерить. А, они, мол, отвернутся. Фёдор Кузьмич, похохатывая, сдёрнул с себя трико и футболку, облачился. Пижамы была ладной, подошла. И "дети", так их называл Фёдор Кузьмич, ровным шагом удалились.

Не успела закрыться дверь, как явилась Люси, держа швабру как хоругвь. Опять повторилось вчерашнее: восьмёрки по комнате, похлопывание по круглому заду санитарки.

Вовк был в своём амплуа. Ушла Люси. И он оглядел щипающего свою обнову Фёдора Кузьмича.

– Кузьмич, а Кузьмич, сегодня ты эта, Херизада. Сегодня твоя очередь вечером отчёт держать. Реестррррр сейчас, так зать.

Что-то Вовк ёрничал сегодня.

Фёдор Кузьмич как не слышал:

– Гордиться мне есть чем. Детями. Всех выучил, всех устроил. И послушные они: скажи я им, езжайте, мол, в Ачуево за чёрной икрой, тут же ударят по газам и сколько надо, столько и приволокут. Хоть бочку. И вот ещё чё? Сын же врач, Анатолием звать, он, как узнал об моём инфаркте, так моментом – сюда. Всех подключил.

– Как он у вас произошёл, инфаркт-то этот? – поинтересовался Николай Николаевич.

– А никак. Рыбу рубил для собак. Головы – секир-башка, хвосты – туда ж, чистил. Вот и зажглось внутри, будто туда кто-то кипятком плеснул. Раньше это проходило, а тут никак не снималось. Прут там железный горячий, вот как... Но вы, Николай Николаевич, не отвлекайте меня. Я расскажу. Не было у меня счастья в жизни ни до, ни после. Не случилось...

– После чего? – это то ли Вовк спросил, то ли Николай Николаевич. Не разобрал.

– Не торопи, ёлкин дрын, сейчас доложу. Само собой, много золотого песка было: вот сын родился, потом дочь, радовались вместе с женой. Но не дотягивало до полноты. До самородка. И дом вот построил, на свои. Внуки пошли. Какие-то доли счастья. С гулькин хвист. Скорее, удовольствие. Я это всё понимаю. Но и, честно сказать, удовольствие от всего бывает. Вот, допустим, раньше выписывал "Роман-газету". Не всё читал. А накопилось её ящика четыре. Супруга моя чистоту читит. Читит! Лена Александровна, супруга, и утрамбовала меня: снеси на чердак макулатуру свою, пыль от неё. Снёс. А потом стал туда лазить – прислонюсь к чему-нибудь, а на горыше много всякой всячины, и уткнувшись в жёлтые листки-то этой "Роман-газеты". Тишина кругом. Никто не трогает. Это – вроде удовольствие. Или в баньке в новой помыться – в своей, не в казённой. Чем не радость? А счастье было... Было. И долгое было, скажу вам...

Фёдор Кузьмич оглядел палату. Потом глазами остановился на каждом. Примерялся, поймут ли. Я сделал лицо, как будто меня на паспорт фотографировали. Абсолютно пустое лицо. Как у пешки. Николай Николаевич и Вовк замерли, интерес взял.

– Помнишь, Володь, шапки ондатровые были в моде?

– Ну, помню и чё, – подтвердил Вовк. – Чё дальше?!

– А дальше... У меня идея пришла: ловить этих ондатр, выделять да шапки из них... Шить. Вначале дело плохо шло. Утром на сбросных каналах ондатры на солнышко взглянуть выплывают.

– Они на крыс похожи! – вставил слово Николай Николаевич.

– На крыс. Крысы и есть. Дело-то вон какое. Мода. Каждый начальник, большой и малый, хотел шапку из ондатры. Просто страсть. И чем выше шапка, тем выше начальник по званию. Тем важнее начальник. По ним одним можно отличать, кто что стоит. Это, как сейчас, номера на машины. У кого-то номер простенький, у кого-то важный. С чередованием цифр.

Ну вот, мы с соседом, Ватрушкой соседа звать, под мостом хорошо ловили, волокушей. А потом накидкой, специальной. "Паук" называется. Кинешь в ондатру этакую крупную сетку. Она, хоп, и затягивается на ней. И быстрее надо тащить, чтобы зверёк капрон не перегрыз.

Плохо в самом начале было. Скучно. Надо было научиться выделывать, квасцы и всё такое, воница стояла по всей хате. А потом в баню перешёл. А Лена Александровна у меня умелица, научилась и выкраивать, и шить по лекалу. У ондатры шкура толстая, так в машинке и челнок особый, и лапка, и иголка. И, скажу я вам, всё же везенье в жизни бывает. Мы с Ватрушкой одну-две ондатры в день добывали. Но что-то... Будто эти водяные крысы все вдруг захотели на шапки к начальникам. В гору дело. Помню, первую шапку я продал за бесценно заведующему "Заготскотом" Леонтьеву. У того все пальцы золотом обнизаны... Счастье – оно неизвестно, по какому расписанию движется. Это всё же не поезд. А чё-то другое!

– Да уж, конечно! – поддакнул Вовк. – Сам знаю!

– Удача и попёрла. Шапки по три, а то и четыре можно было за сутки пошить. Уже ко мне и из соседних станиц люди приезжали. Всё у них было на мази. А нового головного убора хотелось. Мода. Ни в каком магазине не купишь, хоть в Америку езжай. Нема-е таких шапок... Шапка из нутрии не то. Склизкая, как соплями обмазанная. А ондатры, они же рыженькие, с переливом. Деньги, в полном смысле, примагничивались.

Николай Николаевич встрепенулся, плечом дергал:

– Ну, и чё, не ловили вас за этот бизнес? Не жучили?

– Не... Я кое-кому по шапке подкинул. В блестящей упаковке, как из-за границы. И не ловили. Присматривались. Я уже тогда понял, что в жизни деньги – это большое дело. То, что люди презирают их, это полные враки. С рублём-то, да не с одним, а с длинным рублем, можно гору свернуть.

Я человек широкий. Не стал деньги копить, а в дело пускал. У меня одного в станице, да, наверное, и в районе, было длинное кожаное пальто, как у настоящего мафиози, "Волга" опять же чёрная, в блеске во всём. И дом стал ложить. Он быстро вырос. Конечно, с Ленусиком со своим... своей, мы и уставали. Но ведь как выйдешь в кожане своём из черной "Волжанки", так сердце-то и заколотится. Ведь все вокруг в осадок выпадают. Зависть. И хижина моя выросла, чи замок. Пушкой не прошибёшь. Ленусик в парче и золоте.

Вот, скажу вам, мужчины, этот проблеск счастья длился года три. И я, как бы даже не ходил, а летал. Что беркут. И не верилось мне, что это когда-нибудь кончится. А кончилось внезапно, как будто вот взяли и красное число на численнике оторвали. Вот так вот. Оторвали...

И кто бы мог подумать, оторвал тот же Ватрушка, с которым мы перестали ондатр ловить. Он в мехколонну устроился. А я и рад был. Не разгадал я Ватрушку... Того... Мода на ондатру кончилась. Вот и вся, вот и вся сказка кончилась. А Ватрушка тот с Мишкой Коршуновым поехали к гуцулам, в город Старый Самбор. Оттуда песцов привезли. В клетках проволочных. Клетки у себя во дворах установили. Песцы эти живо размножаются... Дааа...

Фёдор Кузьмич устался в угол. Вроде вспоминал.

– И стал Ватрушка песцовые шапки изготавливать. Бять буду, хуже они ондатровых, вроде с какой-то нежностью. Но брать стали очень даже хорошо, а от меня отвернулись. Песец в гору пошёл. Между прочим, я вот чё подумал: песец-то этих "рукамоводителей" и подвёл. Нежность-то этого песца. Власть они упустили. А ходили бы в ондатрах, хрен бы их кто взял...

Мишка Коршунов, он в доле был с Ватрушкой, ехидный человек, на рынке меня встретил, лыбится: "Как твой крысятник?" Я ему в рожу хотел двинуть или хотя бы плюнуть. Но домой зашуровал, а в голове фраза вращается, подъялдыкивает: "Федя, Федя, полный тебе писец!".

– И чё? О каком счастье ты нам рассказал? – Вовк раскинул ноги на своей кровати, будто на пляже.

– А!.. Ты чё? Не понял? Эти вот три года и были для меня самыми счастливыми. Я уж тогда про всё забывал: и про деток малых, и про сон, и про, простите, женскую сладость, – Фёдор Кузьмич прокашлялся. – Как в обмороке. Трепетал весь, как огонь в костре. Ладно, расстроился, спать попробую.

Уже после десяти вечера, когда погас яркий свет в палате и коридоре, а осталась лишь одна тусклая лампочка у порога, я, вдруг ясно понял, что не усну. Голова была ясной, а матрас тугим и неприятным, будто лежал на большой тракторной крышке. Такие громадные крышки от трактора К-700 мы вкатывали на гору. Гурьбой. С передыхом. А потом жгли их, окутывая своё село чёрными полосомами ядовитого дыма. Интересно-то, что. Тогда за это никто не ругал.

Я крутился на матрасе, и недавнее признание Фёдора Кузьмича подтолкнуло меня к тяжёлой мысли, что ничего такого в жизни у меня не было. Не было счастья длиной в три года, длиннополого плаща и чёрной машины, не было даже вот такой остроты внезапной потери, а потом обретения денег.

Счастье нехитрое, но хоть какое. Опять в голову влез банный тот мужик с костлявым задом. "Нет в жизни щасья". У того типа на ягодицах были вырисованы два рогатых мужика – черти, наверное.

Черти с лопатами. И при ходьбе лопаты двигались и ритмично кидали золотые монеты прямо туда, мужику... в туда.

Эхххх! Не было у меня даже детского подарка от зимнего Деда Мороза. Кулёчка конфет под ёлкой или игрушечного, заводного на пружине, грузовика, как у Серёжки Кудряшова. Пакет сладостей выдавали в школе. Это были "подушечки" вперемешку с искрошившимся печеньем и шоколадными конфетами "Ласточка" и "Радий". У нас не было традиции отмечать даже день рождения. И отец, когда заводили разговор об этом, всегда хмурился и ворчал: "Это число. Ни больше, ни меньше. День рождения – это число".

Я родился в мае. В это время у соседей, у Галаниных, расцветала сирень. Соседей в нашем селе звали шабрами. И я обязательно в свой день рождения нюхал эту чужую сирень. Шабрёлка, тётя Соня Галанина, была женщина добрая. Как-то я подошёл нюхать. А она отворила калитку в палисадник и за руку твёрдо повела меня к пахучим кустам. И я нюхал утренние, покрытые ещё прохладной росой, гроздья. Тётя Соня отошла к штaketнику и глядела на меня во все глаза. Я нюхал сирень. И мне было немного стыдно за это девчоночье действие. А тётя Соня успокаивала меня: "Я тоже люблю такое. Ты в мае родился. Маяться будешь. Ну, ничё... Проживём. Я тоже майская".

Шабрёлка, тётя Соня, меня не видела, глядела куда-то в гору, в сторону Власовых.

Я, мне тогда было уже довольно много лет – лет восемь, всё лепетал: "А сирень – это как ёлка, тётя Сонь". Прежде чем отпустить меня, шабрёлка сходила в избу, там намазала большую горбушку хлеба мёдом и протянула мне лакомство.

Галанины были богатые, держали пчёл.

Я знал уже, что скажет тётя Соня. Шутку: "Чтобы наши пчёлы тебя не жалили, а жалели!".

Вспоминалось и лезло в голову не то, что надо. Ну, не это же, не эти нюни-муни рассказывать моим соседям по больничным койкам. Хотя, если честно, нюханье сирени – это даже не проблеск счастья, а и поболее...

Но ведь это так быстро проходит. Все эти милые нюни-муни...

Как в фокусе с крышечкой от флакона духов, надетой на большой палец. Уносишь руку за спину, там колпачок – в ладонь. Кулак сжимаешь. И тут же высовываешь из-за спины уже голый палец. Фокус такой – вот она была и нету. Эта манипуляция повторялась в обратном порядке. Колпачок от одеколona опять оказывался нанизанным на палец.

Фокус.

И со счастьем так.

Конечно, были другие случаи яркого, мгновенного счастья. И тоже ведь не для огласки.

Я вспомнил, как моя голова лежала на коленях у Люки. Люка – сокращённое имя Людка. Людка Меркулова. Юн, глуп. Лежать было не то что приятно. Слово трудно найти. Её ноги были упруги, и эта упругость сдавалась. Я чувал это. Люка шевелила мои волосы. Счастье. Ну да. Счастье... Она даже целовать не позволяла. А тут – на ногах. И ещё: "Милый, милый!".

Она гладила, перебирала волосы. И вдруг ойкнула.

– Седина! – тихо воскликнула Люка. И с каким-то испугом. Как змею узрела.

Мне было девятнадцать лет. Седина? Седой волос? Мне стало тоже не по себе. Недавнее ощущение счастья улетучилось. Я почти прибежал домой, накинул широкий пояс баяна на плечо и стал терзать инструмент. Не знаю, зачем я это делал. Я играл, рвал инструмент долго и яростно. Мама это заметила, подошла и почти как и Люка уронила ладонь на мои волосы.

– Мам, – спросил я. – А бывает в моём возрасте седина?

– Редко, но бывает. Очень редко. Но это же не страшно. Пигментация пропадает.

Мама была строительным инженером и знала массу непонятных слов.

Она нагнулась, потеребила мои волосы:

– Дурачок. А ты что? У тебя нет ничего. Ты чёрен, как сказочный ворон.

Я не поверил. И у зеркала долго крутил голову. Ничего не нашёл. Вот она была и нету...

А вот теперь-то и сед. И теперь-то я не знаю, о чём надо рассказывать своим этим: Вовку, Фёдор Кузьмичу, Николаю Николаевичу.

Утром пришла врач Анна Егоровна Смуть. Она постояла у каждой кровати, как у школьной доски, и рассказала каждому о каждой хвори. Наверное, их так учили в медицинском институте. Просто перед каждым больным она отчитывалась. И отчитывалась с удовольствием, как подарки раздавала.

– Сейчас так не делают, – одобрил Николай Николаевич. – Сейчас врачи в угол глядят и пишут у себя на листках.

– Зайчиков рисуют! – подал голос Вовк.

– Мои не такие! – не согласился Фёдор Кузьмич. – Я за них денег не платил. И сын, и сноха самостоятельно выучились. А потом и интернатуру здесь проходили, на месте.

– Нуууу! – протянул Вовк. – Наверно.

Он сомневался.

Очередь вести рассказ о проблесках счастья, к счастью, была не моя, а Николая Николаевича.

Но это – вечером.

Весь день Николай Николаевич явно нервничал. Перебирал книжку с "Чингисханом". Будто этот татаро-монгол мог подсказать ему, о чём говорить. Наверное, Николай Николаевич не может выбрать тему. Так же, как и я.

И уже вечером, после ужина и градусников...

– Я не знаю, о чём рассказывать, – мягко заявил Николай Николаевич. – Буду плести, что на язык встанет.

Все согласились. Плети.

– Был я в бытность советскую председателем районного комитета народного контроля. Через меня и членов этого комитета проходили всякие неурядицы, всякие хозяйственные чэпэ.

Ну, допустим, такие. Ведь коню понятно, что на Кубани зимы нет. Коню-то может и понятно, но не московскому начальству. Однажды эти московские люди прислали в станицу Марьянскую, в школу номер восемь, большую партию лыж. В контейнере. Что с ними делать с лыжами – неизвестно. Как в песне у Высоцкого. "Нужны, как в финской бане лыжи..." Помните? Директор школы, адыг, вечно у нег стеснительное выражение лица, Хуг, фамилия...

– Буква одна не та! – хохотнул Вовк. – Продолжай, шахерезад!

– Ну вот. Назад лыжи не берут. Не в Москву же их везти. Снега днём с огнём не найдёшь. А Хуг этот – дошлый дядька. Школьный двор дырявый, как беззубый ветеран. Доски, починить изгородь – нет возможности. Доска – дефицит. И этот самый Хуг решил пустить лыжи на починку забора. Ну, вот его и разбирали на народном контроле. Не забор, Хуга. Хуг и в самом деле слёзы лил. Мы простили его. Даже не штрафнули. Вот, клянусь чем хошь, сам не знаю, за что простили. Может, уже тогда шапки песцовые носить стали, – рассказчик глянул в сторону Фёдора Кузьмича.

– Да, глупостей на этом свете много было, как у Гоголя, – проворчал Фёдор Кузьмич. И стал добавлять к рассказанному Николаем Николаевичем: – К нам вот в хозяйство, в "Красный Рассвет", по конверсии танк прислали. Конверсия, разоружение. Детские автоматы в печку, туда же и танки. Помню, сын, Алёшка, игрушки свои, танки и пулемёты, в школу относил. Там они эти военные игрушки сжигали. Так вот. А к нам в хозяйство тяжёлый танк солдаты пригнали. Для того, чтобы помощь осуществить. Армия, мол, экономике села помогает. Хорошо, что без башни прислали, без пушки. Прицепили к нему побольше плугов. И действительно танк этот пёр, как на буфет. Весь посёлок наш городского типа собрался, в ладошки бьёт. Молодец Иван Степанович Огурцов, тракторист, ловко управляет. Он танкистом в армии служил. Не забыл навык. По всему краю тогда дин-дон стоял. Рожь там, где танк землю ворочал, посеяли. А урожай не вышел. Дождём прибило. Поле стало, как вот у нашего поселкового мента лысына. Танк-то этот всю почву в резинку превратил. А на резине – какой колос.

– Так вот, глупостей много было, но они горе приносят, – наконец прорвался в речь Фёдора Кузьмича Николай Николаевич. – Ещё у нас одного преда разбирали. По нашим масштабам хозяйство у него было небольшое. Мехпарк. Прицепной инвентарь. Всё это находилось в полной исправности. И вот под зиму уже приходит разнарядка в колхоз "Светлый путь".

– Бывает и тёмный! – шпилька слетела с кровати Вовка.

– Бывает. Вот, он тёмный и вышел. Пять гусеничных тракторов присылают. Прямо с завода. Как из печки. Из города-героя Волгограда. А куда их? Даже ставить некуда. Мехдвор тесный. А надо чтобы крытый мехдвор-то был. Пред этот, Шулепов, мается. А тут на районном собрании ближайшем с соседом разговорился, с неким Пронько. Пронько Демьян Василич – чудака: "Пригони их мне, трактора эти. У меня как раз план по металлолому горит. Сдать государству надо чёртову уйму лому!" Заключение рукопожатие – договор вроде, даже выпили там, в райцентре. Шулепов рассказывал. Послал он Пронько Демьяну Васильевичу три трактора ДТ-75. С иглолочки. Пусть орлы разбирают на металлолом. Чё ж, там разобрали, да не полностью. Кто-то пронюхал. Новенькие трактора. И телегу в район, первому секретарю, шуруют. А секретарь, Горный Николай Иванович, на меня вначале это дело свалил. Потом, мол, на парткомиссию – к Усам. Это у нас председателя парткомиссии Родионова Петра Яковлевича так звали, старика. Строгача Шулепову или из партии вон.

Стали разбирать. А Шулепов не рыдает, как тот адыг Хуг, мне, да и членам комитета жалко его стало. Ведь сейчас пошлешь его к Усам, а тот – зверюга, живо шкуру спустит. До самых пят. А у Шулепова трое маленьких ребяташек...

И послали мы этого Шулепова собирать, забирать трактора назад. Не знаю, как уж там получилось. Забрал. Нашёл, куда поставить. По дворам ненужные трактора распихал. Один – у себя, один – к механику. И тэдэ. Усы-то всё не мог успокоиться, всё ему хотелось негодяя слопать...

– И чё? В чём же твоё счастье, Николай Николаевич, – хохотнул Вовк.

– А ни в чём. И зачем рассказал, тоже не знаю. Просто мне потом как-то легче стало, когда дурачина-простофиля Шулепов простым выговором отделался да мелким штрафом. Словно я с себя мешок с камнем тяжёлый скинул... Хотя было и наоборот – зря, бывало, выговоры лепили.

– Как сказать! – заключил Фёдор Кузьмич. – Кнут полезен русскому человеку, человеку вообще. Любому. Церкви-то почти нет. Менты в свои кормушки глядят. А где строгости? Нет этих самых строгостей. Одна какая-то Распутина с титьками. Вся строгость.

Вовк смеётся:

– Уже и Распутиной той нет. Куда делась. В Гималаях, у этих, у йогов.

В Гималаи-то мне надо было уходить. И я вторую ночь почти не спал. Всё возился, как на печи в бабушкином тряпье. О своём счастье думал.

Наверно, решил: нет у меня его. Не пришло и не придёт... Уже не то солнышко. Пятен на нём предостаточно.

Был воскресный день. В отделении нашем оставался лишь дежурный врач Смоленцев. Да и больных с гулькин нос. И те болтались, как в проруби.

Забегала запыхавшаяся Люси без швабры. Зато с куском яблочного пирога. Положила его на тумбочку Вовка: "Кушайте!" Вовк при ней же сказанул:

– Охмуряет!

Я позвонил жене. Наташа спросила:

– Что тебе принести? Яблоко?..

– А ничего, – сказал я. – У нас капустой кормят и гороховым пюре.

Это я так шутил.

– Блюдо музыкальное! – хихикнула Наташа.

Я подтвердил:

– Музыкальное.

Вовк слышал всё это:

– А пусть жинка твоя баян приволочёт. Приволокёт.

Я сказал это в трубку.

Трубка ответила:

– Ты чё, совсем очумел?!

Вовк слышал:

– Вот-вот, маэстро, "Полёт шмеля" сбациаешь.

Я нашёл-таки выход – сказал жене твёрдо:

– Неси!

Инструмент жена принесла к ночи. Как бурлак, за лямки.

– Будет вам ещё одно музыкальное блюдо, – я обвел всех глазами.

Все согласились: "Валяй!".

Наташа пристроилась в уголке, на единственном стуле. А я уселся верхом на низкую прикроватную тумбочку. Водрузил баян на колени, поправил ремни на плечах. Уронил себе под нос тихо:

– "Ночной полёт шмеля".

И, как будто неумело, стал разбегаться. Нарочно путался в самом начале. Шмель-то ночной, ищет свою волю. А уж потом, сам не выдержал, рванул танец этого шмеля. Тяжёлыми басами, крылышками ладов... Всё чисто и впервые так... ярко, что ли. А потом голову откинул, учился так у Ремизова, и минуты через две выдал уже чисто, без запинок, цыганисто "Чардаш" композитора Брамса.

Двери, я всё же видел окружающий мир, приоткрылись. Заглянула медсестра Валентина, потом она вышла, потом стали другие прибывать. Больные. Хворые. Чаще на цыпочках. А чего? Мой-то баян все звуки перекрывал. И я уже и инструмента не чувствовал. Так бывает. Будто не баян это, а лёгкая какая-то ветка... Вроде той веточки сирени из палисадника Галаниных. Я сыграл "Располным полна моя коробушка, есть и ситец, и парча". А потом французскую мелодию. Поля Мориа. По пластинке выучил. "Я могу тебя простить, как будто птицу в небо отпустить". Я отпускал эту птицу в воздух. И подлинно – воздух, ранее кислый от больничного пота, пах сиренью. И этими Люкиными коленями, юной нежной упругостью. И Наташиными волосами ранним утром. Я взглянул на Наташу и вспомнил то самое, которое прочно забыл. Японское. "У моря у синего моря, со мною ты, рядом со мною...".

Я вдруг сам ощутил то самое счастье, о котором толковали вчетвером несколько вечеров. Я отпускал и шального шмеля, и птицу, как будто пальцами отмыкал вначале запор клетки, а потом ловко развязывал и стреноженные лапки птички-невелички неизвестной породы и звания. Я отпускал эту свиристель незнамо куда. В форточку. За тёмные облака.

**ЛАУРЕАТЫ V ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
"ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА"**

ОЛЬГА АНДРОНИКОВАКраснодар

САНЁК И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Рассказ

– Я просто хочу свой "доширак", я не могу спать, у меня сосёт желудок! Почему вы с нами, как с собаками обращаетесь, что мы вам сделали?! – это истерит Санёк из Мариуполя.

Санёк плачет – примерно так же, как и все мужчины – некрасиво. Лицо сжалось в кулачок, покраснел, разевает рот, вдыхает воздух, пытается что-то сказать дальше, но не выходит. Комом встали и слова, и слёзы поперёк горла. Собственно, как и все последние четыре месяца жизни.

Санёк в ПВР – Пункте временного размещения – в Таганроге, с женой, двумя детьми и сводным братом по отцу. Матери разные а отец-то один – это Саша часто повторяет, подчеркивает кровность связи.

Конечно, Саша сам виноват – промухал ужин, загулялся с женой и детьми по местному парку и забыл про время.

Но на ПВР главное – это порядок, системность. Не будет порядка – начнётся анархия. Поэтому и гуманитарную помощь раздают строго по количеству в руки, и обеды-ужины по расписанию.

Санёк отличается от общей массы беженцев. У него модная стрижка – забритые виски, длинные волосы на макушке, собранные в хвостик. Чистая грамотная речь и бесконечная любовь к своей семье.

Истерика Саши идёт по нарастающей. Вены на лбу чётко обозначились, сам он покраснел.

Вот уж о ком бы не подумала, что будут проблемы. Второй день здесь – семью его сразу отметила. Дети опрятные, о чём-то болтают постоянно, смеются. Жена красивая. Сразу видно – неплохо-то жили. Санёк и здесь в первую очередь отец. Сам щупленький, плечики узкие, жопа с гулькин нос, но они все за ним гуськом ходят – и дети, и жена. Держатся за папку.

Ну, особо-то по ПВР не находишься – обычный спортзал, в котором расставили 250 плюс-минус армейских походных коек. Расставили плотненько, даже, сказала бы, чересчур. Ляжешь – повернёшься на бок, а у тебя перед носом лоб другого человека. Ну, или ноги – смотря как твой сосед улёгся.

Ну, а что Сашка-то взелся на пустом месте? Казалось бы, вопрос. Купил "дошик" – заварил, да и успокойся. Вот только задача невыполнима, когда у тебя ни рубля в кармане, нет ни работы, ни документов. А значит, и возможности заработать. Зато есть куча гривен, да толку с них.

"Путинские" 10 тысяч, конечно, выдадут, но только когда документы все оформишь, это займёт время. А живёшь-то сейчас.

Вот и приходится мужику учиться просить, а ведь он работал всегда, не украл, не выиграл, своими руками денег заработал. Да так, что и дом сам выстроил – по кирпичику. "Сам флюгер сварил, я же сварщиком работал!" – вспоминал Сашка.

Где сейчас этот флюгер? Там же, где и новая "плазма", – в груди кирпичей. Всё, что осталось от дома.

Это сложно, когда ты всегда всё сам, всё сам. А сейчас просить. Шампунь помыть – попроси. Футболки детям – попроси. А конфеты им можешь и не просить – на ПВР сладкое запрещено. Три сухие печеньки на ужин.

Нет, это не из жадности. Шоколад запрещён, потому как сейчас в пункте размещения мариупольцы – почти все неделями в подвалах сидели. Обычная конфетка "Алёнка" у ребёнка после такой голодовки может вызвать резь в животе, придётся в больницу везти.

А вот с шампунями, мылом и одеждой – здесь экономия нужна. Мариупольцы не будут тут долго. Уедут через 2-3 дня, когда состав наберётся. Но приедут новые. Сколько ещё будет этих автобусов – никто не знает, как и то, насколько хватит ещё той "гуманитарки", что волонтеры по крупицам собирают.

Иностранские компании в один голос бодро отчитываются, сколько денег они переводят беженцам, артисты-оппозиционеры проводят концерты в поддержку, собирают миллионы просмотров и ещё больше – долларов. Но всё же идёт в Европу.

А эти беженцы, получается, для них не в счёт – не ту сторону выбрали. А они просто бежали, где не стреляют. Как, собственно, и многие, кто в Польше сейчас или Германии. Когда от города руины, ты не ешь пятые-шестые сутки, выбираешь время между обстрелами, чтобы по чуть-чуть копать яму в мёрзлой земле – соседа хоронить – тут уж не до политических взглядов. Кинули клич "вывозят!" – и бежишь скорее. Куда – всё равно, лишь бы подальше отсюда.

Но этого не объяснишь тем, кто размышляет о свободе выбора, сидя в тёпленьком кресле за чашкой чая в своём же доме.

А у Санька пик истерики:

– Вы же обещали, что поможете! А сами что? Даже накормить не можете! Веришь, я собакам лучше варю, чем вот то, что нам дают хавать. Хватит уже надо мной издеваться, – голос Саши переходит практически в визг. – Давайте, к стенке ставьте и расстреливайте! Лучше так уже, разом – и всё!

Приходится вызывать подмогу – МЧС и полицию. Делаем мы, волонтёры, это всегда неохотно: тут шаг вправо-влево, и загребут Санька в полицию. Припадок пройдёт, утихнет он. Вот только уже не отпустят, а семье что делать?

Но сейчас ситуация нехорошая. Здесь и так все беженцы "на взводе". Истерика у одного может спровоцировать и остальных.

Пришли еще волонтёры – ребята из Церкви протестантской. Говорят, давай, мы с тобой помолимся, отпустит немного. А для Саши эта фраза сейчас, как красная тряпка на быка.

С одной стороны, и ребят верующих я понимаю. Они предлагают то, что когда-то помогло им. Каждый из них со своей душевной болью, каждому Бог помог.

Но Саша не слышит, ревет и пытается донести своё:

– Я просто хочу, чтобы по справедливости, понимаете? Вот новых прибывших-то накормили, значит, можно и ночью столовую, а меня почему выгнали?

Он пытается ещё что-то сказать, но рот из-за истерики кривится, воздуха не хватает. Опять ревет, слёзы такие крупные, кажется – в нём их озеро целое накопилось.

Тех, кого привезли, накормили продуктами не из столовой. Их накормили снова из запасов волонтерских, которые тают на глазах. От государства им положено только завтрак-обед-ужин. А все эти ночные кормежки – исключительно инициатива волонтеров. Потому как новоприбывшие, как правило, в пути были по полсутки-сутки. И не каждый смог с собой захватить хоть хлеба.

Начнёшь ночью кормить и тех, кто в ПВР, запасы быстро на нет сойдут.

Но сердце старшей по смене наконец-то дрогнуло. Правила на то и правила, чтобы при случае их нарушать.

Заварили мы Саньку "дошик" его долгожданный, а есть он и не может. Начинает рассказывать. Этих парней только отпускать стали, он в Мариуполе в бригаде был, трупы хоронил. Друзей – в том числе.

Смотрю на руку – вся кривая. Говорю: что это у тебя – производственная травма? На заводе же работал? Оказывается, сломал руку во время бомбёжек, но не говорил жене, не обращался к врачам – некогда было. Перевязал сам и таскал шифер – он в Мариуполе как укрывной материал использовался – тела мёртвых хоть чем-то прикрыть.

– Ну, иначе невозможно же! Ты вылезешь из подвала, воды хоть дождевой собрать. А они лежат – смотрят.

Срослась рука криво, да и не в полную он её может теперь задействовать. Как работать дальше сварщиком – непонятно.

Саня всё не ест, снова ревет. Говорю, мол, ну а теперь-то что, ну вот еда же, чай вот с печенькой, давай, пей.

– Стыдно, – говорит. – Вы поймите, я не знаю, что со мной, у меня вообще-то высшее образование, я экономический окончил, это потом в сварщики-то – там платят больше. Сам не пойму, почему такого наговорил. Я неправду сказал – вкусно кормят у вас, и мясо каждый день. Спасибо вам, ребята. Я просто сегодня с женой и детьми в парке был, там музыка, концерт, карусели. Мне на какое-то время показалось, что я в нормальной жизни снова, что всё прошло. А тут пришёл и вот опять – реальность. Правда, не знаю, что со мной произошло...

ПТСР с тобой произошло, Саша. Посттравматическое стрессовое расстройство. По-хорошему, терапию у психолога проходить надо, а так и будет иногда кукушка отлетать – то из-за "дошика", то из-за пуговички. Но говорить ему об этом пока не стоит – позже направят на консультацию, уже в городе размещения.

– Я просто хотел, чтобы по справедливости всё было, понимаете?

Сводили мы Сашу в медпункт, выдали ему четыре таблетки глицина под язык и наконец-таки утолкали спать нашего ночного воина справедливости.

АННА КОРНЕЕВА

Воронеж

ПАШКА

Рассказ

У каждого человека хотя бы раз в судьбе случается такая пора, когда рушатся империи, гибнут города и страны, сама жизнь его летит под откос – к чёрту, сброшенная с наезженной трассы.

Вот и героиню нашу мы застали в этом же жизненном периоде.

Маленькая и крепкая, как грибок-боровичок в осеннем лесу, стоит она у откинутого борта небольшого, будто игрушечного, грузовичка, примериваясь, как половчее ухватить то ли жардиньерку, то ли этажерку – впрочем, оставим этот вопрос мебельщикам – нас же интересует совсем другая история. Совсем другая...

Из кабины грузовичка через зеркало заднего вида на её неловкие манёвры сердито поглядывает усатый дядька-водитель.

Накινή хозяйка ему ещё на пару бутылок ("обмыть новоселье", – мысленно оправдывается он перед женой), и он таскал бы вещи вместе с нею. А так жадная баба пусть рвёт пупок одна... "Эх, дуры... За копейку удушатся", – недобро думает он.

Но он и так не внакладе: мзда за 4000 км туда-сюда, пустой обратный прогон (впрочем, не такой уж и пустой: он ловко подрядился забрать в обратный путь груз из соседнего городка), время простоя на погрузку и разгрузку оговорены заранее.

И ему невдомёк, что у скупой, по его разумению, хозяйки не останется денег не то что на новоселье, а лишь на неделю-другую одиноких сиротских обедов: жиденский куриный супчик с бомжовкой, овсяная каша на воде, тушёная капуста да чай с сахаром и куском хлеба для сытости.

"И надо что-то решать с работой, надо что-то решать, надо, надо", – устало думает она, подтаскивает вещи ближе к борту, неловко спрыгивает.

На этот раз она несёт в свой новый дом большой уютный торшер с разлапистым абажуром, который не влезает ни в один лифт.

Она волочит его по лестнице на свой шестой этаж и, задумавшись, теряет равновесие и больно ударяет себя по ноге. Боль отрезвляет её. Возвращает к реальности.

Она вспоминает, почему оказалась в этом пахнущем кошками и старухами подъезде с зелёной отваливающейся краской по узким лестницам.

Её разлюбил муж. И ей пришлось уйти. Уйти из жизни. Его жизни.

Ступеньку за ступенькой штурмуя с неудобным торшером лестницу, она крутит на языке эти слова: уйти из жизни. Уйти из его жизни.

Пока для неё это синонимы.

На площадке четвёртого этажа она делает передышку и с удивлением обнаруживает, что у неё в руках торшер. Тот самый, за который так ругал её муж.

Только сейчас она понимает, что муж уже разлюбил её, но никак не мог набраться мужества сказать ей об этом. И ругался на неё, транжиру, за этот бестолковый торшер.

Ведь право покупать такие глупые, восхитительно бессмысленные и уютные вещи имеют только любимые женщины.

Обратно она спускается на лифте. Стоит, прислонясь к грязной стене и закрыв глаза. Её едва держат ноги.

Вернувшись к грузовику, она с удивлением обнаруживает, что дядька-водитель сжалился и перетаскал её вещи ближе к борту.

А теперь отдыхает, облокотясь о свой грузовичок, и разговаривает с другим водителем. Тот чинит припаркованную рядом выдавшую виды "девятку". "Пацанская тачка", – определяет она.

Её дядька-водитель солидным баритоном даёт советы.

Неожиданно для себя она весело спрашивает: "Помощь нужна?".

Владелец "девятки" высовывается из-под капота, улыбается в ответ: "Пополнение прибыло? Ну давай знакомиться, соседка. Павел", – и сует ей испачканную маслом руку, смущаясь, отдёргивает.

Она жмёт ему загорелый крепкий локоть.

Усатый водитель сердито хлопает дверью грузовичка: "Баба, а туда же", – он раздосадован тем, что ему не дали поучить молодого.

Павел убирает подпорку, решительно захлопывает крышку капота, квакает сигналка.

Через несколько минут, загрузив лифт под завязку, притиснутые друг к другу вещами, они едут на её шестой этаж.

В тесноте лифта они стоят близко, очень близко.

Она слышит его дыхание. Видит капельки пота на висках, мальчишеские веснушки и простенькую серебряную цепочку, скрывающуюся за воротом майки.

Он молчит и, не отрывая взгляда, смотрит ей в глаза. Глаза у него зелёные и весёлые.

Как-то внезапно он берёт руководство её переездом на себя – не то чтобы он указывает или командует, но вопросы, которые ещё 15 минут назад казались ей неразрешимыми, решаются легко и просто.

Четыре дворовых колдыря, свистом вызванные с вросшей в землю лавочки в зеленях в глубине двора, бережно ставят в лифте "на попа" огромный кожаный диван. Они услужливо стелят на пол лифта картонку, смачно плюют на ладони, показательно пыхтят, намекая на магарыч и, сделав дело, удаляются, прогнав сиплыми голосами: "Да чё там. Все норм, Пашок. Свои люди – сочтёмся".

Этот диван в прямом смысле слова – её друг. В последние годы перед разводом её одолела бессонница, тяжкая, как затяжное безденежье. В ту пору они всё время молчали. Молча приходили с работы. Молча ели. Молча мыли посуду.

Он молчал, потому что боялся сказать правду. Она молчала, чтобы не задать вопрос, на которой она уже знала ответ. Молчали даже тогда, когда занимались любовью. Она ещё любила – и для неё каждый раз был как страшный последний. Как будто пришла повестка, ему завтра на фронт, это последняя их ночь, и она точно знает, что он не вернётся.

А он молчал, потому что уже не любил. И мстил ей за свою трусость и нерешительность. Разочарование. Неудавшуюся жизнь. Грядущее одиночество. Она, уже чужая мужу, пыталась воровато сбегать в ладонях тепло, родной запах нагретой солнцем смуглой кожи, запасти эти блокадные хлебные крохи любви. Насытиться ими впрок... На фронт провожали его, а похоронка пришла на неё...

Потом они расходились по разным комнатам. Тоже молча. Она бесслёзно плакала, прижималась щекой к огромной холодной туше дивана и, ощущая себя Ионой во чреве кита, чудом засыпала.

И вот уже последний подъём на этаж с вещами.

По пустому кузову ветер гоняет одинокую бумажку. Счёт за новую жизнь, - невесело думает она.

Усатый водитель, получив причитающееся, хлопает дверцей и начинает сдавать задом со двора. Грузовичок ещё белеет за деревьями, а затем скрывается за углом дома. Она смотрит ему вслед до последнего, прощаясь со всем тем, что не удалось упаковать, увязать, переложить тряпьем и мятыми газетами и перевезти с собой сюда, в начинающуюся новую жизнь.

Поднявшись в грязном лифте домой – "домой" – она ещё катает на языке это непривычное слово, она застаёт у двери Павла. Не сговариваясь, он уже сходил к себе и принёс инструменты. Они молча в четыре руки собирают шкафы. Но это другое молчание, лёгкое и спокойное. В нём нет обид и разочарований, тяжести напрасно прожитой жизни и несбывшихся надежд.

Лишь изредка они обмениваются парой слов и продолжают работу. Работают они слаженно и споро, будто всегда занимались этим вдвоём. Исподтишка она рассматривает его. Он много моложе. Невысокий загорелый улыбчивый крепыш лет тридцати. Не будь она круглой отличницей, а шалавья, как её рано поспевшие одноклассницы из южного портового городка, он мог бы быть её сыном. Теоретически. Но пока он испытующе и с интересом смотрит ей в глаза. Она не отводит глаза и выдерживает его взгляд.

Закончив работу, он с улыбкой говорит:

– Ну что, наливай, хозяйка!

Она смущается: в этом бедламе пока не найти ни рюмок, ни чашек.

– У тебя не диван, а кит, – говорит он и садится. Звенят пружины.

Она садится рядом. Медлит и кладёт ему голову на плечо.

– Устала? – спрашивает он.

Она молчит. В комнате сгущаются вечерние сумерки. Цокают каблучками-стрелками часы: торопятся на свидание с вечностью. Так сидят они долго, думая каждый о своём. И думы их нелегки.

Он встаёт, кладет руку ей на плечо, не давая встать, и целует в макушку. Как ребенка.

Она закрывает глаза. Ей кажется, что прошла целая вечность прежде, чем хлопает дверной замок. Шумит вызванный Павлом лифт. Они – соседи по подъезду.

На новом месте она всегда очень плохо спит. И даже сейчас, смертельно уставшая от долгой дороги, жары, тряски, волнения, неизвестности и неизбежности, она боится бессонной ночи.

Но судьба посылает ей спасительный отдых. И сон. Снится ей санаторий у южного моря. Такой, о котором рассказывала ей бабушка: с белыми колоннами, пальмами в кадках, тенистыми гротами, ротондами, бюветами с целительной водой, медлительными отдыхающими, фланирующими по тенистым аллеям. Она видит себя со стороны, будто фотограф, снимающий отпускное фото на память, и при этом очень живо ощущает всё, что с ней происходит.

Они с Павлом спускаются по каменным ступеням. Он в светлом полотняном костюме по моде тех лет: широкие брюки парусят на ветру. На руках у него крохотная девочка в кружевном белом платьишке и чепчике. Сама она, подурневшая от беременности и жары, осторожно спускаясь по ступень-

кам, цепляется за его локоть. Пальцы чувствует шероховатость костюмной ткани. Вторую руку она держит на куполе округлившегося живота. Она в чём-то белом кисейном – и это очень идёт ей.

На них обращают внимание. В те годы такие разновозрастные пары ещё редкость. Она гордо несёт свой беременный живот. Это ощущение спокойной уверенности и тихого счастья, пережитое ею во сне, будет вспоминаться ещё долгие годы.

Ребёнок в животе начинает ворочаться, пытаясь устроиться поудобнее, и она просыпается, будто выныривает из чрева кита в мир, полный света. Здесь, за границей сна, она одинока и бездетна.

К вечеру Павел приходит вновь. Сверлит, крутит, затягивает какой-то хомутик на прохуdivшейся трубе, ворчит за что-то на старых хозяев её квартиры. Она, отоспавшись и разобрав вещи, хлопочет по хозяйству.

– Видел я, как ты боролась с торшером. Феерическое зрелище, – Павел улыбается. Он вообще всё время улыбается: большоголоный, глазастый, очень похожий на мальчишку.

У неё смутное ощущение, что всё это уже было, было, только она мучительно не может вспомнить продолжение.

– Я сразу понял, что ты своя, – говорит он. – Кто ещё кидается на помощь к владельцам старых "девяток" с торшером наперевес? Только сумасшедшие.

Они пьют душистый чай из сервизных "праздничных" чашек, бережно упакованных при переезде всяким тряпьем, – у неё есть повод: новоселье. Сидят за маленьким кухонным столиком, касаясь коленями, смотрят друг другу в глаза и молчат. Им спокойно и тепло вдвоём. Всё уже сказано за них. Глаза говорят: свой – своя. Слова лишние.

Павел бережно отставляет чашку с золотым ободком в сторону, медленно дотягивается и накрывает её руку своей. Она вздрагивает, вспоминая сон, и ощущает тепло и силу его руки и бугорки мозолей на его ладони: он – "дальнобой".

Назавтра спасительный понедельник, и она утопает в круговерти дел: прописки, жэки, счета, выписки, поиски работы по объявлениям заслоняют от неё произошедшее прошлой ночью.

Подстегиваемая надвигающейся нуждой, она уже готова опуститься до поломойки. Но пришедший вечером Павел рассказывает, что встретил в гаражах старого друга-водителю. Он ИПешник и ищет диспетчершу в свою службу такси вместо загулявшей с шепутным грузинем Людки. График посуточный, офис через дорогу, да и зарплата еженедельно.

Ей, бездетной и бессемейной, всё подходит.

В хлопотах обустройства нового мира проходит неделя. Она знакомится со всеми местными старухами на лавках, выслушивает от них тысячу историй. Уже и те самые колдыри кричат ей с лавки приветственно-панибратски: "Здасьте!". Она становится своя – квартире, подъезду, дому, двору, городу, жизни.

На выходные Павел исчезает. А в понедельник, выйдя во двор, она видит его. Он выгружает из "девятки" две коляски: детскую и ещё одну. Тоже детскую, но инвалидную. На руках у него крохотная девочка в белом платьице, а за спиной, неподалёку – мальчик. Одна ножка его, короткая и кривая, обута в ортопедический сапожок, а пустой левый рукав заправлен в штанишки. Он идёт к отцу, спотыкаясь и переваливаясь из стороны в сторону, как неваляшка, взмахивает правой ручкой, как подранок.

Порыв ветра выхватывает из коляски кружевное белое покрывальце, оно парит за спиной мальчика. В утреннем солнечном свете на мгновение ей кажется, что это его крылья и он летит, не касаясь земли. Как испугнутая птица, она меняет направление полёта.

Павел почти бегом догоняет её, приходится остановиться. Знакомая цепочка выбилась из-за ворота футболки, и виден старенький оловянный крестик. Он смотрит ей в глаза.

– Анюта, это моя семья, я привез их от стариков, – говорит он. В его глазах слёзы.

Мальчик наконец догоняет отца и становится рядом, морщит недоуменно личико. По испачканной щёчке струйкой течёт слюна.

Она смотрит на грудь Павла. Там, на кресте, распятый за человеческие грехи и заблуждения, темноту и грязь, Сын Божий. Один за всех – и навечно. Сейчас она, как никто другой, ощущает весь ужас и бесконечность этого одиночества.

Принимая решение за обоих, она вмиг стареет на несколько тысяч лет и, будто на века возлагая на себя епитимью, чужим незнакомым серым голосом произносит:

– Я ваша новая соседка, – потом медлит, опускает глаза и, смиренно принимая монашеский постриг, меняет имя. – Баба, – говорит она с расстановкой, – я баба Аня. Потом разворачивается и идёт к подъезду, который уже стал своим, чувствуя спиной взгляд и слыша беззвучный крик Павла.

Восходит пешком на Голгофу своего шестого этажа. Не разуваясь, ложится на свой диван, закрывает глаза и ждёт, когда же наконец через кровоточащие раны уйдёт жизнь.

ТАТЬЯНА БУДЕНКОВА

Анапа

РОДИНА У ТЕБЯ ОДНА...

Рассказ

О том, красивая она или нет, Мария никогда не задумывалась. Жизнь так складывалась, что не до того было. Но ведь не отнять у неё ни стройных ног, ни тонкой талии, ни русских кудрявых волос до пояса, ни синих бездонных глаз. И муж у неё тоже на зависть: сероглазый, темноволосый, поджарый, среднего роста, одет с иголочки.

В эту ночь она, лёжа в супружеской постели, в полудрёме всматривалась в метавшиеся по стене тени. А там... картинка на мгновение замерла, и Мария различила знакомый силуэт! Да это же Димка! Её Димка! В военной форме, на голове шлемофон. Мария в последний раз видела его ещё до замужества, почти семь лет назад! И вот теперь вдруг в ночной тиши отчётливо услышала:

– Машуня, по-мо-ги... Машуня... – скрежет металла и стон, душераздирающий стон.

Она села на кровати, краем пододеяльника вытерла испарину со лба. И почувствовала, как сердце стучит не в груди, а в горле. Нет-нет! Это ветку тополя за окном качает ветер, а на стене тень... или нет?

– Маш, ты чего? – сонный голос мужа вернул к действительности.

– Принеси попить...

– Ну вот, разломаешь мне сон, – Сергей подошёл к окну, задёрнул шторы.

Она пила воду глоток за глотком и понимала, что поделиться с мужем своими переживаниями не может. Машуня – так её называл Димка – первая и единственная школьная любовь. Когда он ушёл в армию, Мария осталась ждать его. А Димка после летних лагерей и сенокосной поры вдруг женился. Муж знал это. Знал и очень не любил даже намёка на воспоминания о том периоде её жизни.

И то, что Мария сирота и выросла под опекой в многодетной семье, и что училась и работала одновременно, в семье мужа осуждалось, как нечто неприличное в её прошлом. Особенно свекровь раздражало то, что на углу дома, где выросла Мария, облюбовали себе точку девушки... с пониженной социальной ответственностью. И выходило, что у невестки ни родителей со связями, ни друзей из элитной школы, только соседство с дорожными проститутками. Что, по мнению свекрови, может плохо сказаться на будущей карьере их сына.

Эта ночь для Марии казалась бесконечной. А утром, допивая чай, свекровь кивнула в её сторону:

– Ну, поскольку ты всё-таки окончила ординатуру, то я по этому поводу пригласила гостей. Это друзья нашей семьи, сплошь уважаемые люди.

По опыту нескольких прожитых вместе лет Мария знала: спорить – себе дороже. Поэтому согласно кивнула, но предупредила:

– Мои тоже будут.

– Э... Машенька, думаю, будет лучше, если семейным кругом соберёмся, например, завтра? Ты же не против? – Однако против не против — голос свекрови не допускал возражения.

Среди дневных забот и хлопот ночной кошмар отошел в сторону.

А вечером, сидя за красиво накрытым столом, выслушивала комплименты нужных свекрови людей, думала: "Отчего же на душе так мутно, так тревожно?" Вот уже и ординатура за плечами, и муж успешный, единственный сын состоятельных родителей. И её сын растёт с папой и мамой, с бабушкой и бабушкой, в полной, хорошей семье. А это, она на своём опыте знала, дорогого стоит. Но что, что не так в её жизни? Отчего же не спится ночами? Она что-то вежливо отвечала, улыбалась гостям, а сама думала: "С жиру ты, девка, бесишься! Ну не находят общего языка родители мужа с тётёй Людой и Георгием Фёдоровичем, так не такая уж редкость, когда родственники мужа и жены между собой не ладят. И потом, за последние годы жизнь так изменилась!".

Когда Мария жила с тётёй Людой, у них на весь дом только в трёх квартирах имелись телефоны. А теперь у каждого в кармане сотовый. Но вот тётя Люда так и не научилась им пользоваться. И Мария улыбнулась, вспомнив, как тётя Люда объясняла, почему Маша не могла до неё дозвониться: "Слышу, вроде где-то что-то тренькает. Где, что? Не пойму. А телефон тот на полочку с книжками положила, да и забыла про него".

Наконец гости разошлись, со стола убрали посуду, Мария уложила спать сынишку. Сына называли, как папу – Серёжкой, в общем-то, даже не посоветовавшись с ней. Хотя, она, может, и не была бы против, но всё-таки, всё-таки...

В спальне уютный свет ночника, свежая постель, на ней красивая тонкая ночная сорочка.

– Маша, я всё хочу спросить... Почему Дмитрий тебя бросил? – и муж удобнее устроился под одеялом.

– Серёжа, я не чемодан без ручки, чтобы меня бросать... И потом, ты же знаешь, между нами ничего не было. Мы просто школьные друзья.

– Чемодан не чемодан... не груби, не с девками на панели общаешься.

– Серёжа, я устала. Хочу спать.

– Да спи, пожалуйста. Только ответь: он тебя бросил из-за твоей гулящей матушки? Ну да, нет её в живых, но ведь ты её дочерью быть не перестала! – повозился под одеялом, вздохнул. – Или просто не любил. Он даже не переспал с тобой! А ведь ты была бы не против? Чего молчишь? Ну скажи, не против?

Она отвернулась к стене. Этот разговор повторялся уже не первый раз. Душили слёзы обиды. А Сергей, как ни в чём ни бывало, обнял её:

– Ну... я же женился на тебе, это он тебя бросил.

– Я... я поняла, в чём дело! – она села на постели. – Ты просто хочешь унижить меня, вот и ищешь повод!

– Мне повод не нужен! Если бы не я – пошла бы по рукам, как твоя мать! Есть в кого!

Мария поднялась с кровати. Надела джинсы, свитер. Тряслись руки, и горло сдавливал ком. Приоткрыла дверь: в комнате свекрови темно. Спят? Тихонько прошла в комнату сына.

– Иди-иди! – Сергей с побелевшими губами смотрел, как она собирает ребёнка. – Ты, да ещё с ребёнком, никому, понимаешь, никому не нужна!

– Ишь, как спешит! Похоже, кого-то нашла твоя жёнушка. Вытащил её из вертепа на свою голову! – свекровь прикрыла за собой дверь спальни. – А её усыновительница что, без выгоды?! Комнатку-то, что за ней числилась, – кивнула в сторону Марии, – поди захапала! – и встала рядом с сыном. – А в ординатуре, думаешь так, без волосатой лапы? Ага, жди! Ты её спроси, спроси...

Слушать это было выше всяких сил, и Мария, подхватив на руки сына, выскочила из квартиры.

Ночь стояла звёздная, прохладная. Открыла сумочку – денег кот наплакал.

– Может, на последний автобус успеем. Иначе придётся пешочком к тётке Люде идти. Замёрз?

– Не очень. Пошли, – сын потянул её за руку.

Они шли по пустынной ночной улице, и Мария всё-таки надеялась, что муж или свекровь забеспокоятся пусть не о ней, так о сыне и внуке, догонят. Но... зря надеялась. И продолжала идти по освещённой дорожными фонарями проезжей части дороги.

– Женщина, вам куда? – рядом скрипнули тормоза старенького маршрутного автобуса. – Я в гараж. Если по пути, подвезу.

Оказалось, не совсем по пути, но идти останется не так далеко.

В квартире тётки Люды сплошное сонное царство. Безмятежно спит всё многочисленное семейство. Тётка Люда ни о чём не спрашивала. Подхватила на руки уставшего Серёжку, разула, положила на свою кровать.

– Умаялся, дремлет. Я вам на диване постелю. Ты чайничек поставь.

– Мне утром рано на работу...

Потом пили чай, и Мария ела вкусную плюшку.

– Давай-давай, я полный тазик напекла, – вздохнула, склонила к Марии голову: – Может, постепенно свыкнешься?

– Бывает, хоть из дома... из их дома беги...

– Может, переедете в твою комнату? Она же так и числится за тобой.

– Не хочу вас стеснять. Да и от соседей неудобно.

– Неудобно на люстре спать. Одеяло сползает! Может, супруг твой без своей матери помягче станет?

– Как-то не по себе мне. Боюсь, а чего, сама не знаю.

– Опять же, – вздохнула тётка Люда, – не пьёт, не бьёт, деньги в дом... Ну и сын при отце. А безотцовщина-то она... сама знаешь, доля не лёгкая, – вздохнула, помолчала, отпила из кружки остывшего чая. – Да и посмотри кругом... где их, ангелов-то, взять? А твой Серёжка... Если где какой разлад, так бывает... Зима не без мороза. Тебе все наши соседи завидуют. Говорят, повезло.

Мария плакала и смеялась одновременно. Уж если она тётке Люде не может объяснить, что не так в её семейной жизни, то, действительно, со стороны кажется, это она с жиру бесится. Даже сама засомневалась. В самом деле, муж по деньгам отчёт требует? Так имеет право. Вон, зачем-то купила две чайных пары. И мужу, и свекрови не понравились. Пришлось возвращать в магазин. Как же неудобно было! Ревнует? Так, действительно, дружила в школе с Димкой и в армию провожала, и ждала. Ну, ревнует Серёжка её к каждому столбу, так сам говорит, потому что любит. Но чем больше пыталась убедить мужа в том, что верна ему и деньги старается экономить, тем хуже и жёстче сыпались обвинения. Может, надо подобрать какие-то особые слова? А то сын без отца... – с тем и уснула.

А утром приехал Сергей. Вёл себя, будто ничего не случилось. И даже не спросил, как ночью с ребёнком добирались так далеко.

– Сын, пойдём в зоопарк. Хочешь? И мама с нами.

– Так в городе зоопарка нет. И, вообще, мне на работу, – разговаривать с мужем не хотелось, но надо же что-то ответить.

– Это гастролёры. Зверей в клетках привезли. А на работу? Хм... позвони, подменись. Скажи, ребёнок заболел. Серёжа, хочешь на зверей посмотреть?

Сын смотрел на Марию и растерянно молчал.

– Я, кстати, Машенька, по твоей милости мать обидел. Нагрубил. А тебе, я так понимаю, хоть бы что!

За его спиной тётя Люда жестами показывала: папа, мол. Ну, и сам утречком приехал.

– Сын, ну так что? – тот молча сидел на постели. – Долго будешь прятаться под одеялом?

– Мам, а ты?

– А я на работу. Ты с папой пойдёшь.

Как-то каким-то образом всё вернулось на круги своя. И опять Мария после работы отправлялась в дом свекрови, и опять чувствовала себя неизвестно в чём виноватой перед мужем.

А в этот день на работу к ней прибежала запыхавшаяся тётя Люда, что при её габаритах дело нелёгкое.

– Что? Что случилось? Почему не позвонила?

– Что? Да вот... – и протянула вчетверо сложенный листок. – Солдатик занёс. Говорит, Ольга Орефьева какой-то Машуне просила передать. Это же Оля, которую вы Мышкой звали, жена Димкиного друга? А я и думаю, вы же теперь всё перезваниваетесь да СМС-ки пишете. А тут... на тебе – записка на старый адрес... – пыталась отдышаться тётя Люда. – Значит... это что-то да значит. Ты читай, я в сторонку отойду, к окошку... подышать! А позвонить... я пробовала. Молчит эта трубочка, куда ни нажимаю!

– Ольга мою новую фамилию не знает, моего номера телефона у неё тоже нет.

У Марии дрогнули руки и совсем некстати подумалось, что мужу про это письмо лучше не говорить. А ведь ещё и не читала даже!

– Тётя Люда... там Димку ранило тяжело... Они же с Сашкой Орефьевым танкисты... Ольга пишет, Дима в танке горел... Сейчас в госпитале, где она медсестрой работает... – листок дрожал в руках Марии так, что казалось, вот-вот выпадет.

– Дай-ка, – подхватила листок тётя Люда: "... в сознание не приходит, а в бреду всё зовёт: "Машуня, помоги...", – Тётя Люда швырнула носом.

– Сергей и так говорит, что за него вышла, потому что Димка не взял. Если поеду, потом дома жизни не дадут.

– А если Дмитрий умрёт? – давилась слезами тётя Люда. – Ох, дура я, дура! Лучше бы я это письмо не приносила, и ты бы ничего не знала...

– А если не поехать – как потом с этим жить? Я... я поеду в командировку в военный госпиталь.

– Так вдруг не в тот пошлю?

– Помнишь, заводилом реанимации, ну, где я работала, Анатолия Палыча? В нашем институте он – завкафедрой... Никогда ни о чём не просила, теперь придётся.

– Так ты не в отпуск просишься, а туда, где люди кровь проливают, воюют.

– Тётя Люда, не война это, это мы помогаем...

– Если Димка в танке горел, не на солнышке, не на курорте, в бою, это что по-твоему? – перебила Марию тётя Люда. Потом аккуратно сложила листок и сунула себе за пазуху:

– Сохранной будет. А Серёжку младшего – к нам! И ему веселее, и тебе спокойнее.

Мария в ответ кивнула, обдумывая, как бы дома объяснить и неожиданную командировку, и то, что сына хочет оставить у тётя Люды. Но когда свекровь и муж узнали, что кроме солидных командировочных, сохранится зарплата, которую с её согласия будут выдавать мужу, то возражать не стали. Мария смотрела на них, и у неё так и вертелось на языке: "А ничего, что это тот самый "вертеп", где его мама выросла? И теперь своего единственного внука туда отправляете?" Но, решив, что лучше не будить лихо, пока спит тихо, Мария промолчала.

Когда в ординатуре узнали, куда едет Мария, то кинулись её собирать.

– Так, антибиотики, интубационные трубки для искусственной вентиляции лёгких, катетеры, расходники для аппаратов ИВЛ, перевязочный и шовный материалы... – сестра-хозяйка отмечала всё галочками в списке груза Марии Владимировны.

– А-а-а... как я... – растерялась Мария, оглядывая упакованные коробки.

– Не волнуйся. Тут посадят, там встретят. Что-то администрация выделила, на что-то наши сбросились, купили, – опять пересчитала коробки, вздохнула озабоченно, – мы своих не бросаем.

Добираться до места назначения пришлось, что называется, "на перекладных". Самолёты туда не летают и поезда не ходят. А для машины, как в той песни: "дорожка фронтальная, не страшна ей бомбежка любая...".

Машина с гуманитарным грузом остановилась возле кирпичного здания больницы. Огибая у входа воронку от снаряда, навстречу шёл пожилой крупный мужчина, из-под солдатской куртки-ветровки которого выглядывал вязаный домашний свитер.

– Василий, – раскланялся перед Марией, проследил за её взглядом. – Та как из той гарматы шамальнули прямо по нам! Но пощастило, все живы, и операция сохранилась, – оглянулся на Марию. – Погодьте, подмогну.

У входа на каталке возвышалась гора какой-то одежды.

– Бувае, поступають в такой одяги, что приходится зризати. Ну, а потом ни голих же евакуювати. Вы не думайте, тут все випрано, продизинфиковано...

Мария улыбнулась такой русско-украинской языковой смеси. Однако и без перевода было всё понятно.

– Маша?

Мария оглянулась.

– Оля! Мышка!

– Яка мышка, вси кошки к нам сбиглися! – Василий ткнул пальцем в строй плошек у стены. – На полном вдоволенни!

– Василий, ты иди, там без тебя никак... выбитое взрывом окно надо пока хоть фанеркой закрыть. А Марию Владимировну я провожу. – Ольга кивнула ему вслед: – Дом у него разбомбили... жену в огороде похоронить пришлось... Говорит, сорок лет вместе прожили...

Димка лежал в маленькой комнатке без окна.

– В случае обстрела тут безопаснее. Хоть стёкла не вылетят. Его в подвал не понесёшь. И обычным транспортником отправить не можем. Нужен специальный, – шептала Ольга.

Мария присела рядом на стул.

– Вот, – Оля протянула папку с анализами. – Всё подготовили к транспортировке... Но...

– Да-да. Я понимаю...

От прежнего Димки на белом как больничная стена лице остались только конопатки на носу.

– Я... я побежала. Медиков не хватает... Так что...

– Оля, стой! Нужно... – Мария перечисляла необходимые лекарства и оборудование и видела, как меняется лицо Ольги.

– Всё, что можем... По-ни-ма-ешь?!

В дверь заглянули:

– Оля, тяжёлый. Срочно в операционную! А Вы новый реаниматолог?

Мария кивнула.

– Давайте быстрее, быстрее...

На третьей сутки Димка очнулся.

– Машуня...

– Чши-и-и, тебе говорить нельзя.

– Если... если что... в кармане адрес дочери... – Димка помолчал, собираясь с силами и будто боясь не успеть сказать, выдохнул: – Ты у меня одна... – и вновь впал в беспамятство.

– Димка, помнишь сад, дорожку? Ты сказал тогда, что всё ещё будет... – говорила ещё, а ведь знала: он её не слышит. Хотя... – не в силах справиться с душившими её слезами, она заторопилась в коридор. В приоткрытое окно тянуло прохладой.

– Не я, не я у тебя одна... – глотала слёзы Мария. – Родина у тебя одна... – и тут же оборвала себя – в патетику ударились.

– Мария Владимировна! Мария Владимировна, – затеребила рукав её халата операционная сестра, – срочно в операционную, – глянула в лицо Марии, – ну... очень срочно...

В этот день Димке пришлось ампутировать обе ноги. А через сутки получилось его эвакуировать.

Продлив командировку, Мария второй месяц выходила из операционной только поесть и поспать. Ей даже отдельную комнату выделили, ту самую, в которой лежал Димка. Что он выжил, Мария знала.

Димке предстояло ещё несколько операций. И медики никаких прогнозов на будущее не давали. Да Мария и сама понимала всю серьёзность его положения.

Тем временем её командировка подошла к концу. И она уже укладывала вещи в сумку, когда в комнату заглянула Ольга.

– Маша, заждались тебя дома-то! Там мир, покой... а с моим Сашкой... покой даже не снится... – вздохнула, зажмурилась как-то по-кошачьи и ласково улыбнулась.

– Заждались, – кивнула Мария.

– А то я грешным делом подумала... ты же птицей прилетела... к Димке. И что теперь?

– Теперь? А что теперь? Теперь сын Серёжка и... его папа. Понимаешь?

– Хм... не очень. Так ты теперь куда?

– К сыну и мужу. Семья дорогого стоит. И чтобы её сохранить, чем-то надо жертвовать. Но ты не подумай. Димкины ноги... ампутация... тут ни при чём. Хотя... чуть не нашла для себя весомый аргумент: не могу оставить, он же инвалид! А потом поняла – это повод, а не причина.

– Зачем тогда летела сюда сломя голову, если опять поврозь? Разлюбила?

– Оля, у меня сын останется без отца, у Димки – дочь. Откуда тут счастьем взяться? В жизни за совершённые ошибки приходится платить.

– Новых не наделайте, – прищурилась, пристально посмотрела на Марию. – Так ты... что, ничего не знаешь?

– Чего не знаю?

– Он тогда с матерью Алёнки расписаться-то расписался и даже свадьбу в деревне справили. Но вместе жить так и не стали. Он в казарме, она в деревне. Потом он сюда, а его жена уехала в город. Дочь Алёнку оставила у бабушки в деревне. Мол, она выросла, не пропала, и дочь здоровее будет. И всё бы ничего, но бабушка уже тогда немолода была, так что, кто его знает, как они там теперь?

– А позвонить?

– Куда? В той деревне не то что сотовой связи, простого телефона нет!

– А если "скорую" вызвать?

Оля-Мышка только руками развела:

– Наверное, в воинскую часть бегают...

Мария месила туфлями густую дорожную грязь и ругалась вслух: "Да что ж это такое, как дорога в деревню, так грязь... по колено! Тьфу! – передовые технологии в действии! Телефона нет, дороги нет!" – ногу вытащила, а туфля утонула в грязной жиже.

Наконец остановилась у небольшого покосившегося домика. Двор зарос густой травой. Но от калитки к крыльцу вела тропинка. Тышина стояла звенящая. Ни курица не прокудахчет, ни собака не гавкнет. Осторожно потянула за дверную ручку.

– Ой! Вы к кому? – На пороге стояла тоненькая девочка, по виду на пару лет старше её Серёжки. Хлопала голубыми глазами и светила конопатками на носу.

– Я к Алёне, Алёне Протаповой. К тебе, похоже.

– Сказала же, ни в какой детский дом не пойду! Я папу жду! Он скоро вернётся! Могу его письма показать!

– А где бабушка, мама?

– Бабушка... так померла, – и горестно, по-взрослому, поджала губы. – А мама в городе. Там у неё новая дочка. Чего я буду у них под ногами путаться? – явно повторила слова бабушки Алёнка.

– Ты не бойся. Меня твой папа прислал.

– А вы кто? Его новая жена?

– Нет. Я его бывшая... одноклассница, – улыбнулась Мария. – У меня свой муж. Дядька серьёзный, немного сердитый. Но пока твой папа лечится, придётся тебе с нами пожить.

– Ой! Это где же Вы так угваздались? А, понятно. Пешком шли?

Потом таскали воду из колодца, топили печь. Мылись, стирались и выясняли подробности друг о друге.

– Маме твоей письмо напишем, чтоб не волновалась.

– Ей из поссовета письмо уже написали, что меня в детский дом направили. А я оттуда сбежала. Так что ничего ей писать не надо. А то ещё найдёт меня.

– А ты не хочешь, чтобы мама тебя нашла?

– Я папу жду. А у вас дети есть?

– Да. Серёжка. Чуть младше тебя. Алёнка, так твои документы в детском доме? Тебя же у меня первый же полицейский отберёт! Свидетельство о рождении надо бы... – спохватилась Мария.

– Хм, не отберёт. Когда меня забирали в детский дом, то его и не нашли. А оно, – Алёнка подошла к комоду, подняла уголок вышитой салфетки, – вот оно!

На печи в кастрюле доваривалась картошка, когда осторожно скрипнула дверь. На пороге появилась крупная женщина... с топором в руке.

– А я смотрю, дымок из трубы пошёл...

– Это папина родственница... за мной прислал, – опередила растерявшуюся Марию Алёнка. – Он мне раньше про неё рассказывал.

– Вот, это мой паспорт... вы не думайте... плохого, – рылась в сумочке Мария.

А на следующее утро вымыли полы в доме, задёрнули занавески, повесили на дверь замок, а ключ спрятали под порожек. Попрощались с соседкой, Мария оставила адрес Димкиной части и свой.

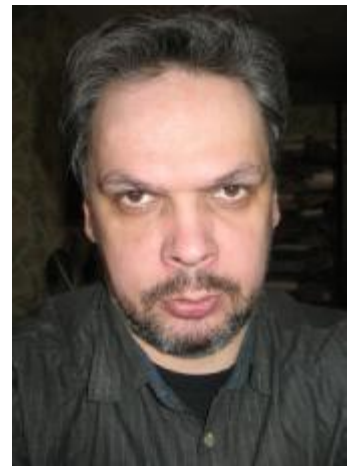
– Но вы адрес тёти Маши никому не давайте! А то меня опять в детский дом законопатят! – совсем по-взрослому наставляла соседку Алёнка.

Поезд громыхал на стыках. Алёнка спала, свернувшись клубком. А Марию обуревала тревога. Вот как рассказать мужу и свекрови про Алёнку? Обдумывала один вариант за другим. И результаты такого разговора ей рисовались один хуже другого.

А в соседнем купе молодой солдатик тихонько перебирал гитарные струны и, глядя на юную попутчицу, напевал: "Ты у меня одна, словно в ночи луна...".

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

Санкт-Петербург

Павлов Сергей Николаевич родился в 1976 году в Ленинграде, окончил БГТУ "Военмех" им. Д.Ф. Устинова. Лауреат пяти литературных конкурсов. Автор около 1000 стихотворений и трёх рассказов. Соавтор десяти научно-популярных книг.

Член Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), Императорского все-российского аэроклуба (ИВАК). Докладчик Сикорских чтений 2018 года.

ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ

Рассказ

Стар был дед Семён. Давно жил в деревне, хоть и не родился здесь – с этапом пришёл в тридцатых, да так и остался после лагеря. Тракторист нужен был всегда, а в войну его не взяли – хромым был после лагеря. Так вышло, что после войны на безмужичье и женился он быстро, хотя как будто и нехотя. Так и пережил Семён, ставший давно Семёном Михайловичем, и Сталина, и Хрущёва, и Брежнева, и распад Союза. И жену свою схоронил. Работал хорошо, пил мало, да что сказать, и не пил он практически.

Сын его уехал в город и весь теперь в заботах был, а внук временами из города наезжал. Вот и в этот раз внук приехал, да не просто приехал, а как с радостью великой кинулся сразу и ещё издали закричал:

– Дед! Слушай, тут тебе компенсация положена!

Семён Михайлович сидел в доме, но окна были открыты, и слышал крик внука хорошо.

– Чего раскричался! Заходи, давай.

Внук забежал в избу и снова, так же возбуждённо, только уже тише, повторил:

– Компенсация, дед!

– За что компенсация? Ты, Володя, потише давай, а то тут разнесут по деревне. Деньги не лишние.

Они прошли к столу, чай вскипел быстро, и внук начал:

– Ты же, дед, в лагере сидел, так теперь можно денег получить, а ещё можно тебе заявление написать, чтоб отсюда в Краснодарскую переехать. Ну, в деревню твою...

Он думал, что дед обрадуется, но тот помрачнел и ничего не ответил. Потом помолчал ещё и наконец, отодвинув кружку, сказал:

– Вот что, Володя, забудь про это всё.

– Да почему? Ты же пострадал, вон сколько сидел и туда вернуться не смог, реабилитация у тебя есть...

– Хватит, – оборвал его Семён, – ты-то что об этом знаешь?

– Да что тут знать? Ты горбатился на них, а они тебя посадили ни за что, и сидел ты потом здесь без паспорта...

– Хватит! – дед уже почти крикнул и пристукнул кулаком о стол.

Внук наконец замолчал.

– Чего вы, молодые, знаете... – дед покачал головой, – всё у вас кто-то другой виноват: Сталин, Берия, время такое. Только сами вы невиновны.

– Ты чего, дед? – Внук никогда не слышал от Семёна Михайловича ничего подобного.

– Сам я виноват. Никогда ж тебе не говорил, как в лагерь-то попал, а ты и не спрашивал.

– Никогда, – признал Володя. Да, тема эта как-то не поднималась в семье, хотя он что-то знал из прошлого деда и иногда даже щеголял мрачной биографией перед друзьями.
– Ну, вот и пора, значит...

* * *

– Семён! Ты где ходишь?! – председатель высунулся из окна по пояс и всю кричал во двор. Дверь в кабинет распахнулась, вбежал румяный красавец:

– Звали, Егор Петрович?

Председатель повернулся в кабинет:

– Звал, Семён. Так, – он сел за стол, – сегодня поедешь трактор новый с прицепом забирать. В Красном поле на станции заберёшь, назад поедешь, заночуй в Терновке, возьми там зерно на посевную. – Председатель открыл пачку, вынул папиросу и, держа её в руке, посмотрел в глаза Семёну. – Смотри, зерно и трактор сторожи! Народ там вороватый. Вот тебе накладные. – Он закурил, откинулся на стуле, затянулся, выпустил дым и добавил: – Приедешь, вспашешь и засеешь. Не опаздывай.

– Сделаем, Егор Петрович, – парень лихо повернулся на каблуках и, присвистывая, вышел на улицу.

Задача была ответственная, но и почётная – абы кому её не поручили бы. Так что тихая радость теперь наполняла его. Ох, не зря он на курсы ходил, сколько гулянок пропустил, гармошку не раздвигал, теперь вот и дело! Лучший на курсах, хотя трактора толкового в колхозе и не было. И вот сбылось – он мельком глянул в документы – да! Именно "Сталинец"! Мощный мотор, гусеницы – почти танк, о чём ещё мечтать! И выпить бы сейчас, да трактор ждёт!

Домчались быстро, погнав Семёна конюха. Придирчиво осматривал трактор, подтягивал гайки, пробочки, просматривал каждый уголок, продувал трубочки, и к вечеру трактор был готов. Ещё минут пять молодой тракторист слушал мотор – не стучит ли, смотрел – не дымит ли слишком из трубы, но наконец сел на сиденье и, вздохнув, тронул машину. Взревел мотор трактора, и сердце Семёна забило радостно. Гусеницы с лязгом пошли месить весеннюю землю и, не торопясь, вынесли трактор на тракт.

Так в лучах заходящего солнца и плыл Семён по раскисшему весеннему тракту на качающейся как лодка машине. Зашло солнце, он включил фары и плыл дальше, пока не замаячили впереди справа огни Терновки.

Там уже имелись трактора, и можно было подзаправиться, да и поесть. Да и зерно надо было забрать. Холодок пробирал, и хоть надел Семён фуфайку, да и от мотора теплом веяло, но всё ж хотелось чуток и поесть, отогреться – человек-то не машина.

Он гордо проехал по центральной улице к правлению, остановился под фонарем и дал гудок, потом ещё раз. Мотор глушить не стал – мало ли, потом не заведётся.

Наконец из-за приоткрывшейся двери вылез заспанный старичок, почесал грудь и сиплым голосом спросил:

– Чего гудишь-то? Приехал тут, шумишь.

– Председатель где? Мне зерно получить надо. Да и переночевать.

– На свадьбе гуляет. Прямо две улицы и вправо. Там дом увидишь – окны горят, музыка всю идёт, поют, пляшут.

– Сам-то чего не пошёл? – усмехнулся Семён.

– Ну их, безбожников. – Старик нырнул обратно и запер дверь.

Катиться на тракторе по улочкам казалось глупым, и Семён всё ж заглушил мотор, слез с трактора и пошёл пешком по деревне. Свадьбу и впрямь было слышно издали, да и изба светилась всеми огнями.

Немного помявшись, Семён вошёл, но на него и внимания никто не обратил – все так же кричали, смеялись, пели и пили. Председатель стоял рядом с молодыми, обнимая их. Как вмешаться в это торжество, Семён даже не знал, но всё ж что-то надо было сделать. А уже и ему кто-то сунул рюмку, и снова грянуло: "Горько!", а потом пили за молодых, за колхоз, за Сталина, за председателя.

А после раздвинули столы и стулья, вышел гармонист – совсем мелкий парнишка – сел на табурет и начал играть, да чего-то так плохо, что заныла у Семёна душа, и сказал Семён смело, даже себе удивившись:

– Не мучь гармонь, хлопец, дай сюда.

Взял у мальчика инструмент, раздвинул меха, прилаживаясь, и, хоть и не своя была гармонь и не так хороша, да как повёл он на ней сперва в грусть, а после в радость, а после вальсы и плясовые, да так и играл всю ночь.

А утром только и поймал председателя за рукав.

– Тебе чего, гармонист?

– Тракторист я из "Ленинского света", – Семён протянул ему накладные, – мне надо зерно у вас забрать, я с прицепом к вам приехал за зерном на посевную.

– А-а, – председатель посмотрел документы, почесал бритый затылок, – да, звонили ведь. Выспаться-то не хочешь?

– Когда теперь? Заправиться надо скорей и ехать.

– Ладно, гармонист-тракторист, давай, подгоняй свой трактор к складу и грузись. Много дать не сможем, но что обещал, то отсыплю.

Он написал в блокноте записку, подмахнул её своим росчерком, вырвал листок и сунул трактористу в ладонь.

– Ну, давай поспевай, сев ждать не будет. Покажешь начальнику склада. Уважил ты тут всех на свадьбе.

Радостный бежал Семён по центральной улице к правлению, всё уже было решено, осталось лишь заправиться, взять мешки с зерном и вернуться в родное село. Там и свадьбу можно сделать не хуже той, что была здесь.

Уже издалека он увидел такое, отчего сердце его остановилось, и уже на подгибающихся ногах подошёл он к трактору. Какому там трактору! Что тут осталось от мощной машины! Половина траков была снята, двигатель раскурочен, сняты цилиндры и поршни, пускач содрали вместе с баком. Радиатор... Почти всё, что только можно было снять и унести, сняли и унесли.

Ходил он вокруг трактора своего беспомощный, как этот кусок металла, и не знал, что и делать теперь, куда идти, кому сказать, а потом и люди подошли. Кто-то смеяться стал, а вскоре и председатель пришёл.

– Твой? – не сразу Семён смог ответить, и председатель повторил: – Твой?

– Мой, – губы почти не шевелились, – Что делать-то теперь?

Председатель постучал прутиком по сапогу, покачал головой:

– Ты чего ж его без охраны оставил?

– Я ж не знал.

– Ну вот, теперь знаешь.

Председатель вздохнул, хлопнул Семёна по спине и повёл в правление. Махнул рукой на чёрный большой кожаный диван:

– Садись.

Сел Семён на диван и почти заснул от усталости.

Дальше уже Семён почти и не помнил, что было: председатель куда-то звонил, кричал. Потом разбудил его, сел рядом и сказал:

– Сейчас твой председатель приедет, зерно получите. С трактором разберёмся. Вечером притащим на буксире, а воров найдём, будет им. Детали тоже отыщем, привезём. Но собирайте уже сами. Пока акт составим что сняли.

– А знаете, кто? Может, прижать их?

– Именно, что знаю. Уже кого надо прижал. Завелась сволочь одна, всех подбила – сказал: "Под сев запчастями разживёмся". – Председатель хлопнул себя ладонями по коленям, встал, – Ладно, давай пока чаю хлебнём.

* * *

Смотреть в глаза Егору Петровичу Семён просто не мог. Тот плюнул под ноги, сунул ему блокнот, карандаш и только и сказал:

– Иди, список составляй, чего украли.

Развернулся зло и ушёл в правление.

Притащили трактор назавтра, подвозили детали, как находили, ещё две недели, и собирал трактор Семён почти месяц. А пока пахали на лошадях и сеяли, и горели повышенные планы, а потом и время ушло.

И когда трактор готов был, закончились и пахота, и сев. А потом Семёна вызвали в правление по серьёзному делу.

Молодой лейтенант, сидевший за столом председателя, сказал ему без обиняков:

– Тарасов, вас председатель предупредил, чтобы вы не оставляли трактор без охраны?

Сказать тут было нечего.

– Вы понимаете, что своими халатными действиями сорвали посевную в колхозе? Колхоз исключительно по вашей вине сорвал план.

И тут тоже всё было правдой.

Лейтенант дописал бумаги и завершил:

– Те, кто разобрал трактор, уже наказаны, но и ваша вина в этом есть. Прокуратура видит необходимость привлечь вас к суду.

Суд был в клубе. Читали обвинение, и всё было точно и верно. И его преступная халатность, и пьянка, и чужая свадьба, и сорванный сев. Он искал в зале мать и отца, и невесту и никого не нашёл.

Кто-то в зале крикнул:

– Ты сам-то скажи что-нибудь!

А чего тут можно было сказать?

Зачитали приговор.

* * *

В лагере тоже был трактор и не один. Брёвна таскать вручную было бы невмоготу. Только детали воровать уже никто не решался.

Однажды начальник лагеря вызвал Семёна к себе.

– Ну что, Семён, говорят мне, есть ты перестал. Может, хлеб прядешь, побег готовишь, а я не знаю?

– Нет, товарищ начальник.

– Ты садись, Семён, – в крепкой избе было тепло, самовар уютно напевал, из-за спины начальника внимательно смотрели портреты Сталина и наркома. – Дело я твоё читал, срок у тебя небольшой, может, и по амнистии пойдёшь какой. – Он показал на самовар, – Вон, чаю налей, сахару положи.

От такого нельзя было отказаться.

– Так может, другие побег готовят? – продолжил начальник.

– Нет, товарищ начальник.

– Смотри, Семён, смотри... Чего ж ты есть-то перестал? – говорил спокойно, расслабленно, а глаза смотрели жёстко. – Я здесь как бы хозяин, ты у меня в гостях, выходит. Может, еда дорогому гостю не нравится?

– Нет, товарищ начальник, хорошая еда.

– Так в чём же дело, Семён? Так и помереть недолго.

– Умереть хочу, товарищ начальник.

Начальник откинулся на спинку стула, рассмеялся:

– Вот как! Умереть-то здесь легко. Выжить трудно. А с чего вдруг? Давай рассказывай, расстреливать-то я тебя не могу, а на охрану ты уж, пожалуйста, не кидайся – побьют только.

И рассказал Семён.

Письмо он домой написал сразу, но ответа не было, не было и ещё на четыре письма. Потом не вытерпел и написал невесте. Конверт пришёл через месяц. Сердце заходило, когда рвал он край и доставал письмо, расправлял на колене листок. И всё больше останавливалось, когда вчитывался в короткое письмо:

"Не пиши мне больше, знать я тебя больше не хочу. Из-за глупости твоей посеять много не получилось и урожай большой собрать не вышло, а потому и зерна в колхозе было мало. Умерла мать твоя и брат мой, многим тяжело пришлось. Егора Петровича нашего арестовали за невыполнение. Не знаю, как проживём сейчас, многие в город собираются на завод. В колхозе соседнем, где твой трактор разобрали, тебя тоже ненавидят: потому ввёл ты их трактористов в соблазн и арестовали у них троих под самый сев. Еле справились они. Забудь меня.

А мать твоя хотела на суд пойти, да отец не пустил. Сказал: нечего на этого стервеца смотреть – он теперь отрезанный ломоть".

– Вот как... – начальник закурил, подул на спичку, – и что, ты из-за этого есть перестал?

– Я тут на харчах казённых, а они там с голоду мрут.

– Обьедаешься, значит, – начальник хмыкнул, – растолстел поди, в ватнике тесно.

Семён смолчал. Начальник стряхнул пепел в пепельницу.

– Тебя при следствии били?

– Лучше бы били, не так стыдно было бы.

– Сам, значит, всё признал?

– Так и было всё.

– И ты думаешь, что наказали тебя зря?

– Не знаю, суду видней.

Начальник встал из-за стола.

– Ты ведь, Семён, думаешь, наверно, что у нас страна богатая и всё-всё даром даёт? Нет, Семён, у нас за всё народ платит. Ты, вон, погулял, а твои колхозники теперь расплачиваются. Я ведь и впрямь твоё дело читал. Тебя же никто на эту свадьбу не звал.

– Никто. – Всё теперь вспоминалось, как дурной сон.

– А ты и полдела не сделал, как уже праздновать решил, – начальник помолчал и продолжил:

– Разок погулял, а теперь, значит, как к родне беда пришла, ты в кусты. Раз – и помер, и спросу нет.

Прошёлся начальник по избе, повернулся и спросил вдруг:

– Ты счетовода в конторе знаешь, в очках круглых, старенький?

– Да, видел, – непонятно было, к чему этот разговор.

– Ему два года сидеть осталось. Был начальник цеха, из профессоров. Станки у них стояли немецкие дорожные, и тут энтузиасты одни решили, что смогут резать в пять раз быстрее. Он им доказывал, графики, расчёты показывал, убеждал, а они одно: "Вы реакционер и ретроград!". Надоело ему всё это, и сказал он им: "Делайте, что хотите!", и они за день все станки угробили. И фрез кучу. Судили его за то, что халатность проявил и плохо убеждал, а также не сообщил, куда надо.

Начальник воткнул сигарету в пепельницу:

– Знаешь, о чём он на суде просил?

– Нет, – а в груди уже холодело нехорошо.

– Чтобы его вместо тех дурачков расстреляли.

– И как?

– Суд – не базар, Семён. Не сторгуешься.

Семён сидел тихо, думая обо всём этом.

– Я тебе, Семён, к чему это рассказал. Он вот умереть хотел, чтобы дурачков этих спасти. А ты по-дурачки попал сюда и умереть хочешь по-дурачки. Думаешь, отцу твоему лучше будет, если мы ему бумагу о твоей смерти пришлём? Ты, вообще, крещённый?

Семён опять смолчал, глядя в пол.

– Хоть не врешь. Ладно, иди. Давай только, не дури. Трактористы сейчас нужны, может, и танкисты сгодятся.

Семён вышел в мороз.

С тех пор перестал он от еды отказываться. Работал Семён спокойно и споро, но раз лопнул поржавевший трос, и бревно упало ему прямо на ногу. Хорошо, что не отрезали ногу, но теперь осталось ему хромать по этой жизни до конца.

Через полгода начальник уехал в город, и приехал уже новый. Прошёл по лагерю шепоток, что старого начальника арестовали.

* * *

Как вышел он из лагеря, так и понял, что не может вернуться – слишком помнил письмо невесты своей, не знал, как посмотреть в глаза всем, с кем жил когда-то. А письмо о смерти отца пришло за месяц до освобождения. И понял Семён, что не ждёт его дома никто, вспомнил слова "отрезанный ломоть". И пошёл он тогда в ближайший колхоз, где и приняли его с радостью, благо трактористов не хватало. И работал он там спокойно до самой войны.

А в войну снова заныло сердце, когда слышал, как в сводках называют родимые сёла. Просился в армию, но слышал только одно: "Хромым не берём!". Просился танкистом, а ему отвечали, что танки подбивают, и тогда бежать надо, просился ремонтником, но и тут отказали – всех других трактористов забрали давно, и теперь девчушек надо было обучать водить стальных коней. Так и просидел он всю войну в тылу. Получил за труды свои медаль, но и ей не рад был – только о том и думал, сколько ж народу в его краях погибло. И после опять не смог приехать, а потом домом оброс и семьёй.

* * *

– Вот так, Володя: один раз погулял, и на всю жизнь похмелье. И голодали они из-за меня, и в войну им не помог, да и после войны тоже не мёд был, и опять не помог.

– Но ведь это давно было. И реабилитация...

– А что толку? Душу бумажкой не прикроешь. Я-то себя простить не могу. Так и остался ломтем отрезанным, – дед Семён вздохнул, – Чай-то остыл совсем, давай-ка по новой закипятим.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Красноярский край

Пучков Андрей Викторович, родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. В 1984 году после демобилизации из Советской Армии служил в МВД. В 2006 году вышел в отставку с должности оперуполномоченного уголовного розыска. В настоящее время проживает в г. Сосновоборске Красноярского края.

Рассказы публиковались в журналах: "Сибирские Огни", "День и Ночь", "Енисей", "Нижний Новгород", "Сура", "Новый Енисейский литератор", "Аргатак", "Северо-Муйские огни", "Белая скала", "Фанданго" и других, а также выходили в сборниках издательств: "АСТ", "Перископ-Волга", "Дикси Пресс", "Союз писателей", "Серебро слов".

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Рассказ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылом воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина.казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

– Эге-ге-ге-е-е-е!.. – заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо, неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

– Эге-ге-ге-е-е-е!..

– Э-э-э-эй! Степаныч!.. – услышал я сквозь сон голос Мишки Черепа и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более, после такого сна. Закрывать бы опять глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

– Ну и чё ты, как потерпевший, орёшь? – зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

– Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? – поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. – Бандерлоги, они вроде как с другой стороны, ничего не попутал?

– Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР, вон, эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

– Это верно, – согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящике рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

– Куда смотреть-то?

– Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь? Из-за него тёмно-синий "крузёр" морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

– Ага, сейчас глянем, – пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

– Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, – хихикнул Мишка, – на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

– Это точно! – поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. – Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как "азовские" стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя... если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки?

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару травами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чаем не мог. Он пытался его пить, постоянно дуя в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденько захихикал, когда Мишка в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

– В первый же выход в "серую" зону у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, – уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

– Ты уже месяца три себе кружку добываешь да всё никак...

– Да знаю я, знаю!.. – перебил меня Мишка. – Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

– Это каким таким делом?

– А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдить, тело твоё снайперское охраняючи.

– Степаныч! – засунув голову в дверь блиндажа, заорал "Гаврик" – невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. – Давай бери свою "черепушку" и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

– Сам ты "черепушка"! – заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым "цинком", который он использовал вместо пепельницы.

"Гаврик", взвизгнув, спрятался за дверью и что-то проорал на языке родных осин.

– Мамай недобитый! – пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся – худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

– Здоров, ребята! – поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточках, привалившись спиной к могучему колесу. – Откуда гости? Наши? Али как...

– А хрен его знает! – хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. – Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

– А чего они не на броне? А на этой фиговине, – кивнул я в сторону японского красавца.

– А это они до первого обстрела форсят! – засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. – Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

– Степаныч! Давай сюда! Ждут! – высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

– Проходите, присаживайтесь! – пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости – два человека. Один в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно – кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищуруются и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили суетливой жизнью, перекаладывая с места на место карандаши, ручки, линейки – всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание – полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно, пол-

кан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

– Как вы уже знаете, – начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, – неделю назад к "азовцам" прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километров отсюда и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, давая время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

– Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие – ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит точно какая-нибудь дрянь ожидается.

– Они это и без нас знают, – перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался.

– Они это знают, – повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил, – но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне киевского "Самсона". Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок, поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам было невозможно.

– Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

– Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

– Появились мысли, – вздохнул я, – как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более, что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

– Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

– Да, мы с этим согласны, – кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

– Нам только непонятно, каким образом снайпер, который должен убрать этого типа, – ткнул я пальцем в фотографии, – подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по "серой" зоне, это возможно: и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

– Охотно верю! Проблема есть! – легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. – Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

– Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на большезвёздного соседа, вдруг выдал:

– Я изначально был против такого способа проникновения на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

– Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

– Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас, – кивнул я в сторону Мишки, – и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

– Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! – опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил:

– Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему Вы не только согласитесь, но и с радостью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

– Это правда ОН? – спросил я и посмотрел на капитана.

– Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

– Я знаю это и потому верю вам, – не дал я ему договорить, – давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника, и тот, вытащив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам:

– Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберётесь почти до самой батареи. Это коллектор – подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии и, тем более, местоположении строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

– Коллектор берёт начало в "серой" зоне, вот тут, – сместил он карандаш к зелёной точке, – а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы дороги – грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеется с десяток разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать, как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина – мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

* * *

– У тебя есть вопросы, старшина? – обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

– Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

– Почему так долго? Почему через три?

– А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, – пожал я плечами, – каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

– Хорошо!.. Три, так три – на том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по серой зоне я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

– Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? – поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. – Чё сделать-то за это время хочешь?

– Какие там три, – усмехнулся я, – сегодня ночью и выйдем.

– Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок что ли себе шокером почесал?!

– Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

– Не веришь им?

– А ты веришь? – вопросом на вопрос ответил я.

– Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

– Вот именно, – вздохнул я, – если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощиц.

– Тоже верно, – согласился напарник и, ускорив шаг, спросил, – насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

* * *

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно, от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать – жена не узнала, что сын умер.

– Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, – как-то раз посоветовал сосед, – может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

– Слышал я о вашем горе, – вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, – и сдаётся мне, что вы теперь смерти искать будете.

– Нет, не буду, передумал уже, – усмехнулся я, – нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

– Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, – вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил:

– Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было – это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё – хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да. Убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, я видел в прицел их усатые рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подалее от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли – дождёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько БТРов. Над каждой машиной, развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

– Как ты думаешь? – спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности. – Этот полкан – москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

– Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две "Буханки".

– Глянь-ка, – толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

– Вот же ж, ё... прст! – выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. – Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее, приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета УАЗика.

– Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! – прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепку с жёлто-синим флажком, напялил на голову.

– Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

– Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон, как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

– Оттуда? – кивнув в сторону "серой" зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

– Ага, оттуда, – буркнул я, расположившись на заднем сиденье. – Шуганули нас, еле смылись!

Мужик хохотнул:

– Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! – и он постукал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с "горкой". Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй – водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же, чёрт его знает!.. Одет так же не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

– До кого направляетесь? – поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. – Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

– Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

– А! Да-да-да!.. – хлопнул тот себя по лбу. – Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

– А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, – и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: "Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила".

– Сколько москалей-то завалили? – спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да еще и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых.

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, востроившись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

– Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

– Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, – вдруг спросил он, – а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! – и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка, усы. – А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! – наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных "Уралов", которые проехали десятью минутами раньше.

– Обгоняем? – спросил водила, коротко глянув на усатого.

– Да не, не стоит, – пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, – отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

– Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый – потому что хотел спать. Он клевал носом и, когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

* * *

– Что, решили горилкой нервную систему подлечить? – засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

– Ага, как же, полечишь тут, – засмеялся Мишка, – здесь ничего крепче газводы нету! Защитники Отечества всё реквизируют – давненько уж завозить перестали.

– Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. – хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

– Как думаешь Степаныч, кто это? – спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

– Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё какую дрянь не похожи, никаких цапек не налепили, – ответил я и внимательно осмотрелся.

– Что это вдруг не похоже?.. Просто не каждый любит обвес носить и всё.

– Ну, во-первых, трезвые они, это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь, перед нами, а может, и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

– Видел, и чё? – хмыкнул напарник. – Рация-то причём?

– Притом... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры не хило так снабжают, не держат они такого барахла.

– Ну да, похоже на то, – пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:

– А может, они того, по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают, а потом и возьмут, тёпленькими.

– Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

– Всегда готов! – по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

– Хватит ржать, – прошипел я и осмотрел пустую улицу, – прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы – упитанной, улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

– Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

– Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.

– Под какие такие бомбы? – не понял я. – Они же по домам не бьют.

– Бить-то не бьют, – опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, – да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответить могут.

– Ну да, ну да, – пробормотал я, выглядывая в окно, – всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

– Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

– Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, – улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, – желательна холодненькой, если есть. Жарко...

– Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, – засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопшилась там несколько секунд и, вынырнув, поставила на прилавок две запотевшие поллитровые бутылки с водой:

– Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

– Бери по парочке, как раз и перекусим! – Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных – ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно – сам видел и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

– Что делать будем? – спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. – Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

– Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехиваться будем? А вдруг нашумим, значит нам дорога только в "серую" зону и останется, если живы будем.

– А что тогда?

– А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом к батарее.

– Очумел?! Заметят же, на раз!

– Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

– А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

– Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более, мы в их цвета выпачканы, вроде как свои.

– А если нарвёмся...

– А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

– Ну, ты наглец Степаныч! Мне нравится...

– А мне нет, – прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятясь задом как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулочек на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой – прячьтесь мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Нагнать – так уж по полной программе!

– Вы чего так выперлись? – спросил я, выпучив на них глаза. – Жить, что ли надоело?

– Чё это вдруг жить надоело? – спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы меня не тыкали стволами. – Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, – усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

– А теперь могут пристрелить прямо оттуда, – ткнул я пальцем в небо, – и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

– А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, – задрал голову вверх второй и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

– Дрон вы должны были увидеть! – рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. – И не простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

– Да ладно! Бреешь! – не поверил старший, но благоразумно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

– Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, – окрылся я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

– Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

– Вот чёрт! – выругался я. – Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю они даже не приближались, видимо, давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой "П" трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобралась к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартирку я заприметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём, причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обиженная на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забрались на чердак.

Позиция – загляденье. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа – дело нескольких секунд, но мы

рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя – грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из "винтореза" же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей "Нивы" и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылкой с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы – могут спяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

– Пора, Степаныч! – прошептал Мишка. – Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

– Не успеет, – усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

"Винторез" дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая, тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

– Это ещё не всё, сука! – ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

– Миш! – повернулся я к напарнику, лежащему рядом. – А ведь он себе язык откусил!

И опять приникнув к прицелу, злорадно прошептал:

– Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... – и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

– Надо уходить! – раздался над самым ухом Мишкин голос. – Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... – и напарник вдруг захихикал:

– Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

– Да всё, всё... проснулся уже, – пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

– Чё там? Новости есть какие?

– Не, пока ничего нового, тихо, – ответил напарник и, сплюнув, добавил, – если завтра не появится, надо будет сваливать...

– Согласен, – пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

* * *

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами Вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив задранных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудию и закопошились возле щитков.

– Прицелы, суки, снимают! – прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

– Даже не думай! – цыкнул я на него. – Успеешь ещё...

– Ты тоже не тани, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

– Вижу... – пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, уперся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле "винтореза" стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания – стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в "серую" зону – здесь, напрямки или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы – нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

– Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглomu сядем и уедем! – сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. – Гляди, что-то советское прибывает.

– Едем! – не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой "шестёрке", остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

– Здорово, батя! – поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил:

– Куда едешь-то?

– И вам не хворать, – насторожённо ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, – до дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые, они не так ценят жизнь, как люди уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка, и красное, замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки, таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

– А чё хотели-то? – тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

– Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? – спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

– Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, – пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель, и, подождав пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

– Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели... – и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил:

– Недобитые...

* * *

– Ну! И как прикажете всё это понимать? – спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали воняться, удобнее устраиваясь за командирским столом.

– А что, собственно, вы должны понять? – наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

– А я сейчас объясню, – хмыкнул комбат и, опёршись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

– Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! – рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. – Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из "винтореза", так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

– А насколько мне известно, – уже спокойнее добавил он, – выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

– Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг – это, знаете ли, серьёзно... – явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

– Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже, кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! – согласно кивая, поддакнул я.

– Идите вы, знаете куда, со своим карточным долгом и девками! – вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:

– Это всё очень хорошо, если бы эту операцию не планировал и разрабатывал лично наш... – комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил, – ...молодой звёздный друг из штаба.

– А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! – удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

– Для него большая! – вздохнул комбат. – Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько провернули всё на свой страх и риск... по-своему, так сказать, плану, а он получается и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

– Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? – спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел, с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не сажился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости – челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

– Скажи, майор, почему эти двое, – кивок в нашу сторону, – не выполнили приказ?

– Насколько я знаю, приказ выполнен... – начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

– Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

– А почему бы вам у них не узнать? – спросил вдруг комбат, которого видимо этот цирк не устраивал. Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

– Вы позволите, товарищ полковник? – спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

– Да, конечно, старшина, прошу вас! – вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке.

– Так почему же всё пошло не по плану? – спросил он и тоже сел за стол.

– Это элементарно, – пожал я плечами, – нам хотелось ещё пожить.

– В смысле, пожить?

– В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

– Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, – и он покоился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

– Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? – подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: "О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло".

– Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, – чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил, – как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекли бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

– Что ты... несёшь!.. – прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

– Товарищ полковник, – слегка повысил я голос и встал из-за стола, – я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство

тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет как рыба открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

– Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

– А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, – усмехнулся я, – мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

– Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

– Ну что же, может, оно и к лучшему, – не дождавшись ответа, усмехнулся вдруг капитан, – пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

– Обломаться-то обломается, – пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, – хорошо, если за время собственного облома никого не угробит.

И, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:

– Э-э-э-х! Водочки бы сейчас холоденькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

* * *

– Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! – прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. – Ты уже два дня вопросительно сопишь за спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, об этом хочешь узнать!

– Об этом, – пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покоился на меня и негромко сказал:

– Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

– Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... – вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

– Очень!.. Но там, – ткнул я большим пальцем в небо, – видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что...

– Ого! Смотри-ка, Степаныч, – хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, – а у нас, оказывается, новости! По ходу, вместо бандерглогов ВСУшников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдернуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поплёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

– Что же ты каску-то даже не надел? – пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

– Степаныч, ты что, промахнулся что ли?! С такого-то расстояния?.. – раздался удивлённый голос напарника.

– Нет, Миша, не промахнулся!.. – улыбнулся я и, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил:

– Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный...

НИКИТА БРАГИН

Москва

Брагин Никита Юрьевич – по специальности геолог. Поэт, эссеист, переводчик, член Союза писателей России, автор 11 сборников стихов, победитель и лауреат многих литературных конкурсов, в том числе: Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), поэтической номинации Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, Международного поэтического конкурса "45 калибр", Международной литературной премии имени Сергея Есенина "О Русь, взмахни крылами" (2019) и др. Лауреат V Всероссийского литературного конкурса "Поэзия русского слова" (Анапа, 2022). Публиковался в "Литературной газете", газете "День литературы", журналах "Наш современник", "Москва", "Подъём", "Александръ", "Нижний Новгород" и др.

ВЕСНА НАШЕЙ ПРАВДЫ*Из столичного Киева*

Принеси же из столичного Киева
крестик медный, крупинку святых,
и судьбиной своей обреки его
на дороги, просторы, пустыни,
и на север, в леса заповедные,
отправляясь путём всей земли,
сохрани, как молитву заветную,
и печали свои утоли.

И когда совершится неправоё
расторжение крови и веры,
и когда над Печерскою Лаврою
в грозной хмари завоют химеры –
ничего не добьются преступники
в чёрном аде костров и костей,
потому что душа неприступнее
всех утёсов и всех крепостей.

Потому что ни кровью, ни копотью
не замазать пресветлого лика,
и бесовскому свисту, и топоту
не прервать литургии великой –
не бывает Господь поругаемым,
и во тьме не смеркается свет...
Помолись за спасенье Украины,
даже если спасения нет.

* * *

Хоть рыдай не рыдай, хоть кричи не кричи,
по притихшей Одессе идут палачи,
против них ни пройти, ни проехать,

против них ни речей, ни горящих очей,
ни железных дверей, ни заветных ключей –
им убийство всего лишь потеха.

Не поймёшь, не проймёшь,
не раздавишь как вошь,
ибо каждый из них и пригож, и хорош –
сам затопчет, кого пожелает;
будут кости хрустеть как во рту леденец,
и прольётся свинец, и наступит конец –
аж вода помертвеет живая...

...Стало горе горчее, война – горячей,
в медсанбат на носилках внесли палачей,
за погибших поставили свечи;
уцелевший на землю кладёт автомат –
он без памяти рад, он же русскому брат,
а Россия и кормит, и лечит.

* * *

*There is still time... brother**

В чём сила, брат? Обожжена броня,
разбит бетон, щетиной арматура –
у смерти не бывает перекура,
она не утомится, хороня.
В чём сила? В мураве под сапогом,
в сырой земле под гусеницей ржавой,
в России, что превыше, чем держава,
и в памяти о самом дорогом.

В чём совесть, брат? Опять берёшь займы,
и думаешь, как избежать уплаты,
и как достроить, наконец, палаты,
с эмблемой в виде нищенской сумы...

В чём совесть? В неиспользованной лжи,
в тяжёлом неразряженном патроне,
и в тех, кто голову в земном поклоне
склонил, за други душу положив.

В чём правда, брат? А в том, что все умрут –
и те, кто разжигал, и те, кто тушит,
кто слышал всё, кто ничего не слушал,
кто бросил всё, кто продолжал свой труд.
В чём правда? Здесь по-русски говорят,
но детский плач повсюду одинаков.
Сейчас твоих детей пошлют в атаку.
Останови. Ещё есть время, брат.

* Ещё есть время, брат (англ.). Из фильма
"Апокалипсис вчера. Часть 5. На берегу" (1959)

* * *

Всё кружится и выюжится,
рыдая на бегу
до льдистой красной лужицы,
протаянной в снегу,
до нашей скорби угольной
и горьких чёрных слёз
по всей стране, поруганной
и втоптанной в навоз.

Пора скорбеть и каяться
в беспмятных страстях,
но верба распускается
на плачущих ветвях,
но колыбелью солнечной
раскинулась весна,
а в тихой звёздной полночи
такая глубина...

Но как собрать единое –
где зёрна, где ростки?
Ладонью, словно льдиною,
касание руки...
Слова чадят как факелы
анчаровой смолы,
и молча плачут ангелы
на острие иглы...

Красный и белый

Алый плющ на стене белокаменной,
пятна крови на белой рубахе,
ликование жаркого пламени
над покровами бледного праха.
От взаимной вражды обессилев,
белый с красным слились и застыли,

лёд с огнём породили слезу,
а она в багрянице заката
сочетает осеннее злато
и вечерних небес бирюзу.

А потом на дороги разбитые
льётся дождь, и раскисшую глину
воронье взбивают копытами,
и ободьями наполовину
в этой жиже ползут трёхдюймовки,
с карабинами наизготовку
мужиков конвоиры ведут,
веет копотью, кровью, навозом,
сморд тифозный плывёт за обозом,
труп лежит – и раздет, и раздут.

Первым снегом укрой, бледным саваном
эту ниву, село и дорогу,
замети эту землю кровавую,
чтоб не видеть её, ради Бога!
Чтобы кровь под бинтом снежно-белым
упокоилась и отболела,
чтобы насмерть замёрзла война,
и – ни стали, ни слёз, ни развалин,
только шёпот апрельских проталин,
только майских садов тишина.

Отпою, отмолю, убаюкаю,
как умею, своими словами,
перед мороком, мраком и муками.
Сам Господь осенил образами
эти зори, пожары и раны,
эту изморось, эти туманы,
этих скорбных снегов чистоту.
Припадаю в последнем поклоне,
а в глазах – словно белые кони
загораются на лету.

Снайпер

В просветлённой оптике прицела
видеть окна, двери, силуэты,
словно текст без точек и пробелов –
на виду хранимые секреты,
комья жизни на штыке лопаты,
яркий фантик в мусорном мешке,
и недолгий блеск звезды косматой,
мимо пролетевшей налегке.

Равномерно, медленно, направо
и немного вниз... Велосипедик
замер возле лужицы кровавой...
Вверх и влево, ко двору соседей,
а оттуда горькой гари запах,
видно шевеление куста,
вот, уже в прицеле... Но внезапно
вспышка, и обвалом темнота!

Так должны заканчиваться войны –
просто, безусловно, справедливо –
ты теперь не снайпер, а покойник,
а земля темна и терпелива,

а врага встречать ей не впервые –
скольких забрала в себя она...
Годы роковые, грозовые,
русская весна.

* * *

Наверное, уже цветёт сирень
у Выдубицкого монастыря,
наверное, вздыхая и горя,
она наполнила весенний день
румянцем, сливками и синевой,
задумчивой и помнящей печаль...
Но день так ясен, и над головой
такая кипень и такая даль...

А мне всё видятся скелеты тополей,
изодранные остовы машин,
и чёрный дым с истерзанных полей,
и слёзы с кровью на щеках мужчин.

Весна и вечность

*Памяти Ольги Качуры**

В небе месяц золотой,
крест восьмиконечный,
в чистом поле пыль да зной,
а над полем – вечность.
В мире света и покоя
тают облака,
и уходит всё мирское –
музыка легка.

Это музыка любви
над страной взлетает,
как её ни назови,
а она такая –
ей не дали нотных знаков,
клавишей, струны...
Только залпы и атаки
на полях войны.

У неё была судьба,
но отняли силой...
Орудийная пальба,
свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,
песенку им спеть,
но под сердцем кровь алеет,
и приходит смерть.

Но жива её земля,
но тверды устои...
Хлебодарные поля,
море золотое,

пламенеет жаркий уголь,
рельсы мчатся вдаль,
распрямляется упруго
боевая сталь!

Купол звёздно-голубой,
крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская Весна.

* Ольга Качура (родилась 12.05.1970) с позывным "Корса" – единственная женщина, командир артиллерийского дивизиона Донецкой Народной Республики, участвовала в боевых сражениях на протяжении 8 лет. "Корса" в звании полковника умело стреляла из всех видов вооружения и показывала своим подчинённым, которых было 140 человек, как нужно служить в армии и не бояться смерти. Погибла 29.07.2022 года.

В час последнего грома

Через многие-многое годы наступит весна –
в час последнего грома
и первого вздоха сирени
внучка тихо попросит,
забравшись к тебе на колени –
расскажи, что такое война.

И тогда на мгновение ты онемеешь,
и промчатся сквозь память
жестокие майские дни,
где в крови лепестки,
где встают смоляные дымы,
извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том,
что любил и мечтал
о зелёных полях и садах в подвенечном уборе,
и о городе белом у самого синего моря,
где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
как проснулись подсолнухи и серебрится река,
и война умирает слезой на щеке старика,
и Азовское море смеётся на детской ладони.

ЛАРИСА ЕСИНА

Краснодар

Есина Лариса Анатольевна родилась в Самарканде. С детства увлекалась историей и литературой. Окончила Самаркандский Государственный университет им. Алишера Навои – факультет русской филологии. Первые поэтические публикации – в областной газете "Самаркандский вестник" под рубрикой "Новое имя". Потом, после переезда в Россию, были публикации в газетах, журналах и литературных альманахах Белгорода, Таганрога, Ростова-на-Дону, Москвы и Санкт-Петербурга.

В настоящее время является колумнистом новаторского литературно-публицистического журнала "Клазура", внештатным сотрудником-экспертом издательского дома "Топ персонал" (Москва), автором сатирического журнала "Ёпш" (Санкт-Петербург).

Участник, финалист и призёр ряда конкурсов: финалист конкурса стихов и малой прозы "Материнское тепло" Открытого Литературного клуба "ОткЛик" (Москва, 2014); Международного литературного конкурса "О растениях в стихах", проводимого Государственным Дарвиновским музеем (Москва, 2016); 1 место в номинации "Мои питомцы" конкурса "Лохматый друг" Московского общества испытателей природы (Москва, 2016). Дипломант Творческого конкурса информационных материалов по противодействию идеологии терроризма "Поле битвы – сердца людей-2020" (ГБУ РД "Театр Поэзии"). Финалист конкурса стихов и малой прозы о любви "Солнечный удар", посвящённого 150-летию со дня рождения Ивана Бунина. Лауреат национальной литературной премии "Золотое перо Руси" в номинации "Общественные коммуникации". 1 место Открытого городского литературного творческого конкурса "Иди вперёд" в номинации "Малая проза. История из жизни". 3 место Международного литературного конкурса "НОСОРОГ" (2021). Гран-При V Открытого литературного проекта "Поэзия русского слова" (Анапа, 2022).

МЕЧТЫ ЦВЕТА ИНДИГО*Настроение ноябрь*

Как настроение? Ноябрь...
 Бывало круче.
 Пусть осень в свой репертуар
 счастливый случай
 Нежданно включит. Листопад
 раздаст билеты,
 И вот прохожие спешат
 на Бабье Лето.
 Гастрольный график дней на пять.
 Забыв о ссорах,
 Аплодисментами дождя
 наполнен город.
 Сюжет, казалось бы, не нов –
 прошёл с аншлагом.
 Скажи, а в жизни есть любовь?
 Не на бумаге?

Пал занавес тяжёлых туч.
 Театр абсурда?
 А так хотелось хоть чуть-чуть
 поверить в чудо...

Мечты цвета индиго

Монетой золотой упал закат
 На дно Земли-копилки, где хранят
 Бесценные сокровища – в века
 Сложившиеся дни и блики солнца.

Земной коры керамика хрупка,
 Но не разбил никто её пока,
 И не достанет ни одна рука
 Монет, упавших в прорезь горизонта.

Мне не нужны богатства всех эпох.
Их с сотворенья мира копил Бог,
И капитал – хорош он или плох –
Пусть множится с расцветом эволюций.

Всего лишь день вернуть бы из чреды,
Чтоб потушить горящие мосты
И, встретившись – глаза в глаза, простить
И никогда уже не разминуться.

Вечернее

День распадается на атомы.
Почти вчера
Мы были сказочно богатыми –
любовь щедря.
Всё преходяще, пусто, временно –
что явь, что сны.
Густой и беспросветной темени
дать грош луны
И по дорожке лунной медленно
под шёпот волн
Уйти навеки в рай потерянный
за горизонт...

А счастье есть!

Мне ничего не нужно обещать:
Устала жить надеждами, не скрою.
Слова, слова, слова...
Слова – пустое...
Вновь пустословьем летний день распят.

Как выразительно, как пылко мы молчим!
Как тишина легка и вдохновенна!
Заката луч скользнул по серым стенам
И фонари на улице включил.

Их тут же отразили небеса
Свеченьем звёзд в далёком зазеркалье.
Как мы когда-то искренне мечтали
И верили по-детски в чудеса...

Но оказалось, мир совсем не прост:
Жизнь не напишешь чисто, без помарок.
А счастье есть! Спасибо за подарок –
Июнь цветущий в целлофане гроз...

Томилеское

Воздух отравлен кошмаром трагедий,
Затхло-промозглым дыханием склепа.
Стойко, безмолвно, внезапно, нелепо
Жизнь уступает позиции смерти...

Ржавым закатом оплавился запад.
Белые ночи окутали север –
Словно распахнуты настежь все двери
В наше счастливое светлое завтра.

Всё повторилось и стало вдруг былью –
В худшем своём варианте, к несчастью.
Сжать кулаки и до боли в запястьях
Сдерживать гнев, уступая бессилью...

ПОЭТИЧЕСКАЯ АЛЛЕЯ

ВЕРА ГРАМАТУНОВА

г. Анапа

Жизнь – скорый поезд

Закончен сюжет, и поставлена точка.
Десятый вагон, а маршрут – на восток...
Качнулся перрон, и последний гудок
Вписался мне в память, в заветную строчку.

Там юность осталась в посёлке таёжном,
Ольховую грусть не вернуть никогда.
За окнами: реки, леса, города,
С попутчиком – чай, "тормозок" мой дорож-
ный...

Тоннели, мосты и поляны ромашек...
Я, мамы молитву храня на устах,
Неузнанной странницей в чуждых местах
Металась. И прошлым денёк стал вчерашний.

Транзитом навстречу ветрам всем промчалась,
Бывали преграды на брэнном пути.
Прощаясь, не знала, что ждёт впереди,
Теряла друзей, межевала начало.

Кончается всё – невозможно иначе.
Отмерен уж путь, невозвратны года,
И в юность попасть не смогу никогда,
Холодным дождём за окном осень плачет.

Я твой пассажир, и маршрутом конечным
Вези меня, "скорый", вокзал не далёк.
Но теплится где-то в душе уголёк,
И кажется – мчатся по жизни мне вечно.

Лунный берег

Волн разбег в цикадном перезвоне
Отраженье лунное колышет.
Тихо чайка над причалом стонет,
Голос мелодичный скрипки слышен.

От предчувствий светлых замирая,
Вижу я безбрежные просторы,
И не надо мне иного рая,
Рай вокруг, его окину взором.

Лунный свет дорожкой золотою
На морском мерцающем экране
Паруснику путь домой готовит.
Припоздал немного чудный Странник.

Нет, не всё в подлунном мире тленно:
Я лечу, я в творческом полёте...
Верю: на Земле и во Вселенной
Лучших вы мгновений не найдёте,

Чем Анапы дивный, тёплый вечер:
Шорох волн и музыка Шопена,
И объятия нежные при встрече...
Сохраните миг тот незабвенный!

Счастье моё

Прошлое счастье осталось за гранью:
В детских забавах и в юности ранней,
В строчках стихов, в благодатных рассветах,
В розовых брызгах багульника веток.

Счастье, как эхо прошедшей эпохи,
В первых словах и в шагах нашей крохи,
В тёплых объятиях, в маминой песне,
В доме родном, где мы все были вместе.

Счастье со мною в текущем столетье.
В окнах огонь ожидания светит,
Море ласкает волною прибрежной,
Не покидают и вера с надеждой.

Мимо проходят обман и разлука,
И не изводит унылая скука.
Жизнь – это счастье великое свыше
Видеть, ходить, удивляться и слышать.

Море

Когда от грусти катится слеза,
И одиночество сковало душу,
Я песни моря тороплюсь послушать,
Оно поёт на разных голосах.

И, обретая силу и покой,
Печаль стряхнув в каскады белой пены,
В минорное вникаю песнопенье
И внемлю волн ласкающий прибой!

По камушкам, сияющим в лучах,
Бреду, в весеннем солнце утопая,
И чайки белокрылые, летая,
Мне вслед о чём - то трепетно кричат.
С восторгом я люблюсь синевой
И нахожу в пространстве моря вечность,
А на душе становится всё легче.
До встречи, море, мне пора домой!

ВИКТОР ПОЧУЕВ

г. Краснодар

Сокол

Так гордо, так высоко –
Земли и неба меж –
Лети, лети, мой Сокол,
Крыльями воздух режь!

Бросай на землю зоркий
И хищнический взгляд.
Пусть прячется по норкам
Мышиный их отряд!

Вы, каждый в своей нише,
На всё ответ простой:
Рожденные быть пищей –
Останутся едой!

Лети, лети над бездной,
Наполнив ветром грудь...
Свободным в клетке тесно,
Свободным нужен путь!

Утро

Ночь как мгновение –
Прочь, сновидение!
Сгинь, непослушная матушка-лень!

Что же ты, думая,
Утро угрюмое,
Бродишь по улицам тихо, как тень?

Дверью парадною
Хлопни, порадуя
Сонные улицы, спящих людей!

Солнце лучистое,
Яркое, чистое
Пусть проникает в квартиры скорей!

Духом свободные
Массы народные,
Общим усилием двинемся в бой!

Через чистилище
Станем ли чище мы
Или опять все пойдём на убой?!

Эрзац

Молчи, моя Муза, молчи!
Не поэт я – его Эрзац.
Среди улиц в глухой ночи
Дописать не могу абзац.

Может быть, я тебя любил...
Может, просто хотел любви?
Или много потратил сил...
Или мало прочёл молитв?

Накатила немая грусть,
Расплескалась душа вином.
Снова вороги душат Русь,
Окружая стальным кольцом.

Не впервой к нам идут с мечом:
Скольким деда пустили кровь?
Как стояли плечом в плечо,
Защищая семью и кров.

Хватит множить вражду и смерть,
Свою жизнь прозябать в беде.
Будем вместе сейчас и впредь
Сеять рожь и рожать детей!

Сколько вёсен... И зим, и лет...
Мне осталась всего одна.
Не эрзац я – почти Поэт!
Слышишь, Муза, грядёт война!

* * *

Утро разбудит нас,
качая занавески
на окнах.
Намокнув,
росою травы
будут блестеть
в лучах
восходящего солнца.
И ты,
прижавшись ко мне,
прошепчешь:
– Любимый мой...

ГАЛИНА СЛАЙКОВСКАЯ

г. Геленджик

Родной островок

Не для громкости фраз,
не гоняясь за слов величинами,
По тропе, там, где имя
твоё над покатою горой,
Я признанием искренним
в чувствах ведома причинами,
Восхищаюсь закатов атласами,
солнца игрой.

Город смотрит в лицо,
будто предок при встрече с потомками,
Красотой наполняя
большие, как море, глаза,
Рассыпая огни,
прикрывает платками-потёмками
Долгих будней истории,
что не успел рассказать.

Он встречает печали
и радости жизни с рассветами.
Если мне нелегко,
обращаюсь с мольбою к нему.
Он обнимет заботливо
мысами, встретит советами,
Подмигнёт маяком
и разгонит тревожную тьму.

Я люблю этот город
с его светой и погостами.
Назван Белой Невестой*,
но мне он – с рожденья жених:
Мы навечно обвенчаны
ливнями, солнцем, норд-остами...
Мой спасительный ялик,
родной островок Геленджик.

* Геленджик в переводе – белая невеста (тур.).

* * *

Пока любой каприз природы не каприз,
Пока зовёт дорожка нас за мыс куда-то,
И, напевая ретро, дышит морем бриз,
Пока на небе тает сахарная вата,

Ты в меру атлетичен, я, как лань, стройна,
Не затянул нас быт с ремаркой "домоседы",
И на FM звучит игривая волна,
Давай мы запряжём свои велосипеды!

Пусть в Лету канет утром съеденный бисквит,
Трепещет, обнимая, легкая туника,
Раскинув спицы, солнце в небе колесит,
Прищурившись, смеюсь:
"А ну-ка, догони-ка!".

Кружатся оригами в бухте паруса,
И крутятся колёса, как бобины фильма.
Прилавки, где чурчхела, тоник и самса,
Напоминаньем лета проплывают мимо.

А ты даешь мне фору. Щедро. Ну, так что ж!
Я чайкою лечу, целуя встречный ветер,
И наш с тобой тандем отчаянно похож
На лучшую из всех фантазию на свете!

День шестой

Неведомо куда теперь идти...
Пьёшь день-деньской настой своей печали,
оцепенело птицы замолчали,
стучит в висках один, как перст, мотив:
что на пороге новых дней и лет,
когда от тьмы и тьма сама устала,
Бог создал всё, душа чего желала,
и радостно изрек: "Да будет свет!"...

Она – венец творения – Звезда!
Вчера ушла – итог пустой бравады.
Остался на бокале след помады
и гулкий отзвук слова "навсегда".
Её "айпад", как знак: надкушен плод,
и понимай теперь, откуда ноги.
Попытки залатать сюжет убоги,
швы депрессивно стонут, что вот-вот...

Плывут воспоминанья невпопад,
и эта змейка у её запястья,
так повелось, что не приносит счастья.
Следы скрыл снег, и сад – не райский сад...
Мигают неприкаянно огни
как малахольный свет в шестой палате...
О, Господи! Был день шестой некстати,
не потому ль ребро ещё саднит?

Звезда вонзила в сердце остриё.
Пьёшь с горечью настой своей печали,
Поддерживая небосвод плечами...
Чуть в сторону шагнуть и всё.
И... всё.

Зов

Здесь тонет пейзаж
в ослепительном солнечном свете,
Иссущенно-жухлые травы,
калёный песок,
Здесь правит жара,
и в духовке рождается ветер.
А я продолжаю
с тоскою смотреть на восток...

Кричащие чайки здесь
порознь летают, не в парах,
А море, волнуясь,
кипит в своём вечном котле,
Уносится в небо
просоленным маревным паром.
Мне пресно внутри
и пресыщенно солоно вне.

Повыше бы кручу над морем,
утёс поскалистей,
Сквозь толщи воды, стынть глубин,
сверху насквозь стрелой
Пройти, пронестись
и взойти среди вороха листьев
В твоём беспризорном саду
неприметной травой.

А ты, погружённый в раздумья,
гуляя с приметной,
Вдруг мимо пройдешь
и коснешься рукою едва...
Тебя буду звать,
но останется зов безответным,
И терпким дурманом пахнёт,
всколыхнувшись, трава.

ЛЮБОВЬ ИШУНЬКИНА

г. Анапа

* * *

В детство тропинка протоптана,
где босиком по траве
бегала в платье заштопанном
в нашем просторном дворе.

Дом небольшой на окраине,
ивовый низкий плетень.
Речка течёт без названия
вдаль от своих деревень.

Стены побелены известью.
Пахнет парным молоком.
И поутру с Божьей милостью
светится радостью дом.

Настежь открытые ставенки,
с улицы тянет дымком,
Кошка на тёплой завалинке
дремлет, свернувшись клубком.

Лето в разгаре. С подружками
в полдень сидим у реки.
Солнце щекочет веснушками,
желаниям всем вопреки.

Ну, а зимой вихри снежные
лихо метут у плетня,
а мне тепло – руки нежные
вновь согревают меня.

Шапка, пальто, с дыркой валенки,
с горки на санках качусь,
а пацаны на завалинке
ждут, что в снегу окажусь.
Манит в беспечное прошлое
ставший далёким мне дом,
крыша, крыльцо запорошены,
печка не топится в нём.

Тихо в посёлке заброшенном,
ни огонька не видать.
Только вот сердцу непрощено
хочется в детство опять.

* * *

Вновь гаснет день, уходит солнце вдаль,
и море, отдыхая, засыпает.
И кажется дописанной скрижаль,
но точки нет, в конце лишь запятая.

Луна уснула в призрачной тиши,
укрывшись на ночь звёздным одеялом.
Вокруг темно, и рядом ни души,
и нет конца, чтоб отыскать начало.

Тьма забирает силы, пьёт до дна,
через соломинку опустошая душу,
А я шепчу: "Дай, Господи, огня,
и дай мне сил, чтоб выгрести на сушу."

И дай мне в этом море бытия
на зависть всем врагам, не запылиться,
не возгордиться, славу обрета,
на грешную любовь не соблазниться.

Дай разума и сил, чтоб не предать,
не расплескать кувшин, а дать напиться
тому, кого так хочется обнять,
и радостью, и счастьем поделиться.

Прости, Господь, что у тебя прошу,
что редко жду с тобой у церкви встречи,
прости, что, отрекаясь, вновь грешу,
и вновь молюсь, и зажигаю свечи".

Вновь гаснет день, уходит солнце вдаль,
и море, отдыхая, засыпает.
И кажется дописанной скрижаль,
но точки нет, в конце лишь запятая.

Осенний джаз

Осенний дождь играет шумный джаз,
и Чарли Паркер в такт дождю играет.
И ветер, непогоде напоказ,
срывает листья и в костёр бросает.

В ночь закружил безумный хоровод.
Скрипят от ветра сонные качели.
И зазвучал вновь джазовый аккорд,
и "отдыхают" Моцарт и Сальери.

НАДЕЖДА НИКУЛИНА

Краснодар

Милосердная Россия

Россия моя милосердная,
Родная, святая земля!
Ты мати моя, и Вселенная,
И тихая песня моя!

Озёр твоих синие россыпи,
В крестах золотых купола!
Храни православную, Господи,
От скверны и всякого зла!

Храни эту даль необъятную,
Где всякий друг другу родня.
Враги тебя видят распятою
В преддверии судного дня.

Храни богатырскую силушку
От века до нынешних дней,
Покрепче связуя в дружинишку
Надёжных её сыновей.

И так повелось, видно, исстари –
Мы всё это в сердце храним.
Мы выдержим, вытерпим, выстоим
И наших врагов победим!

Великое таинство, Господи,
Над нашей страной сотвори,
Отверзи пред нечистью пропасти,
Врата для друзей отвори.

Тебе процветать, милосердная,
Стояла и будешь стоять!
Россия, ты мати и Вселенная,
Великая тайна моя!

АЛЕКС СТАРЫЙ

Анапа

НУРИЯ

Новелла (окончание)

Глава 5

После этого разговора дружба между Саней и Нуриёй стала ещё как-то ближе, прозрачней, что ли. В большее не перерастала. Это не нужно было ни ему, ни ей. Хотя в роте, да и не только – во всём отряде уже давно думали по-другому. В этом смысле Дыбов стал известен всему отряду – Нурия у всех на виду, а с ней и он. Это было причиной неприязни со стороны некоторых офицеров. Больно уж красива была медсестричка.

А ещё с того дня Саня действительно стал писать письма Гуле... Правда, ни одно так и не решился отправить. Складывал в тумбочку. А каждое следующее было продолжением предыдущего. И писал в письмах о том, что значит Гуля в его жизни. Признался ей и в том, что украл её фотографию и как эта фотография давала ему силы переносить всё. И сейчас портрет всегда с ним – это и талисман, и вера, и надежда, и любовь. Ну, пусть такая любовь. Другой у Сани нет.

Потребность писать письма Гуле стала постоянной. Писал их при малейшей возможности. Чаше, чем маме. Смело называл её самыми ласковыми, нежными именами, на которые только была способна его фантазия и которые никогда ни вслух не произнес бы, ни в письме не написал, если бы решился отправить его Гуле. Складывал письма в конверты, подписывал, кому и... в тумбочку. Адреса не знал, но найти можно было через одноклассников. Не стал. Знал – не отправит ни одного.

Потом подумал как-то, что будет с письмами, если его убьют? При всей своей вере в Шара-бару, а потому и уверенности в душе, что его минует гибель, в плен никогда не попадёт и покалечен быть не может: умом понимал, конечно, всё это может с ним произойти.

Каждый раз, когда торжественным маршем прощались с погибшими товарищами и отправляли запамятные гробы с их телами в Союз, помимо острого желания мстить – страшного желания, до скрежета зубов – все думали о том, кто следующий. И каждый невольно примерял этот цинковый костюм к себе.

Думал об этом и Саня. Вопрос жизни и смерти в каждом бою был вопросом не веры, а вопросом физических величин пространства и времени, измерялся долями секунд и миллиметров.

Однажды после тяжелых потерь в бою, при ликвидации мощного укрепрайона моджахедов, отправляли сразу восемь гробов. В роте не было практически ни одного офицера, ни одного бойца, не получивших хотя бы лёгкого ранения. То, что Дыбов вернулся в отряд живым и отделался лишь контузией и несколькими царапинами, было то ли чудом, то ли в этот раз спасла-таки его вера в Шара-бару.

После двух дней тяжёлых, непрерывных боёв, на вертолётках на помощь подошёл батальон десантников. Десантура высадилась прямо под огнём, заняла хорошие позиции и начала прикрывать отход спецназа. Под прикрытием десанта бойцы и командиры, кто хоть как-то мог стоять на ногах – все обессиленные, обезумевшие от жажды, мало кто не раненые – вытаскивали из этого чёртового пекла убитых и тяжело раненных к "вертушкам". Дыбов из последних сил тащил, держа двумя руками за шиворот, убитого лейтенанта, а в голове крутилась одна мысль – дотащить...

Дотащить не потому, что не бросать своих – ни живых, ни мёртвых – требует кодекс чести солдата, кодекс чести спецназа. Тащил не потому, что понимал, что для близких страшнее смерти этого молодого парня, Саниного ровесника, будет весть о том, что тело его осталось в горах Афганистана на глумление озверевшим душманам и что не смогут похоронить его. Не думал и о том, что это надо сделать потому, что сам бы хотел, чтобы его, Дыбова, тело вытащили, не бросили. Да и знал: тела будут искать до последнего, и, если найдут, будут пытаться отбить, а значит, могут погибнуть ещё свои же. Но тогда не мог об этом глубоко думать, не до того было.

Ведь вот, казалось бы, своя жизнь ближе, и спасти себя, бросить тело почти незнакомого офицера и бежать налегке к спасительному прикрытию, к вертолётам, это почти верный шанс выжить. И лейтенант-то мёртв, ему всё равно! Но не мог.

На доли секунды, но мелькнула эта мысль – оставить лейтенанта. Чтобы его вытащить, надо было спуститься с горы: скатиться по сыпуче; пройти, пробраться, проползти двадцать-тридцать метров среди камней курумника под шквальным огнём то ли одуревших, то ли обкуренных духов, вторые сутки лезших пачками на занятую шурави¹¹ высоту. А когда подумал об этом, всем содрогнувшимся нутром ощутил, что это не брошенного минометным разрывом на камни лейтенанта он оставит там лежать, а часть его, Дыбова, там останется, и жить с этим он не сможет.

Дыбов попросил десантников усилить огонь в секторе: прикрыть, заткнуть хоть немного эти блюющие свинцом автоматные и пулемётные пасти, прижать духов. Работающий с ними корректировщик дал вводные артиллеристам, артобстрел прекратился, и через несколько секунд, метрах в пятидесяти ниже позиции, взорвался дымовой заряд, на некоторое время укрывший дымом от духов место, где лежал лейтенант.

Саня рывком выскочил за пределы оранжевых дымов, обозначающих позицию, занятую остатками спецназа и десанниками для "Грачей"¹², периодически утюживших наступающих душманов и их огневые точки. Быстро скатившись по сыпуче, целую бесконечность спускался, пробирался, полз эти метры по простреливаемому курумнику – духи прицельно стрелять не могли, но огня, конечно, не прекратили. Спускаясь, всё смотрел в облако дыма – не выскочили бы, сволочи, хоть и в стороне от линии их атаки всё происходило.

За ним пошёл, как оказалось, один из десантников, и они вдвоём подняли, вытащили тело лейтенанта до укрытия. Уже когда перекидывали лейтенанта через камни, и ветер растащил на хлопья дымовую завесу, десантник словил пулю в локоть. Десантура приняла своего пацана, и бойцы начали оказывать ему помощь, а Саня уже сам, один, потащил тело лейтенанта к "вертушкам".

Пятился спиной, спотыкался, падал. Бесполезный автомат без единого патрона – вот не сообразил попросить у пацанов хотя бы один магазин – больно тёр шею и бил по боку. Да, с другой стороны, и ладно, хрен с ними, с патронами, уже и не надо, до "вертушек" недалеко осталось, а десанникам нужнее сейчас.

В глазах плыли цветные круги. Из этих кругов на расстоянии не больше пятнадцати метров вдруг возникла фигура духа с гранатомётом. В голове успело промелькнуть: "Всё... Вот так просто?..".

Дух прицельно выстрелил в Дыбова. Саня повалился вместе с телом лейтенанта. Граната взорвалась чуть сбоку, очень близко. Настолько близко, что сильно оглушило взрывной волной, а вот осколками только лишь посеколо кисть левой руки, и один попал в кисть правой. Наверное, тело лейтенанта приняло основную массу осколков – лейтенант, уже мёртвый, спас.

Саня пытается встать, но тело как-то плохо подчиняется, как после нокаута. В голове звенит. Видит, как дух очень медленно встаёт на колено, очень медленно достаёт выстрел¹³ и заряжает гранатомёт. Дыбов, оставив попытки встать, также медленно тянется к автомату лейтенанта в надежде, что в нём остались патроны. Но никак не может дотянуться.

Наконец дотягивается до ремня автомата и за ремень тащит его с лейтенанта. Видит, как дух вскидывает гранатомет и... его опрокидывает облачко беззвучного разрыва брошенной кем-то гранаты.

Только много позже узнал, что гранату бросил и остался прикрывать отход Дыбова с телом погибшего лейтенанта Татарин (тот, умница, предусмотрительно разжился у десантуры боеприпасами). Как оказалось, несколько духов обошли по щели и вышли в тыл. Десантники вовремя подошли на помощь Айдару, духов уничтожили.

А Дыбов тем временем наконец соображает, что потому и не может встать, что на его ногах лежит лейтенант. Сталкивает лейтенанта. Встаёт. Его шатает. Зрение как будто запаздывает. Не обращая внимания на боль и текущую из обеих рук кровь, хватает лейтенанта за шиворот и снова тащит его. Звуков вокруг не слышит, только тонкий звон в голове. Снова мерцают круги. Теперь шею трут два автомата.

Уже когда вышел в пределы видимости вертолётов, подбежали пацаны, перехватили лейтенанта и Дыбову помогли добраться – тот сам едва держался на ногах.

Пришёл в себя более или менее только в летящем вертолёте. Звуки уже начали пробиваться, правда, будто из-под воды. Руки кем-то перебинтованы. Кем? Когда? Не помнил. Вроде и сознание не терял.

Дыбов сидит на сидушке, смотрит на свои руки, озирается вокруг и всё не может поверить, что жив, что на металлическом полу вертолёта в нелепых, неудобных позах лежат тела пацанов, а не он сам, не его тело. Верхним лежит лейтенант.

Дыбов сползает на колени и, стараясь не наступать на тела, начинает растаскивать их по полу, укладывать. Сначала пытается закрыть глаз лейтенанту. Вместо другого смотрит на Саню пустая, страшная, в чёрной спёкшейся крови, глазница. Дыбов снимает свою грязную, пропитанную потом панаму и накрывает лицо лейтенанта. Складывает руки вдоль тела. Замечает, что кто-то помогает. Растаскивают, распрямляют, укладывают тела. Когда вертолёт взмывает вверх по рельефу или ныряет вниз, круто складывает виражи противозенитных маневров – падают, снова встают, продолжают укладывать ребят.

Слышать нормально стал только к концу дня, уже в отряде. По прилёту, прямо на аэродроме, отказался от помощи – в "вертушках" тяжёлые были.

Сдал оружие, переоделся в чистые, штопаные-перештопаные штаны, перешитые из списанного сетчатого защитного костюма, и сидел с фотографией Гули на своей кровати. Отпивался всем подряд – водой с солью, сиськами (так прозвали голландский баночный лимонад SiSi) – насыщал обезвоженный организм да ел апельсины. Потом пошёл со всеми в баню – просто помылся, побоялся париться с такими руками. Пораненный палец на левой руке засунул в резиновый напальчник и мылся одной рукой – от мыла и горячей воды саднило всё измученное, перещарапанное и побитое тело.

Врач осмотрел раненые руки уже к вечеру – зашёл вместе с Нуриёй в роту. С ними – фельдшеры с медицинскими сумками. Знал эскулап, что много легко раненных и не обратившихся за помощью; знал и что в медчасть не пойдут – смертельная усталость и психическое переутомление (у бойцов это состояние просто называлось – отходняк или ступор) у многих сильнее боли.

Хороший дядька, капитан-медицина, хоть и не любил на войны выходить – комбат не раз ему говаривал за это.

При осмотре оказалось, что на левой кисти пустяковые царапины, и только на фаланге среднего пальца осколок задрал мясцообразно кусок мяса, немного зацепив кость. Правую пробило насквозь, но осколок мелкий, удачно попал – ни кость, ни сухожилия не задеты. А вот большой палец, видно, обломком камня шибануло: посинел, болел сильно, не сгибался. Док посмотрел, сказал, что перелома нет, ушиб сильный. В общем, по-лёгкому проскочил. Шара-бара...

В медчасть ложиться отказался, с учебки в Гайджюнае испытывал отвращение к армейским лекарям. Уже и в Афгане лежал: и по предыдущему месту службы, с лёгким пулевым ранением в плечо; и здесь с малярией в госпитале в Джелалабаде – такая тоска! И оба раза не понял преимуществ госпиталя – то же самое могли делать и в своей медчасти, а жить можно было и у себя в роте.

Да и смотреть на покалеченных солдат и офицеров, на обрубки их конечностей, а то и просто обрубки тел, сил не было: хотелось глаза закрыть и бежать куда угодно от этого кошмара, который примерял к себе самому, вопреки всем стараниям не делать этого. Хорошо, тогда в госпитале случайно встретил начальника штаба отряда; упросился, уехал с ним – повезло...

Было бы серьёзное ранение, куда деваться, потерпел бы, а тут... Да и только попади! – в отряде на всех, как на собаках заживало, а в госпиталях дольше. Да и не выпускали оттуда долго, до полного выздоровления. В отряде уже всюю на боевые ходишь, а в больничке в таком состоянии ещё койко-место мнёшь.

Медики обработали раны. Нурия приказала на следующий день зайти на перевязку, как и всем остальным.

Вечером штопал форму. Перебинтованные руки не очень слушались, но адъютантов не водилось у Дыбова. Форму проще было выбросить, места живого не было, но попробуй допросись новую. Штопал. Надо попросить офицеров при случае купить мабуту¹⁴ в Кабуле или в Джелалабаде, говорят, там можно это сделать по-тихому на складах.

Деньги были – не тронута и своя зарплата, и недавно поделили между пацанами найденные в разрушенном артиллерийском магазине деньги, афгани. На них только немного чарса сразу по случаю прикупили. Когда уж совсем после боя сил не оставалось, и даже приказы офицеров уже ничего не значили – наркотик давал силы делать текущие дела и, главное, оружие почистить.

Так-то ни Дыбов, ни пацаны не злоупотребляли. Хотя Саня с подросткового возраста знаком с анашой – рос в узбекском рабочем посёлке, и этим всё сказано.

Опять же, с другой стороны, не просто так в Великую Отечественную сто грамм давали после боя. А здесь война другая, что ли? Убивают не так, ранят не так, друзей хоронишь не так, убиваешь не так, труд воинский какой-то особенно не такой? А о ста граммах и мечтать не приходилось. Непонятно...

Вот и грешили чарсом. Покурил, и откуда силы берутся – идёшь к оружейке и чистишь оружие. И сейчас без чарса даже до оружейки бы не дошёл, лёг бы там, где сгрузили, и лежал. И плевать на все приказы и угрозы. Да и боль, опять же, притупляет. Главное, меру знать...

Штопал форму и собирал мысли для разбора боевого выхода. Вспоминал.

Сквозь дурман наркотика картины произошедшего были только ярче; мысли записывал, вёл для этого специальную тетрадку. После всех выходов, операций, боёв – разборы были обязательны.

Вспомнил с содроганием и выстрел душмана с гранатомёта почти в упор, когда уже решил, что всё, конец всей этой шара-баре. Вспомнил и вспыхнувшую в мозгу за секунды до выстрела мысль-вопрос: "Всё ... Вот так просто?..", и мысль эта сейчас смешила – что, должно быть сложно как-то? Какая ерунда только в голову с перепугу не придёт.

Когда на следующий день проходили торжественным маршем вдоль стоящих в ряд восьми гробов, подумал о том, что будет с письмами Гуле, если в одном из таких гробов однажды повезут его? Стало страшно при мысли, что Гуля никогда не узнает о том, что где-то был на этом свете человек, который любил её много-много лет, а она даже не узнает и о том, что его не стало. Что все слова, вырванные из самой глубины его души и сердца, она никогда не услышит, не прочтёт. И почему-то стало от этого так больно, а потому и особенно важно, чтобы так не случилось. Чтобы письма в случае его гибели нашли адресата. А там уж как выйдет. Прочтёт ли, выбросит ли.

И решил попросить Нурию, чтобы она, если его увьют, или вывезла его письма с собой, или отправила их себе посылкой (немало настрочил). А по возвращении в Фергану попыталась найти Гулю

и передать ей письма от бывшего одноклассника Сани Дыбова, погибшего в Афганистане. Вот только страшно было даже думать о себе: "погибшего" – холодело, цепенело внутри.

Написал адреса и телефоны своих одноклассников, которые могли ей помочь отыскать Гулю. Вот только подойти к Нурие с такой просьбой было страшно. Был уверен, что она, конечно, выполнит его просьбу – будет ругаться, фыркать (она так забавно это делала, когда злилась), но сделает. И всё равно боялся.

А ещё думал, предложить ли ей деньги на пересылку писем. Знал, что может и по шее схлопотать, Нурия не постесняется. Ссориться не хотелось, но и не предложить нехорошо. Вот и крутил долго в голове этот предстоящий непростой разговор. В конце концов решил, что, если она начнет возмущаться (а она начнет!), так ей и скажет, что не мог же не предложить. Зная Нурию, понимал – довод так себе. Но другого не находил. И всё откладывал этот разговор, откладывал – никак не мог решиться. Да и суеверный страх какой-то мешал.

¹¹ Шурави – так называли советских воинов афганцы. От слова шурав – совет.

¹² "Грач" – армейское прозвище штурмовика Су-25.

¹³ Выстрел – в данном случае так называют реактивную гранату, заряжаемую в гранатомёт.

¹⁴ Мабута – песочка, афганка, эксперименталка – новая форма, разработанная для замены ХБ. Поставки её начались во время афганской войны. Афганкой снабжались преимущественно отряды спецназа. Чаще так и называли: форма для спецназа. Не имела знаков различия, офицерская мабута ничем не отличалась от солдатской.

Глава 6

Рано утром, затемно, большая колонна бронетехники отряда вышла на операцию по уничтожению базы моджахедов. На месте отряд должен был получить поддержку двух чередующихся звеньев штурмовых вертолётов Ми-24.

Операции предшествовала серьёзная подготовка по дезинформации моджахедов. Демонстрировалось намерение проведения операции на другом направлении, в другом месте. Поэтому колонна состояла из двух бронегрупп.

Первая должна была совершить отвлекающий манёвр на ожидаемом духами направлении. Этот маршрут был опасен возможными засадами, поэтому две группы спецназа были усилены двумя боевыми машинами пехоты (БМП). Всего в группу вошло шесть бронетранспортеров (БТР) и две БМП. Командир бронегруппы получил приказ при огневом контакте в бой не ввязываться, отступить и вернуться в отряд.

Вторая, основная бронегруппа, в составе неполных трёх рот спецназа, роты минирования и зенитно-артиллерийской группы, должна была маршем выйти к месту проведения операции.

Обе бронегруппы выходили одной колонной, но по дороге, под прикрытием утреннего сумрака и пыли, основная колонна, идущая без фар, должна свернуть на свой маршрут, а отвлекающая группа, с включёнными фарами, должна продолжить движение в сторону, где, как надеялись разведчики, душманы ожидали нападения и готовились к отражению удара. Даже 20-30 минут выигрыша по времени имели большое значение для основной группы.

С вечера на "вертушках" ушли две группы разведчиков. Вертолётчики, совершив несколько ложных посадок, успешно высадили группы в горах, и те пошли в ночь в нужном направлении.

Перед выходом колонны на марш на связь вышли командиры обеих групп. Командир первой доложил, что занял позицию на подходах к базе и поставил два расчёта крупнокалиберных пулемётов "Утёс"¹⁵ и расчёт АГС¹⁶ на высоте напротив базы, готов блокировать оба СПС¹⁷ (пулемётные точки) духов. Командир второй группы доложил о готовности в течение полутора часов обойти базу по скалам и блокировать огневые точки моджахедов сверху, прямо над базой.

Дыбов готовился выйти с разведгруппой, но перед самой посадкой на подошедшие "вертушки" почувствовал признаки надвигающейся малярии и на стандартный вопрос командира сводной группы – все ли готовы, нет ли у кого недомогания, не получали ли плохих писем, – Дыбов пересилил себя и впервые за службу сказал, что маляра похоже подступает и попросил разрешения заменить. Из резервной группы тут же вызвались два бойца, командир выбрал одного. Саня с камнем на сердце остался. Но знал, что прав, да и парни, и командир понимали, что без веской причины не отказался бы.

Однажды, при поступлении в отряд, перед самым первым боевым выходом не решился сказать о начинающемся приступе малярии, и командир отряда решил, что новый боец трус – если упал, подолгу встаёт, еле двигается. После выхода, на построении отряда комбат устроил Дыбову унижительный разнос. Грозил сделать постоянным говночистом – до увольнения вычищать парашу, не освобождая от боевых.

Объяснять, что это был приступ малярии, а не трусость, и что побоялся признаться перед боем, чтобы, как раз, в трусости не обвинили, было уже бессмысленно и глупо. В общем, вышло ещё хуже. Пошёл в наказание головным дозорным в разведвыход...

Вот и сейчас, к ночи, и правда малярия прихватила, несмотря на выпитые заранее порошки и таблетки. Всю ночь знобило, лихорадило и стало отпускать часам к трём – ещё быстро в этот раз отступила. Попросив дневального в четыре разбудить, тяжело уснул.

В четыре дневальных с трудом растолкал Дыбова. Отряд уже был готов к выходу. Саня столкнулся на выходе с командиром отряда, обратился к нему и попросился на выход на броне со своим взводом, в отвлекающей группе. На основную операцию всё равно не взяли бы не со своими.

Комбат спросил:

– Уверен?

В ответ бодро отчеканил:

– Так точно. Отпустило...

А сам подумал, хорошо, что ещё темно на улице: догадывался, что выглядит хреново после приступа. Но остаться не мог, знал, что с ума сойдёт, пока операция будет проходить. Будет торчать у центра боевого управления и проклинать себя за то, что не вышел, стараясь услышать происходящее по рации.

Комбат ответил:

– На усмотрение командира группы...

Дыбов обратился к командиру и просто доложил, что получил разрешение от комбата, спросил, что нужно взять из общака. Мищенко, подумав, сказал, что вроде не надо ничего, но потом на всякий случай приказал взять дополнительную коробку с пулемётной лентой к "Утёсу". Саня метнулся за собранным с вечера снаряжением. Экипировался. Бегом стогнал в оружейку, получил оружие, боеприпасы и коробку с лентой для пулемёта. Переглянувшись с дежурным по оружейке и получив молчаливое согласие, сыпанул в карман горсть девятимиллиметровых патронов из рассыпухи.

На обратном пути забежал в роту, достал из нычки трофейный, взятый в первом разведывающем в этом отряде у убитого духа, пистолет CZ 75 и заранее набитые две обоймы к нему. Пистолет спрятал под лифчик, во внешний карман куртки, обоймы засунул в карман штанов.

Выбежал уже к построению и постановке задачи. Пробегая сзади построившегося отряда отвлекающей бронегруппы, заметил, что в строю стоит Нурия – видать военврач пошёл с основной колонной, а может, и остался в операционной. Тревожно ёкнуло сердце, всегда очень переживал, когда Нурия участвовала в боевых выходах.

Подбежав к своим, получил назначение старшим тройки, взял двустороннюю рацию. Обратил внимание, что в экипаже БТР-а вместо штатного стрелка, заболевшего недавно желтухой и отправленного в госпиталь на лечение, молодой "черпак"¹⁸, москвич Капин. Дыбов как-то поддержал молодого бойца в конфликте со старослужащими, но больше не общались и вместе на боевую операцию шли первый раз.

Механик-водитель Лёха Сатадзе, грузин из Новосибирска, похожий скорее на прибалта, чем на горячего кавказского парня, сейчас заметно нервничал, но во взводе знали, что Лёха хороший механик, соберётся, не подведёт, свое дело знает – не раз уже были в переделках с ним. Хотя, всё равно странно, не замечал раньше за ним такого.

Саня толкнул Сатадзе в спину: "Леха, не ссы, а то сам обоссусь...". Лёха оглянулся, молча улыбнулся. Кажется, поспокойней стал... ну, или собрался и вид сделал...

В тройку вошли пулемётчик Серёга Курашкин и боец-санитар Арслан Газиев. Серёга Курашкин, Кургали, дембель – могучий (опять же один из немногих, кто и выглядел по-богатырски), всегда спокойный как танк, усатый хохол с Ровно. Серёга ещё недавно был заместителем командира группы, но однажды этот спокойный "танк" взорвался и избил молодого бойца за то, что тот пытался продать сигнальные патроны с оранжевым дымом афганцам (оранжевым дымом обозначали свои позиции, чтобы авиация видела рубеж и не ударила по своим). Серёгу сняли с сержантской должности и всучили ему тяжёлый пулемёт ПКМ¹⁹, в его могучих руках казавшийся игрушечным.

Непонятно совсем было, ну как так? – ну, ладно, залёт, избил, и ведь за дело, паршивца. Но такое наказание кому сделало лучше, а кому хуже? Взвод лишился отличного младшего командира, при том, что всегда была острая нехватка хороших сержантов. Из-за перемещений, связанных со снятием Кургали, даже Дыбова назначали командиром отделения.

В должности командира отделения оказалось всё как-то неожиданно не так...

В тройке всё понятно – ты старший только в бою, при том, что каждый знает, что делать. Командуя тройкой, Дыбов и сам становился другим человеком (удивлялся себе не раз). Вдруг появлялась какая-то уверенность, ясность: думать даже не успевал – решения приходили сами собой, словно бы ниоткуда. Сами собой вырывались и чёткие команды; мог и наорать, и отмаюкать своих подчинённых, заставляя действовать, выполнять его приказы. И даже Татарину пару раз доставалось. Первый раз после такого случая Дыбов ждал от того какой-то ответной реакции, но Айдар вёл себя как ни в чем не бывало. Отношения между ними никак не изменились – ни в одну, ни в другую сторону.

Однажды услышал случайно, точнее, зайдя за чем-то в штаб, нечаянно подслушал Мищенко в разговоре с кем-то. Тот сказал: "Есть два Узбека, один – в расположении части: ни рыба, ни мясо; второй – в бою: почти не смотрю за его действиями, за его тройкой – работает чётко, быстро, самостоятельно принимает правильные решения: лишний раз без надобности не лезет с вопросами, даже в сложных ситуациях".

Саня вышел тогда из штаба, прошёл в курилку и там курил и думал: ну и как это воспринять? Как относится к нему командир? Плюс или минус? Непонятно... Сам себе сказал, что по фигу, но переживал долго и при своей врождённой мнительности долго пытался наблюдать за собой и за Мищенко, хотел понять, что не так делает, что тот имел в виду под "ни рыба, ни мясо". Потом устал от

этого, плюнул и продолжил жить и служить, как и раньше. Позже догадался, что обсуждали как раз его назначение командиром отделения.

И вот, получив это назначение, с отделением не справился – постоянно командовать, постоянно принимать за кого-то решения, постоянно требовать и отвечать за отделение и в быту, и в бою не смог. Ещё и Татарин тогда просто взбесился – в тройке подчиненным был адекватен, а тут... Пойди пойми его.

Да и в бою Дыбов потерялся (и тоже этому удивился): стало страшно, что по его вине кто-то погибнет. По этой причине не было ни уверенности, ни ясности – картина боя расплылась, можно даже сказать, что запаниковал. И, как назло, подряд два выхода были тяжёлыми, досталось тогда крепко. Особенно во втором выходе.

В том выходе Санино отделение и ещё часть ребят из взвода в горячке боя были отрезаны от роты, от взвода и оказались в окружении, ещё и без связи. Рацию разбило. Когда понял ситуацию, быстро сориентировался и принял непростое решение не пробиваться напролом к своим, как было основной мыслью у всех, а укрыться в увиденном дувале под скалой. Так и приказал сделать.

Подступы к дувалу хорошо просматривались, а дувал ещё и деревьями был укрыт и поэтому издалека даже с гранатомётов духи не смогли за день непоправимого урона нанести. До вечера отбивались сами, правда, с соседней высоты помогали, как могли, огнём остальные, а подойти не могли, как потом оказалось, сами ждали подкрепления и темноты, и им было не просто в их позиции, а ещё и Дыбову помогали.

Почти у половины уже были ранения, двое тяжёлых. Дыбов, оказавшись в такой ситуации командиром, уж совсем отчаялся, запаниковал и, не видя выхода, засомневался в правильности принятого ранее решения укрыться в дувале. Да и пацаны со злостью говорили о том же. Наверное, только понимание всей ответственности за них не выбило окончательно из седла, взял себя в руки и как-то, а точнее, плоткой и отборным матом заставил пацанов выполнять приказы.

Расставив группу по своему усмотрению, сам занял позицию с Татаринем и ещё одним молодым бойцом-пулемётчиком с ПКМ-ом снаружи дувала. Это было самое опасное место, но оттуда они издалека контролировали все подходы, а подход справа-сверху из дувала хуже просматривался. С этой же позиции Татарин валил духов на очень большой дистанции, а ПКМ не давал им в организованную атаку подняться. Саня только постоянно заставлял пулемётчика менять позиции – в первую очередь к нему все сосредоточение огня духов стекалось.

Поставить кого-то на своё место, а самому вести бой из дувала, не мог. И в этом тоже была слабость, как командира, и сам понимал это, но переступить через себя не сумел.

Татарин был тогда ранен в плечо осколком, отрикошетившим от скалы, но бой продолжил. Сев поудобней, спокойно, словно выковыривал кусок сала из колбасы, достал осколок. Быстро осмотрев его, сунул в карман; сам обработал рану и продолжил бой. Держать СВД раненой рукой не мог – стрелял, положив снайперку на предплечье.

Дыбов, напрочь забыв про Шара-бару, без обиняков, неустанно и от всего своего горячего комсомольского сердца и всей атеистической души просто вопиял про себя к Богу, моля Его, чтобы никого не убило, чтобы быстрее подошла помощь или уж хотя бы поскорее стемнело. Временами даже, кажется, вслух это делал, потому что Татарин иногда оборачивался и как-то странно на своего новоиспечённого командира смотрел. И Бог ли услышал, Шара-бара ли выручила, но до вечера продержались.

Когда с наступлением долгожданного вечера бой начал стихать, под укрытием опустившейся темноты к ним пробился Мищенко с остальным взводом. Снялись, и под вялым, уже не прицельным, огнём духов вышли сами и вынесли раненых. Слава Богу, никого тогда не потеряли убитыми.

То, что испытал, вернувшись домой, было, наверное, самым тяжёлым из всего пережитого за всю войну – был шок, по-другому не скажешь, было очень тяжело. Хотя и все живы остались, только от мысли, что могло быть по-другому, накатывал леденящий душу ужас, и впредь брать на себя ответственность за жизни пацанов Дыбов не смог бы и под угрозой расстрела из гаубицы. И, несмотря на полную физическую вымотанность, из-за этих мыслей не мог ни на минуту заснуть двое суток кряду.

В общем, как сам не без оснований решил – не справлялся, как командир, ни с собой, ни с отделением. Один Татарин чего стоил – когда находились в отряде, до печёнок выматывал нервы, демонстративно игнорируя Дыбова, и авторитета, как командиру, это Сане не добавляло. Ну нет у него Татаринской харизмы, и основательной командирской жилки нет!

Написал рапорт, чтобы сняли с отделения. И настоял на этом, несмотря на то, что ротный расщепел от этой его настойчивости. Для большей убедительности и наглядности уснащая свою командирскую речь виртуозно-витиеватыми конструкциями многоэтажного мата, ротный орал на Дыбова, что тот не в пионерском лагере: хочу-не хочу, могу-не могу, буду-не буду... Есть приказ и он не обсуждается, а если что, есть и трибунал!

Хорошо тогда замполит вмешался, и всё разрешилось в итоге тем, что Дыбов снова оказался просто бойцом и ощущал огромное облегчение от этого. А потом, уже после снятия, был разговор по душам с Мищенко, и тот дал понять, что тоже очень недоволен, чем сильно озадачил Саню. Уж кто-кто, а Мищенко-то должен был видеть неспособность Дыбова быть командиром. И после всего этого взводный продолжал ставить его старшим тройки.

И вот, Курашкин в тройке, в подчинении у Дыбова. Глупость. Ну ладно, сняли Серёгу с должности, но подчиненным в тройку?! Тупая, непроходимая армейская глупость. Кого наказали?! Сами себя.

Ну да ладно... Так-то хорошо, конечно, – опытный, надёжный товарищ в тройке.

Дыбов обратился к командиру:

– Товарищ старший лейтенант, может, поменять Газиева на Агишева? – Мищенко вопросительно посмотрел на Дыбова.

– Мы головные: с оптикой, со снайпером спокойнее...

Старлей усмехнулся, скомандовал:

– Татарин, давай в тройку к Узбеку, поменяйся с Газиевым.

Агишев, как обычно, поскрипел зубами, молча встал в тройку. Знал Мищенко про конфликт Дыбова с Агишевым и про драку знал. Когда устраивал обоим выволочку, потребовал прекратить татаро-узбекскую войну до самой гражданки или, как минимум, до его, Мищенко, замены.

Погрузились на броню. Санина тройка села с командиром взвода и резервным механиком на головной БТР колонны. Проверили общую связь.

Минут через пять колонна окуталась гарью двигателей и стала вытягиваться из городка, перестраиваясь в боевой порядок. Дыбов любил эти моменты, когда колонна начинала движение. Подступал рабочий мандраж, по коже пробегали волны колючего, вздыбливающего волосы холодка.

Быстрым маршем выйдя за охраняемый периметр, приготовились к работе. Ушедшие вчера "вертушки" должны были заставить духов забеспокоиться. Разведка их тоже не дремала. Вон, на подступах к кишлаку, несмотря на ранний час, пацанва выстроилась, смотрят с вызовом, оглядываются на гору над кишлаком. Там наверняка наблюдатель с рацией, уже даёт по другим постам данные по количеству техники, составу колонны. Сразу за кишлаком, конечно, засады не будет, не дураки. Но километров с двух-трёх уже надо быть готовыми ко всему.

Возможно, конечно, начальник разведки договорился со старейшинами и муллой, чтобы пропустили. Если так – совсем хорошо. Но вот если нет, то после первых километров колонне придётся сползть с дороги, наверняка уже минировано. И, если сползут, будет понятно, договорились или нет.

Комбат отправил отвлекающую группу без дозора и без доразведки. Наверное, полагался на то, что на большую колонну не нападут до подступов к ложной цели, а восемь машин отвлекающей колонны – серьёзная бронегруппа для нападения без заблаговременной хорошей подготовки. А так, подготовиться не должны бы – Дыбов сам ездил с начальником разведки в местную военизированную милицию, царандой²⁰, где тот "советовался" и утвердил заведомо более поздние сроки проведения операции, зная, что то, что знает царандой, через несколько часов в Пакистане узнает и командующий отрядами моджахедов, самый крупный, самый непримиримый и бесчеловечно жестокий лидер вооруженной оппозиции Гульбедин Хекматияр²¹.

Поэтому надеялись, что заранее засад на дальних подступах к ложной цели (не очень большой, третьестепенной базе с оружием) моджахеды установить не должны бы, и только усилили боевое охранение. Группа же развернётся и уйдёт назад задолго до подхода к базе.

Колонна неторопливо пылила по дороге. Дыбов знал, каково механику головной машины, просто физически ощущал его состояние звенящего напряжения. Страшно подумать – сидишь в этой банке и ждёшь подрыва, выстрела из ручного гранатомёта РПГ²² или с безоткатки²³, и всё это, в первую очередь, для тебя. Вся надежда на случай, да на внимательность десанта. Если не мина, конечно, – ту не заметишь никак. Поэтому скорее механы надеялись на чудо или везение.

Вышли из города, прошли большой кишлак, отошли около километра. По рации услышал команду колонне уйти с дороги, отойти метров на пятьдесят влево, к горам, и идти по рельефу. Так-то правильно, духи, скорее всего, ожидали, что будем отжиматься от гор к руслу реки. Но стало понятно, идут без договорённостей.

Ну вот, теперь не расслабляться. Все вылезли из люков, закрыли их. Механик опустил щитки. Командир и бойцы вертели головами во все стороны. Наводчик начал елозить башней. У Дыбова привычно заныло под ложечкой. Похоже, не зря – дорога пуста на всём видимом протяжении. Ни прохожих, ни повозок, а место людное – два кишлака в округе. Хотя, скорее всего, до моста не будет неожиданностей. Но напряжение нарастало. Вглядывались в каждый куст, в каждый камень в горах.

На подходе к переправе Мищенко отдал команду: "Стой!". Машины остановились. Зарождающееся утро уже зацепило вершины дальних высоких заснеженных гор лучами солнца. Сзади начали наползать душные угли с самого утра хлопья пыли, на ходу их сдувало: маленькое преимущество головной машины – не глотать пыль за другими.

Мищенко в бинокль медленно рассматривал подходы к переправе. Татарин водил прицелом снайперской винтовки СВД²⁴ в том же направлении. Саня тоже достал из чехла оптический прицел-коллиматор²⁵ и, надевая его на автомат, рассматривал противоположный склон над рекой. Больно уж доступно на него зайти.

Вроде ничего и никого.

Колонна тронулась дальше. Переправились подальше от кишлака, перед этим демонстративно устроив катание вдоль реки и нагнав огромную тучу пыли.

По рации комбат приказал набрать своей колонне скорость. Машины основной колонны ушли. Отвлекающая колонна шла дальше. Комбат требовал торопиться, оттянуть за собой наблюдателей подальше. Пошли быстрее. Время наматывало нервы всё более тугим жгутом. Скоро начнутся два про-

мытых селями мандеха²⁶, так называли здесь овраги. Перед ними надо будет проползти вдоль дороги и уйти под горы, потом войти в слепой поворот на перегибе высоты. Плохое место.

За ним, вскорости, второй поворот и тоже с перегибом, но идёт вокруг холма, там уже можно спешиться и обогнуть холм с другой стороны, проверить. Ну а дальше на авось, к мандехам, за которыми долина, и так небольшая, сужается почти в ущелье.

Саня начал бледнеть, под ложечкой уже просто дёргалo – страх подкатывал перед боем всегда, никуда не деться. И в самом бою страх постоянный спутник. Не верил Саня в бесстрашных, разве что абсолютно безбашенный Татарин. Думалось ему, что все страх просто ломают и идут через него. Так и он делал. Научился, хоть и далеко не сразу – в первом бою чуть с ума не сошёл от всё убивающего в сознании, душу же и тело сковывающего холодными цепями, ужаса. И этот бой врезался раскалённым осколком в память, в душу, в сердце. И память об этом – одно из самых мучительных воспоминаний; да нет, пожалуй, самое мучительное. Воспоминание, которое Саня старательно гнал от себя, пытался забыть, загоняя его в самые дальние уголки памяти, но память того, первого боя была не карандашным рисунком в тетрадном листочке – не вырвать, не стереть ластиком, и хоть напалмом его жги – не сгорит. Это рана была и, верно, останется в Дыбове навсегда, на всю его длинную ли, короткую ли жизнь, тонущую где-то впереди в зыбком, неверном тумане будущего, которое может быть, а может и оборваться в любую минуту от случайного обстрела или меткого выстрела. И рана эта, в отличие от физического ранения, как ни заматывай, как ни заклеивай, как ни зашивай, – открывается при каждом воспоминании, а потом долго ноет и кровоточит, и жжёт стыдом. И будет открываться таким душевным кровотечением снова и снова, при каждом воспоминании.

Одно осталось полезным, как Дыбов считал, из памяти первого боя – это умение видеть, понимать и прощать чужую слабость. И не только прощать, но, памятуя, как это было с ним, – помочь преодолеть страх, научить убивать этот страх.

Дыбова, в том, первом, бою научил убивать страх туркмен Курбанов – сержант-дембель, зам командира группы.

Начало боя Саня помнил смутно. Сначала очень долго ехали куда-то на броне по раскалённой каменистой пустыне среди невысоких холмов. Потом, после пересечения бетонки, начались горы повыше, где-то там спешили и пошли вверх. Сначала просто ходко шли, потом на перегибе залегли, рассредоточились по тройкам и пошли дальше перебежками, прикрывая друг друга.

Дыбов передвигался со своей тройкой, выполнял приказания; шёл, перебегал, ложился, отмечал свой сектор обстрела, как учили, но никого там не видел. Было какое-то отстранённое ощущение нереальности происходящего или каких-то учений. Страх не было. Было какое-то общее непонимание, вернее, неприятие того, что происходит на самом деле, и непонимание того, что же нужно при этом делать, чтобы делать правильно? И даже не сразу понял, что вот эти фонтанчики и каменная крошка, летевшая иногда больно в лицо, – это от пуля. И что у пуля есть звук, не сразу понял. И звук этот совсем не такой, как в кино. И его тоже надо было научиться узнавать.

А страха всё равно не было. Да и вообще в голове не укладывалось – ну кому и зачем надо в него стрелять? Что и кому он сделал плохого настолько, что в него стреляют и его хотят убить? Его, Саню Дыбова – добродушного фантазёра и способного парня-студента, которому нужно бы учиться сейчас в своём томском политехе, балагурить с красавицами-однорупницами да вздыхать по Гуле. Его, который за всю-то свою жизнь если и делал кому-то больно, то защищая себя, или от страшной обиды. И злобы-то настоящей никогда ни к кому не испытывал, даже к тому человеку, из-за конфликта с которым он сейчас здесь, в Афганистане, на какой-то непонятной войне, и идёт с автоматом куда-то, с кем-то воевать.

Ну, носил он военную форму, играл в войну: водил БМД, стрелял на полигоне по мишеням. За что его кому-то нужно убивать?! Это было невозможно, это был сюр какой-то!

И даже понимание того, что сейчас он идёт с оружием по этой, чужой для него, земле, в чужой стране и несёт, ну, должен нести смерть тем, кто с другой стороны, тем, кто живёт на этой земле, в этой стране, не укладывало в его голову осознания того, что его могут и хотят убить, и это не сюр, не учения, это война.

Да и выстрелы были нечасты с обеих сторон, всё как на тактических занятиях со стрельбой холостыми патронами. Правда, стреляли уже боевыми патронами – то справа, то слева бойцы посылали пули куда-то в гору, оттуда прилетали ответные. Какие-то ненастоящие.

Так было до момента, когда недалеко, метрах в десяти перед ним, с резким сухим грохотом вздыбилось небольшое пыльное облачко, и попавший в это облако, перебежавший пригнувшись к земле, боец страшно закричал, выпрямился во весь рост, потом согнулся и рухнул, продолжая истошно кричать.

И сразу отовсюду загрохотали выстрелы, сбоку, чуть впереди заработал ПКМ; под прикрытием его огня какие-то бойцы поползли к товарищу. А Саня в этот момент понял – всё это происходит на самом деле! И всех, и его хотят убить. И именно его больше всех, и в первую очередь! Ни за что! Просто за то, что он здесь! И он, как упал, увидев взрыв и ужасное ранение человека, так и вжался в камни, закрыв голову руками и превратившись в зачочневший от ужаса эмбрион, и думал только о том, зачем же он по совету Курбанова снял броник и оставил его в БТР-е и почему в бой пошли без касок?!

Вокруг бушевал бесконечный ад: автоматные и пулемётные очереди, миномётные залпы сзади, разрывы мин впереди и взрывы выстрелов духовских РПГ вокруг слились в сплошной апокалиптический грохот.

Это всё... Это конец...

И пришла последняя мысль, поглотившая всё – и остатки сознания, и остатки ощущения себя человеком, и само желание жить; и эта мысль была: скорей бы конец...

Вдруг рядом кто-то тяжело упал; упавший грубо развернул Дыбова на бок лицом к себе – это был Курбанов. Сержант кричал в искажённое от ужаса Санино лицо:

– Глаза смотри... Глаза смотри, дост²⁷!..

Саня в ступоре, ничего не понимая, смотрел в чёрные, злые глаза Курбанова. По взорванному оспинами лицу туркмена лил крупными каплями пот. Переводя тяжёлое дыхание, сержант тряс Саню, бил ладонью по голове и кричал ему в лицо, брызгая слюной и потом:

– Эй, все боясь, все... А ты что, душара?.. Ты дембель скоро, больше год служил, ДШБ служил, ты мужчина... Убивай страх, стреляй страх!.. Видишь, там душман? Он твой страх – убей его... Хочешь жить? – стреляй! Стреляй свой страх. Стреляй душман. Убивай душман, убивай страх! Давай, дост! Стреляй! Сейчас!.. Вся обойма выпусти, стреляй... Стреляй! Убей его!

И Саня сначала просто послушно стрелял. А потом на смену страха пришла какая-то отчаянная злоба и желание жить. Откуда-то из подсознания пришло понимание – хочешь, чтобы не убили тебя, убей сам. И этот, включенный Курбановым инстинкт самосохранения, убил страх. Загнал его вглубь сознания, подчинив его желанию выжить.

Дыбов встал по команде Курбанова и побежал со всеми; падал, снова вставал, перебежал, стрелял. Сначала не видел в кого, но стрелял. Стрелял с ожесточением, со злобой; не щадя патронов и меняя рожок за рожком. После очередной перебежки, немного оторвавшись по инерции от остальных, Дыбов оказался у пролома в какой-то дувал, за которым метрах в двух была стена разрушенного артиллерией дома.

С трудом переводя дыхание, чувствуя тяжёлые удары пульса в висках, слышные даже в грохоте боя, сел на корточки, привалился к дувалу плечом и, думая, как и что правильно сделать дальше, оглянулся. Увидел недалеко залёгшего Курбанова, показывающего ему, что надо бросить за дувал две гранаты. Саня забросил по гранате направо и налево от пролома. Затем бросил ещё одну в развалины дома. Подбежавший Курбанов перекрыл пространство за дувалом с противоположной от Дыбова стороны и жестом приказал сделать то же самое в его сторону. Саня перебрал автомат под левую руку, опустился на колени, низко пригнувшись, как отработывали в учебке, заглянул со стволом за пролом дувала и сразу увидел бородатого окровавленного мужика, сидевшего привалившись спиной к стене дома, метрах в трёх от Дыбова, прямо напротив, и тоже увидевшего Дыбова и пытавшегося одной, плохо слушающейся рукой навести на него автомат. Другой рукой афганец зажимал чем-то льющуюся из живота кровь. В доли мгновения Саня разглядел всё это и, с ожесточением нажав до боли в пальце на курок, выпустил длинную очередь, опустошив всё, что оставалось в магазине. Душман судорожно дернулся, уронил руку с автоматом, голова его повисла. Над головой Дыбова частыми одиночными выстрелами заработал автомат Курбанова. В пролом забежали бойцы, бой продолжался.

Бой продолжался ещё бесконечно долго. Как потом оказалось, это "бесконечно долго" длилось не больше тридцати минут. Но самых длинных тридцати минут в Саниной жизни.

Сержант Курбанов был тяжело ранен в живот в том бою и умер на носилках, когда его уже выносили из вертолётки в медсанбат. Узнали об этом по рации от вертолётчиков. И Саня поймал себя на одной маленькой, подленькой мысли. Да, это страшно – убить твой товарищ. Несколько дней назад ты его даже не знал. Потом ехал с ним бок о бок на броне БТР-а. Он взял твой "калаш" и укоротил ремень, показав, как удобнее держать. Сказал, чтобы ты снял броник и бросил в люк — на хрен не нужен, убьют скорее, как черепаха в нём. Потом бежал с тобой и, видимо, прикрывал тебя, присматривал за тобой. И только он видел, как ты стал от страха скрюченным эмбрионом. И вот он погиб. И тебе не придётся смотреть в его чёрные, страшные глаза и сгорать от стыда. И он не расскажет никому, как ты корчился от страха; вжимал всё свое трясущееся тело в камни.

Подлая, страшная, мерзкая мысль...

Дыбов презирал себя, свою трусость и свою эту подлую мысль. И ничего не мог с этим поделать. Как же так?.. Он, Саня Дыбов, скоро дембель, десантник, голубая молния, на поверку оказался сраным дембелем, сраным десантником и сраной голубой молнией, да просто трусом и ничтожеством. Хотелось заплакать... Заплакать от презрения к себе и от жалости. К себе... и к Курбанову...

Дыбов пытался думать тогда, что ведь встал потом, стрелял, убил страх, убил душмана, может даже не одного, сломал этот паралич страха, но как будет в следующий раз? Сможет ли убить свой страх? Сможет ли не превратиться снова в эмбрион? Когда он, этот следующий раз? И уже хотел следующего раза, следующего боя, следующей войны. Боялся, что, если долго боя не будет – страх опять победит его.

Прошло больше года войны с того боя, а страх упрямо и теперь даёт о себе знать. До известного предела. Точнее, неизвестного. И вот если страха слишком много, то он перестаёт докучать и отступает. Не то, чтобы становится всё равно – просто от страха так устаёшь, что забываешь о нём.

И Дыбов убивает страх. Каждый раз. И каждый раз вспоминает Курбанова. Удушливый давящий клубок каждый раз встаёт у горла...

Страх подкатывает и сейчас. Как всегда. Особенно в ожидании перед неизвестностью. Лучше уж бой, чем его ожидание.

Только бы пройти поворот...

Невольно все прижались к броне. Хорошо знал Дыбов это состояние – уже понимаешь, сейчас что-то будет, ничего сделать не можешь, и только секунды начинают щёлкать в голове... Ждешь...

На самом перегибе Дыбов привстал на колени, держась за монтажную петлю башни, чтобы раньше увидеть мандек, до того, как БТР перевалится и опустит морду. У механа сейчас зубы крошатся, задранное днище БТР-а – бутерброд на тарелочке для гранатомётчика. На броне все готовы слезть на землю.

Но вот БТР опускает морду... тихо, не видно никого.

Уффф...Выдохнули...

Поползли с перегиба, заворачивая левее – молодец Лёха, нос в сторону мандеха держит, хороший механ, хоть и молодой. Дыбов сам в прошлой жизни был механом, правда, на боевой машине десанта. Поймав себя снова на мысли о прошлой жизни, сейчас ухмыльнулся ей. Та прошлая жизнь была всего лишь около года назад. Это тоже была армия. Но... да, это была другая жизнь – в ней только играли в войну. И тысячу раз уже перекрестился, что не попал в Афган механиком-водителем – к тому времени БМД уже заменили на БМП, а БМП не водил.

Вроде тихо. Сейчас колонна будет обходить высоту, огибая по дуге заросли джиды, опоясывающие холм. Саня не выдержал:

– Командир, разрешите пробежаться, посмотреть?

Мищенко понял:

– Давай...

– Серёга, достань у меня из рюкзака коробку "Утёса", оставь в бэтэре и – со мной...

Чтобы духи не увидели, если наблюдают, соскочил с брони, когда прижались бортом к зарослям; за ним спрыгнул Курашкин. Уф, насколько спокойнее по земле-то! Куда как лучше, чем на броне в неизвестность – и подрыв страшен, и стрелковая засада – на броне, как игрушки на столе в тире. Так бы лучше и бежал всю дорогу, чем мишенить духам на БТР-е.

Сразу разделались и побежали наискось склона, пригибаясь и понемногу забирая на высоту.

БТР медленно шёл. Командир с Татаринцом через оптику рассматривали холм и заросли джиды, пытаясь просмотреть через кустарник хотя бы начало мандеха. Пулемёты БТР-а шарили по склону. Долбаная зелёнка, ни хрена не видно...

Дыбов, понемногу поднимаясь по склону, негромко скомандовал: "Один...". Курашкин выбрал удобное место, упал и приник к пулемёту, прикрывая и делая короткие перебежки по мере продвижения Дыбова. Саня немного пробежал, потом, пригнувшись, крадучись, аккуратно пошёл, укрываясь за кустарником и забирая прямо на склон, в лоб.

Дыхание срывалось: во рту и в лёгких жгущая сушь – хватал уже раскалённый, терпкий горный воздух ртом, ещё и стараясь сдерживать дыхание. А сердце ухало в груди нефтеперекачивающей помпой, громко тарабанило кровяными молоточками в ушах – их хотелось заткнуть, казалось, снаружи слышно. Остро ощущал и страх – готов от любого шороха, движения ветки пасть на землю и открыть огонь; и возбуждение от остроты ощущений – адреналин кровью разносится, сродни ощущениям на охоте. Хоть и не всегда поймёшь, кто дичь, кто охотник, но это веселее, чем на бэтэре – вот уж точно дичь. А так – как уж карты лягут...

С этой стороны склона вроде тихо, если бы была засада, уже бы заметил или его бы заметили, открыли огонь. Но лучше подстраховаться, глянуть на ту сторону холма. Подполз к перегибу высоты; аккуратно, укрываясь за хилыми кустиками, чтобы ещё со стороны мандеха его не увидели, выглянул. Никого. Тихо. Хорошо. Так спокойней. Услышал в радиации голос Мищенко:

— Узбек, вижу тебя... Идём дальше.

Почти с вершины холма, лёжа на перегибе и поджидая с одной стороны Курашкина, а с дороги БТР, Саня пытался отдышаться, вытирал льющий ручьём пот с лица и, отхлебывая понемногу воду из фляжки, разглядывал в снятый прицел первый мандек.

Была дрожь – отходняк от приступа, да и пот так сильно льёт от того же. Долбаная малярия: как всегда, нет-нет её и вдруг накидывается, крутит и всегда некстати. Хотя как может быть кстати? И ладно ещё приступы короткие. Видел приступы у других по нескольку дней.

Почему-то нестерпимо захотелось закурить. Ничего, это уж успеется, если... Тьфу, хрень всякая в голову лезет перед боем. Подумал так, словно в том, что бой будет, уже не сомневался и сплюнул три раза на всякий случай...

Вроде мандек пустой. Тихо. Но под ложечкой продолжает давить. Второй мандек так не просмотришь. Уже как-то попадали там в засаду. Ладно – поживём, увидим.

Подошёл БТР. Скатились с высоты, забрались на броню. Из-за поворота медленно вышла БМП. На ней с лейтенантом Неверовым, командиром второго взвода, шёл замкомроты, капитан Глушко, только приехавший из Союза на замену и ещё не обстрелянный: капитан стажировался и в этом выходе подчинялся командиру бронегруппы, командиру Саниного взвода, старшему лейтенанту Мищенко. БМП увеличила дистанцию, сбавила обороты: тоже там чувствуют, что всё слишком рискованно. Дыбов подумал: комбат молчит, ушёл со связи и теперь мчит во весь ход к цели. Духи же здесь, если готовились, наверняка стянулись куда-то, возможно, к мандехам, и если не увидели разделение колонны, то могут ждать. И, задницей чувствует, ждут где-то!..

А сейчас надо пройти оба мандеха. Да только вовсе непонятно Дыбову – зачем? Время уже дали комбату. А тут кисло всё. Что-то будет. Но теплилась надежда, что засаду готовят подальше – отойдём назад, не доходя. Да и не его ефрейторского ума это дело. Был бы Олег, начальник разведки, прислушался бы: знал, задница у Дыбова всегда в дело горит. А сейчас горит, ой, горит! Да Мищенко не станет слушать. Ладно. У Мищенко свой план, а война свой план покажет.

Первый мандех прошли ходом. На выходе ко второму опять перегиб. Опять нервы на пределе. БТР выходит на перегиб. Справа нависает за полосой редких деревьев скалистая гора, под ней зелёнка и щели.

¹⁵ "Утёс" – крупнокалиберный станковый пулемёт, разработанный для замены пулемета ДШК.

¹⁶ АГС – автоматический гранатомет станковый.

¹⁷ СПС – встречается два толкования аббревиатуры: скальное пулемётное сооружение и стрелковое пулемётное сооружение.

¹⁸ Черпак – в неуставной армейской иерархии солдат, прослуживший год.

¹⁹ ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный, под унифицированный патрон 7,62. ПКМ был принят на вооружение Вооружёнными Силами СССР в 1969 году.

²⁰ Царандой – Министерство внутренних дел. На местах – военизированная милиция.

²¹ Гульбеддин Хекматияр — афганский военный деятель, премьер-министр Афганистана (в 1993 – 1994 годах и в 1996 году). Основатель Исламской партии Афганистана. В 2003 году объявлен США террористом, внесён в чёрный список ООН. В описываемое время был командиром самой большой группировки, непримиримым борцом с режимом в ДРА и с Советской армией. Отличался чудовишной жестокостью. Руководил моджахедами из Исламабада.

²² РПГ – ручной противотанковый гранатомёт. Мог заряжаться кумулятивными и фугасно-осколочными выстрелами.

²³ Безоткатка – безоткатное орудие.

²⁴ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

²⁵ Коллиматор – коллиматорный съёмный прицел для автомата.

²⁶ Мандех – овраг.

²⁷ Дост – друг (по-туркменски).

Глава 1

Перегиб прошли. Немного отпустило...

Спустились, начали втягиваться в сужение между горами и подходить ко второму мандеху. Прошли метров сто пятьдесят. Справа все ближе нависала не очень крутая гора с сыпучей, над ней – разработанные террасы с оливковыми деревьями и ещё дальше гора венчается красивыми выветренными скалами. Впереди негустая зелёнка подходит к сыпуче и уходит вверх за неё.

Дорога снова выходит на небольшой перегиб, и после него можно сойти с дороги, придерживаясь левее. Дыбов оглянулся назад, успел подумать – что-то сильно придержали БМП Неверов с замкомроты. И тут, когда машина вышла на верхнюю точку небольшого подъёма, раздался хлопок выстрела гранатомёта, взрыв, машину дёрнуло. БТР встал, но двигатели работали. И началось.

Из мандеха, с горы из зелёнки полетели пули. В эфире разом загомонили голоса. Сдвинул наушник, отвлекает. За мгновение до того, как оттолкнуться и слететь с брони, увидел духа в щели, пробирающегося к БТР с гранатомётом – этот же душара и подбил, скорее всего, БТР. Дыбов, укрывшись за башенкой, короткими очередями попытался снять гранатомётчика или хоть не дать ему остановиться и прицелиться. Гранатомётчик перебежал ближе, нырнул в щель и ушёл из зоны видимости.

Саня перебрался на нос БТР-а, лёг – видно лучше, но сам открыт и заметен, как голый на Красной площади, и неудобно ужасно – никак не пристроиться, ноги вверху, на люке, локтям больно на ребре волноотражательного щитка, точно прицеливаться трудно. Если спрыгнуть, не будет видно щель с земли, и пока добежишь до неё, БТР добьют. Да и напрямик под пули. Хоть и последнее это дело – вести бой с брони, деваться некуда, садил и садил по духам. Хорошо, нос БТР-а задран, немного укрывает. Ну, надо было мусолить в голове про мишени на БТР-е, как в тире?! Накаркал.

Почему молчит башня? Что с Капиным?

Справа, со склона горы из зелёнки заработал ПКМ Курашкина. Умница Серёга! – сам знает, что и когда делать, не даст теперь поднять голову духам и лезть из мандеха напрямую к БТР-у. По радию Татарину приказал прикрыть Кургали, хотя не сомневался – так оба и работают. Даже на мгновение развеселило – хорошо, что у Татарина рация односторонняя, иначе тот что-нибудь да буркнул бы недовольно в эфир...

Слева обходила подзадержавшаяся БМП и начала обрабатывать мандех и гору пушкой. Место узкое, остальные помочь не смогут – духи чётко просчитали место засады. С земли вели огонь бойцы, спешившиеся с обеих машин. Через голову, с горы, со стороны наших заработал ещё и пулемёт "Утёс". Здорово, быстро сработали, это уже веселее. Можно заняться механиком и стрелком, гранатомётчика всё равно уже не видно. Но тут заметил, как группа духов ползёт под зелёнку в гору и к щелям над сыпучей у скал. А оттуда и БМП как на ладони, и БТР с распластанным на нём Саней: всех добить – раз плюнуть. Чёрт, с БТР-а можно прижать их.

Начал работать. Один дух затих, двое заметались, потом начали огрызаться. Ещё один побежал. Вот он, сука, гранатомётчик, пошёл в обход. Но те двое прицелиться не давали, вжимали Дыбова в броню. В это время услышал зуммер вызова радики. Поправил наушник. Мищенко: "Узбек, держи их,

держи там, родной, выносим Сатадзе, садится резервный, попробует отвести БТР, вроде возможно... Держи их, не давай им двигаться! Не давай подойти к машине! Сейчас ещё подходят наши, поддержат... У нас тут снизу от реки духи прут, тоже жарко!"

Быстро оглядевшись, увидел Лёху. Механика вытащили через боковой люк и справа под БТР-ом мотают его, укрываясь за камнями. Твою мать... Ступни оторваны, тело в крови. Мелькнуло в голове, да как после такого машину отводить, там месиво, перебито всё! Но думать об этом было некогда, да и незачем, разберутся без него, пойдёт БТР – хорошо.

Не задумываясь, вытащил и бросил парням свой пакет с аптечкой. Надо быстрее Лёху тащить к задним БТР-ам, там медсестра, Нуричка.

Повернулся к духам, озлобленно выругался вслух – потерял гранатомётчика из виду. Продолжил уже более прицельно, одиночными давить остальных. Те вроде затихли, но в обход, с другой стороны мандеха, через отходящий от горы отрог начали спускаться и приближаться ещё духи, и огонь становился всё плотнее. Вот тебе и не будет с бронегруппой связываться! Связались, да ещё как!

Курашкин с Татарином продолжали прижимать духов в мандехе и, пользуясь удачно выбранной позицией, сверху помогали и Мищенко. А вот Санины – наверху под скалой – у пацанов в мёртвой зоне. Оглянулся – Лёху оттащили, можно прыгнуть, но справа, сбоку, теперь слишком простреливается духами, порасползлись по щелям, суки! Надо переползти за башню и слезть уже с этой Красной площади.

Только подумал об этом, как башенный пулемёт КПВТ²⁸ брызнул длинной очередью прямо над головой, аж в ушах зазвенело. Мать твою... Жив Капин! Что ж молчал, сука, а теперь чуть башку не снёс! Понимал Дыбов, что не просто так молчал пулемёт, но не отвести душу, выругавшись, не смог.

Пополз задом за башню. БТР начал визжать коробкой, дёргаться – резервный механик-водитель сел за руль, пытался включить заднюю передачу. Наконец-то можно слезть с брони. Уже лёг на край и собирался прыгнуть с левого, защищённого от пуль борта, как снова увидел гранатомётчика. Да близко подошёл по щели, вот сука упёртая! Дыбов встал на колени, развернулся, выкинул правую ногу вперёд и дал очередь, но срезал нет ли духа, не увидел – тот уже жажнул с гранатомёта. В глаза брызнуло пламя, ногу в паху пронзила жуткая боль, и Дыбова бросило на спину.

Ещё ничего не поняв, на горячке сел, схватившись за крепежи на башне. От этого движения в глазах потемнело от боли – из внутренней поверхности бедра, почти в паху, торчал уродливый кусок железа. Видимо, всё-таки попал в гранатомётчика, и выстрел попал в башню вскользь, где-то почти в пулемёты. Основная масса окалина брони, обломков пулемётов и осколков облетела Дыбова, но один крупный обломок металла воткнулся глубоко в ногу. Видеть его в своём теле было жутко и, несмотря на боль, возникло ощущение нереальности, невозможности этого – в твоём живом теле торчит кусок железа и заполняет твоё живое тело ненужной, невозможной болью. Ну не могло этого случиться с ним, с Саней Дыбовым.

В это время БТР дрогнул, скорость включилась, пошёл задом. Давай-давай, родной!

Духи стреляли из зелёнки, из мандеха, из щелей. Правда, уже не так плотно по БТР-у, слева их накрывали выдвинувшиеся вперёд бойцы и БМП.

Скатиться с БТР-а? Не сможет сам идти. Торчащий из ноги металл не давал двигаться, рвал плоть при каждом движении БТР-а. В глазах мелькали искры, кровь ручьём бежала по штанине. Успел порадоваться, что хозяйство не задело вроде.

Если вырвать железяку, двигаться сможет, но понимал, кровь не остановить – пакета нет... И аптечки, промедола нет! Сатанинские клещи рвали ногу!

Сука! Больно-то как!..

Каждое движение вызывало взрывы адской боли. Выбора не было: схватил правой рукой кусок железа и выдернул его. От ещё большей боли просто заорал в голос, уткнувшись лицом в скрутку войлока на башне, и чуть не потерял сознание. Алая кровь ударила пульсирующим фонтаном; заткнул пальцами, потом сорвал с головы панаму, заткнул ею. Из бардачка башни вытащил ещё какую-то тряпку, зажал между ног.

Жгут остался на кровати в роте: второпях, да ещё находясь под "кайфом" отходняка от малярии, забыл перед выходом намотать на приклад. Расстегнул, выдернул ремень из штанов. Зажал им кое-как панаму с тряпкой. Превозмогая чудовищную боль и уже начиная "плыть", осмотрелся. Как жив-то ещё? Отовсюду по броне стучит свинцовым градом. Хорошо, лёгкие духи, работы крупнокалиберного пулемёта ДШК²⁹ не видно. Хотя глупость, конечно, в голову лезет – того, что есть, хватит по самую крышку "цинка".

БМП, как могла, прикрывала покалеченный, немой БТР и гасила духов. Парни откатывались назад, прикрывая друг друга, часть отходили в рост, укрываясь за БМП, и только Саня торчал на открытой броне и не мог ничего сделать.

Идиот! Надо открыть десантный верхний люк и залезть в БТР. Но в голове всё кружилось, сил на это уже не оставалось. И Дыбов, давно прокусив от боли губу, давился кровью во рту и, привалившись к молчавшей башне, стрелял, почти не видя в кого и не очень-то осознавая зачем. Заставляло продолжать бой, наверное, желание управлять ситуацией, не подчиниться ей, не сдать. Пока стреляешь, ты главный. Не даёшь себе просто ждать, пока всё кончится. А ещё, наверное, чтобы было не так страшно.

Стрелял и ждал, когда его найдёт Его пуля. Потом в глазах всё окончательно поплыло, стало очень холодно, сил стрелять не осталось, и он просто лежал на груди, пытаюсь удержаться за поручень

за башней. Только не скатиться с БТР-а – раздавит колёсами. Глупо... А если и не попадёт под колёса – пацанам его, неходячего, тащить придётся.

Чувствовал, как пистолет больно давит в грудь, но сил не было даже перелечь. В опрокинутом мире с трудом что-то различал. Всё качается. Подкатывает тошнота.

БТР ударился обо что-то. Остановился, дёрнул вперёд, прошёл, встал, снова долго включал заднюю передачу. Наконец пошёл задом, отворачивая от препятствия.

Вдруг кто-то схватил Саню за плечо и начал переворачивать. Он вздрогнул, повернул голову и обомлел, даже в голове прояснилось – над ним, пригнувшись, сидит на коленях Нурия и пытается перевернуть его! Бескровное, искажённое страхом лицо девушки очень близко к Сане, по лицу текут слёзы. Он слышит, как она кричит ему:

– Дыбов! Саня! Сашенька! Отцепись, я не могу тебя перевернуть!

Да что ж ты делаешь, дура?! Отпустил руку и теперь пытается столкнуть медсестру с БТР-а. А Нурия, то кричит от страха и пригибается к броне, цепляясь за Саню, когда пули бьют свою страшную чётку, то бьёт его и кричит:

– Сашка, лежи, просто лежи, не мешай мне, я не уйду! Сашенька, миленький, лежи-и-ии! Умрёшь, дурачок!! Крови сколько потерял... Лежи-и-и!!! Я убью тебя! Лежи, дурак!

Силы кончились, Саня затих. Да как же она забралась-то на идущий БТР, да с сумкой? Как под колёса не попала?

Нурия втыкает Дыбову в левую ногу промедол, сгибает правую в колене и разматывает ремень. Саниным ножом разрезает штанину и, освободив рану и придерживая Санино хозяйство, – через боль и слабость Дыбова жжёт стыд – затыкает рану тампоном, потом вторым. БТР качает. Нурия ложится на Саню, лицом к ране и прижимает его собой к поручням за башней. Заклеивает пластырем и, как получается на тряской броне, бинтует. Дыбову страшно больно, за Нуриёй не видит, что она делает, через стиснутые зубы просто воет. Боль не утихает.

Медсестра поворачивается к нему – всё лицо в слезах, текут безудержно. Теперь легла на Саню, лицом к нему, прижала собой, начинает разбирать сумку. Понимая, что Дыбову остаются минуты, торопится, не переставая рыдать, говорит с ним:

– Терпи, Сашенька, терпи, мальчик. Сейчас. Сейчас...

– Мальчик? Сашенька? – удивлённо реагирует Санино уплывающее сознание...

Нурия достаёт из сумки капельницу, собирает её. Боже, как медленно пятится БТР! Разрезав рукав, ставит капельницу лежащему как мешок Дыбову. Правую руку подсовывает ему под голову, прижимает его собой к поручням. Вытягивает вверх левую руку с капельницей. Кричит: "Мамочка-аа...". Плачет навзрыд. Слёзы текут Сане на лицо. Глаза Нурия то закрывает от ужаса и утыкается прямо ему в лицо, то поднимает голову, смотрит за капельницей. Снова закрывает глаза, прижимается к нему.

Дыбову уже всё равно. Пришла апатия. Боль ушла. Уже давно чувствует ледяной холод, а сейчас становится и вовсе нестерпимо холодно. Особенно нога мёрзнет, почти не чувствует её. Потом наваливается отвратительная тягучая ватность во всём теле и противная дрожь, Саня чувствует, как мелко, мерзко дрожат губы. Потом мир как-то сворачивается, гаснет.

²⁸ КПВТ – крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый под патрон 14,5 мм.

²⁹ ДШК – 12,7 мм крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва – Шпагина, принят на вооружение в 1938 году. Самый распространённый пулемет в мире. Во время Афганской войны Советская армия была перевооружена на более современные пулеметы "Утес", а моджахеды были вооружены, в основном, ДШК китайского производства. Китай поставлял их в огромных количествах. В том числе в зенитных спарках и четвёрках.

Глава 8

Красные сполохи. Тепло на лице. Тихо как...

Нет, какие-то звуки. Голоса.

Жив.

Саня приходил в себя. Не сразу смог открыть глаза – веки плохо слушались, сопротивлялись. Когда всё-таки открыл, глазам больно стало, почти ослеп: солнце прямо в глаза светит – раннее утро.

Начал присматриваться, различать что-то.

Кровать... Капельница... Окно...

Кто-то сидит напротив, у окна. Не видно против солнца. Женская фигура. Гуля? Откуда?

И тут картина всего произошедшего разом встала перед глазами, отрезвляя – БТР, испуганные глаза, заплаканное, искажённое страхом лицо. Вспомнил всё. Нурия!

Позвал:

– Нурия!

Фигура пошевелилась, женщина поднялась. Нет, не Нурия. Другая медсестра, Елена Михайловна.

Снова:

– Нурия? – и застыл в ужасе, ожидая ответа.

– Спит Нурия.

Жива!

Медсестра подошла к Сане, положила руку на лоб. Горяченный. Поставила градусник.

- Пить хочешь?
- Ранена? – еле выдавил из себя.
- Нурия? Нет-нет. Всё хорошо. Спит. Еле выгнали, сидела тут. – Помолчав, – Вот, пришёл в себя, молодец, Дыбов. Всё хорошо, сейчас доктора позову.
- А Сатадзе?
- Вертолётом в госпиталь. Был жив.
- Капин?
- Жив. В соседней палате. Контузия.
- Ещё кто?
- Лейтенант Неверов с лёгким в бедро. Двое без госпитализации. Все живы, слава Богу.
- Со мной как?
- Пить-то будешь?
- Да.
- Всё хорошо, быстренько прооперировали, ничего страшного – видишь, даже в госпиталь не стали отправлять. Рана узкая, чистая, просто много крови потерял, паховую артерию задело. Зато получишь нашивку за тяжёлое... – улыбнулась.

Приподняла голову Сане, поднесла кружку с водой.

Саня пил. Снова накатила одуряющая слабость.

Жива Нурия. Как бы ему было жить, если б погибла?

Всё восстановилось в голове и стояло перед глазами – и всё, что он видел, что произошло на БТР-е, и даже то, что было до этого и видеть он не мог, сейчас казалось, видит.

Вот Нурия видит Дыбова, раненного, стёкшего на БТР. Не стала ждать, пока БТР выйдет из-под огня – БТР идёт задом, медленно, вслепую, по командам по рации. Понимает старшая медсестра Латыпова, пока БТР из-под огня выйдет, уже может быть поздно. И, передав кому-то капельницу искаленного механика, бежит к пятающемуся БТР-у. Бежит под пулями к Дыбову. Забирается на БТР. Вот только Саня сейчас не видит, не понимает, как же она это сделала? Но забралась как-то. Сумасшедшая.

Нурия отрывает Саню от поручня, плачет, кричит, дерётся с ним, перевязывает. Прижимает собой к поручню за небольшой башней БТР – маленькому, но укрытию – и держит капельницу на вытянутой руке, закрывая от ужаса глаза.

Да как же она жива-то осталась? Господи, а какой ужас перенесла, Нуричка, родная! Снова стояло перед глазами заплаканное, искажённое страхом лицо девушки.

Жива. Жива сестричка. Жива родная.

Саня напился. Сестра положила его голову на подушку. Он не чувствовал, как на подушку текут слёзы. Пожилая женщина гладит его по голове, по лицу, что-то говорит, он не слушает. Нурия жива. Это главное. Шара-Бара...

Вместо послесловия

Операция по уничтожению базы прошла успешно. Без безвозвратных³⁰ потерь. Удар по базе для моджахедов оказался действительно неожиданным. Отреагировав на начавшийся бой с отвлекающей группой, полевые командиры перебросили туда резервы и, даже увидев основную колонну в стороне от завязавшегося боя, быстро поняли, куда идет бронегруппа не могли, а потому не могли своевременно перекинуть подкрепление ещё и туда. А внезапные удары мобильных групп, поддерживаемые ударами с воздуха штурмовыми Ми-24 и подошедшим на броне отрядом, за полчаса смяли сопротивление охранения базы. Духи в панике пытались отступить, побросав даже личное оружие, но были уничтожены.

Спецназовцы оперативно выставили боевое охранение, минёры заминировали подходы к базе. Подошедший небольшой отряд душманов (стволов пятьдесят), попытавшихся отбить базу, уничтожили меньше чем за час: "Крокодилы"³¹ просто смели основную часть душманов с тропы ещё на подходе к базе. Остальные нарвались на мины или попали под перекрёстный огонь охранения спецназа. Уцелели и скрылись единицы.

В пещерах базы обнаружили большое количество боеприпасов и вооружения. Что смогли, вывезли – грузили трофеи на Ми-8-е до вечера. Что не вывезли – перефотографировали, и при отходе минёры взорвали пещеры со складами. Отходили под прикрытием подошедших соседей мотострелков.

* * *

Комбат написал представление к награде на Нурию. Не утвердили. Мищенко ходатайствовал о награждении Дыбова, но комбат не утвердил. Саня и сам не понял бы, за что. За дырку в ноге? Да и никто бы не понял. Так-то, конечно, получить награду было бы приятно. Хоть и воевали не за медали и ордена, а пацанское тщеславие войной не вытравишь – наград хотелось. Но если получать, так за дело, чтобы перед пацанами стыдно не было.

Дыбов когда-то давно мечтал о Красной Звезде, но здесь перестал. Звезду, за крайне редким-редким исключением, только погибшим давали. Им всегда. И часто так и говорили о гибели кого-то –

звезда пришла. И награждение посмертно было правильным. И неважно, какой на самом деле смертью погиб солдат или офицер, – действительно геройской, в бою или по нелепой случайности застрелен своим сослуживцем; подорвался на своей же mine или попал под случайный артобстрел в столовой или на построении. Они погибли на этой войне. И самое малое, что могла сделать армия для них – наградить посмертно.

А вот нашивка за тяжёлое ранение, это хорошо, – тоже почти медаль. Жаль только, ранение в таком месте неудачном, шрамом не покрасуешься. Дыбов вспоминал своего соседа по дому, доармейского приятеля, афганца. У того такой красивый шрам от скользящего пулевого ранения по всей груди тянулся. А у Дыбова что?.. Да ладно, что уж там – жив, ранение не в задницу и хозяйство цело. Шарара...

А с Нуриёй совсем как брат и сестра стали. Саня спросил как-то её, как смогла забраться-то на идущий БТР? Не помнила. Потом парни рассказали, видели – когда вдоль горы под дорогой шёл БТР и упёрся в откос, а потом отошёл вперёд и стоял, втыкая заднюю, она и забралась. Все уже простились с ней.

Кто-то брякнул с ухмылкой: "Любовь!" Дыбов глянул на шутника, тот стушевался, извинился, сказал, чтобы не обижался – не хотел обидеть, просто ляпнул. Саня думал потом: любовь? Любовь, конечно, нет. Может, потому что дружили... Но потом подумал и был уверен в том, что сделала бы для любого другого. Нурия!

³⁰ Безвозвратные потери – потери убитыми и уволенными из армии по ранению.

³¹ Крокодилы – сленговое армейское прозвище вертолётчиков МИ-24.

Примечания

Автор называет командиров по-разному: комбат / командир отряда; командир группы / командир взвода. В войсках специального назначения официальное название отрядов – ООСПН, отдельный отряд специального назначения. По численному составу, да и в целом по структуре, соответствует батальону. Взвод – группа спецназа. Рота – рота спецназа. Отделение – подгруппа спецназа.

В Афганистан спецназ официально не вводился. Отряды условно обозначались мотострелковыми батальонами, нумеруя по порядку ввода в Афганистан. Шахджойский, к примеру, условно обозначался как 7-й или 700-й отдельный мотострелковый батальон. Асадабадский – 5-й или 500-й отдельный мотострелковый батальон. Отчасти поэтому в обращении среди военнослужащих звучало: комбат, взводный, замок (заместитель командира взвода); а отчасти, как более короткие и привычные для многих названия должностей, вместо командира отряда, командира группы, замкомандира группы.

Особенностью спецназа было то, что группы на малые боевые выходы – на разведку, на охоту за караванами, на захват пленных или ликвидацию полевых командиров – не назначались по подразделениям: по взводам, по отделениям. Группу формировал на своё усмотрение назначенный командир – как правило, офицер, но, бывало, в зависимости от задачи и срочности (особенно в боевой обстановке), и просто опытный боец, даже не сержант. И более того, в группу, в подчинение такому бойцу мог быть назначен и офицер. На стажировках, да и не только, опытному боевому лейтенанту могли назначить в подчинение и капитана.

При наборе группы учитывалось желание бойцов. Без войн бойцы скучали, ждали войн с нетерпением, рвались все. Так было всегда, но обострённо после потерь, гибели сослуживцев. Дальше уже командир формировал группу из добровольцев с учётом специальности, опыта, личного доверия и необходимости подготовки пополнения.

Автор и спустя тридцать пять лет не может забыть, как суровые 18-20-летние бойцы спецназа при объявлении о наборе группы для проведения боевого выхода превращались в мальчишек, которые умоляли командира взять их на войну. Лица становились детскими, просительными и так же по-детски радостными, когда командир выбирал их. И по-детски несчастными, обиженными, когда не попадали в список счастливых.

Счастливычки, к зависти остальных, начинали возбуждённо и деловито собираться на войну. Остальные или разбредались, или помогали.

И так жутко было видеть эти недавно по-детски счастливые лица застывшими в страшной, бездвижной маске смерти, когда тела мальчишек-счастливых выгружали из вертолётчиков или из брони. Автор был уже совсем взрослым тогда – ему было двадцать три.

АРТЁМ ПОПОВ

Северодвинск

Родился 25 февраля 1980 года в Северодвинске Архангельской области. По образованию учитель русского языка и литературы. Работал корреспондентом городской газеты. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг прозы "Счастье прошедшего времени" (Северодвинск, 2018), "Избачиха" (Архангельск, 2020), "Ваня Француз" (Москва, 2022). Публиковался в журналах "Наш современник", "Юность", "Молодая гвардия", "Север", "Бельские просторы", "Дон", "Двина", "Волга XXI век" и других. Лауреат ряда Всероссийских литературных конкурсов.

В настоящее время живёт в Северодвинске.

ДВА АЛЬБОМА

Рассказ

Это была старая деревяшка, стоявшая на одной из первых городских улиц с названием советской эпохи – Индустриальная. Из разбитых окон пахло сыростью и плесенью. Двухэтажный дом коридорного типа начали сносить и остановились, будто кто-то наверху пожалел: ну, пусть ещё постоит. Наполовину разрушенное, как после авиаудара, строение пугало прохожих.

Сломав тяжёлой техникой стену, обнажили комнаты. Обои в незамысловатый цветочек, кухня, ванная, где на стене висела забытая ярко-синяя мочалка – нелепая деталь в этой разрухе. Продавленные пружинные диваны в пятнах. Старая антресоль скрипела дверцами, а раньше люди стояли в очередь, "доставая" эти мебельные стенки. Под окнами прибиты деревянные ящики – в них когда-то за неимением холодильников хранили продукты. Ртутные термометры жители тоже оставили на рамах: кому они сейчас нужны? Включи местный телеканал – всю погоду узнаешь с точностью до десятых градуса.

Все эти приметы прошлого рассматривала Мария Александровна Ильина, которая шла мимо дома, орудуя палками: врач советовала выгуливать себя – как говорится, финская ходьба ей в помощь после первого инфаркта, чтобы кровь разгонять.

Мария Александровна всегда носила широкие синие джинсы. Чёрный беретик тоже, кажется, красовался на её голове и зимой, и летом. Сразу видно интеллигенцию. Сумочка привычно висела на сгибе локтя, нисколько не мешая Марии Александровне.

Почти всю жизнь эта женщина отработала в городской газете, но не хватило года до пенсии – уволила новая редактриса, просмотревшая крамолу против власти в одной из статей Ильиной.

Марию Александровну любили молодые "коры" (корреспонденты) и называли газетной мамой, потому что она здорово помогала им на первых порах, правила репортажи, прежде чем те показывали их редактору. "О-ох", – любила она приговаривать, дописывая вторую "п" в слове "грипп" в заметке очередного кора или исправляя другую очевидную и невероятную глупость. "О-ох" часто звучало в её кабинете.

Сентябрь уже начал плакать дождями, с тополей каждый день облетали жёлтые листья. Но Мария Александровна и в слякотную осень любила старый город, в котором прожила всю жизнь. Незаметно для других пешеходов она шаркала ногами по опавшей листве, и ей было радостно от этого шелеста, словно возвращалась в детство. Мария Александровна помнила, как эти деревья сажала ещё вместе с родителями. Тополиный век оказался длиннее человеческого. Мать с отцом давно уже покинули белый свет, а деревья продолжали шуметь, упираясь могучими кронами в родное северное небо.

В тот вечер, гуляя, как обычно, перед сном, Мария Александровна проходила мимо развалюхи. Железные шупальца тяжёлой техники ещё днём разворотили несколько комнат. Рядом с тротуаром, на который вывалились куски штукатурки, она не сразу увидела старый фотоальбом. Несколько зелёных

страниц уже были вырваны и лежали рядом. Может, бомжи брали на растопку – пожары по их вине часто случались ночью в расселённой деревяшке, а, может, днём "развлекались" подростки, били стёкла и хозяйничали в пустых комнатах.

Она бы не заметила странную находку, если бы не лица с фотографий, которые смотрели в упор, глаза в глаза. Мария Александровна наклонилась – зрение уже не то, стала рассматривать, перелистывала страницы. Боже мой, да тут вся жизнь какой-то семьи! Выброшенная жизнь...

Вот свадебная фотография. Большеглазая невеста с причёской, как у Аллы Пугачёвой начала 80-х годов, а в копне рыжих волос – скромный букетик белых искусственных розочек. А какая широкая улыбка у блондинистого парня! Вспомнилась детская считалочка: "Рот до ушей, хоть завязочки пришей". Какие молодожёны счастливые!

А здесь тот же парень, что на всех снимках улыбается, в армии: в тельняшке, обнимает друзей, может, перед дембелем.

Это фото сделано "на картошке". Тогда многих городских жителей и студентов осенью посылали убирать совхозные поля – битва за урожай, так сказать. На парнях рваные фуфайки, но при этом брюки клёш, и причёсоны у них в стиле Битлз – волосы до плеч... Модничали!

Много снимков Ленинграда, который никак не спутаешь с нынешним Санкт-Петербургом. Наверное, туда в медовый месяц ездила парочка. Целуются у Казанского собора, не стесняются.

Обнажённая скульптура из Эрмитажа тоже перекочевала в семейный альбом. В советское время обнажёнку только так и можно было увидеть.

На другом альбомном развороте – молодая семья в турпоходе. Вот выглядывают из палатки: она – в белом купальнике, он – с голым мускулистым торсом. Тогда ездили отдыхать по своей большой стране под названием СССР, а не по заграницам.

И, наконец, на последней странице альбома крупно – младенец с погремушкой. Плод любви... Девочка с большими выразительными глазами, как у мамы. На обороте надпись: "На долгую память от Таи. 1 год. 1980". Как будто Тая сама дарила, хотя она явно тогда только гукать умела. Почему-то эта фотография не была отправлена адресату.

Мария Александровна забыла о времени и, присев на корточки, разглядывала альбом, убирая с лиц штукатурку и битые стёкла.

Последнюю страницу она перевернула со смешанными чувствами. Мимо проходила чопорная супружеская пара, держась под ручку, и покосилась на неё: сумасшедшая, что ли? Мария Александровна поднялась и быстро пошла домой, стуча палками по асфальту.

На кухне включила телевизор для фона. Разогревая ужин, масло вместо сковороды положила прямо на плиту. Только тут поняла, что думает весь вечер про альбом. Почему он остался в разломанном доме? Что случилось с этой девушкой "а-ля Пугачёва" и улыбчивым парнем?

По металлическому подоконнику дождь отбивал беспорядочную дробь, деревья покорно гнулись под порывами ветра. Осенняя мокрядь. А эти молодые на снимках лежат там...

Мария Александровна долго думала, что делать. Без аппетита поужинав, машинально расправила кровать и попыталась заснуть.

Полоснула, как ножом, мысль: а если твои фото так будут валяться на асфальте? Сын в Москве, муж давно умер. Кто станет разбирать её архивы? От таких мыслей у Марии Александровны на глазах выступили слёзы. Решила: надо забрать эти альбомные листы. Добро вернётся бумерангом рано или поздно. Лучше, конечно, рано.

Идти за фотографиями надо непременно сейчас: дождь за окном уже не стучал, а лил. К тому же днём могли увидеть какие-нибудь знакомые. На часах натикало одиннадцать. Мария Александровна надела любимые джинсы, беретик, захватила зонт, пакет для альбома.

В темноте нашла фотографии не сразу, вначале даже обрадовалась, что, может, хозяин их уже взял. Нет, тут, только альбом лежит в стороне, страницы разорваны ещё больше, наверное, собаками. Некоторые фотографии мокли не под обложкой, а рядом, ветер их разметал, кто-то прошёлся по лицам. С риском провалиться Мария Александровна ползала по обломкам дома, собирая фотографии в пакет. Толпа подростков, остановившаяся на перекрёстке, загоготала. Марии Александровне было уже всё равно, что про неё подумают.

Дома она сначала отмывала снимки от побелки и уличной грязи, как людей, в ванне. Затем в нежилой комнате-чулане, куда часто поселяла подобранных бездомных кошек, развесила фотографии на верёвки с помощью бельевых прищепок. Получилась почти фотолаборатория. В тепле снимки скукожились, высыхая без глянцевателя. Мария Александровна успокаивала себя, что всё же лучше под крышей, чем на улице. Фотографии ночевали в доме, пусть и в чужом. Что делать дальше – решит утром. С такой мыслью и улеглась в остывшую постель.

Марии Александровне снились люди с фотографий в тех самых местах, в которых запечатлел их невидимый фотограф: в совхозе, у Казанского собора, в турпоходе, она слышала их разговоры и смех.

Проснулась в поту рано, когда ещё висели за окном густые сумерки. Что конкретно она слышала от этих ставших как будто хорошими знакомыми людей, вспомнить так и не смогла.

Еле дотерпела до девяти утра, чтобы позвонить своей подруге Таньке, с которой познакомилась, когда брала интервью для газеты. Татьяна работала врачом-неврологом в больнице, а для Марии Александровны в нерабочее время – психотерапевтом.

– Успокойся, ты всё правильно сделала, – уверенным тоном начала психотерапию Танька. – Расскажу одну историю, не поверишь. У знакомых в деревенском доме у самой двери всегда стоял большой чемодан. Когда я поинтересовалась его содержимым, то хозяева сказали, что там фотоальбомы. И добавили, что именно их (и только их) они станут выносить первыми из пожара. Это память, которую не восстановишь, не наживёшь, как всё остальное имущество. У меня самой фотографии бездетных родственников хранятся.

– И что мне делать дальше с этой находкой? На снимках нет ни дат, ни имён, а уж тем более фамилий с адресами.

– Как что делать? Размести у себя на странице в социальной сети, может, кто узнает родных или друзей этих людей, – предложила Танька.

У Марии Александровны подписчиков было больше, чем тираж у той городской газеты, из которой её выперли за правду.

– Если фотки выбросили, значит, не нужны, – попыталась отбрыкаться от затеи Мария Александровна.

– Кто знает, кто знает... Ну ладно, я побежала, – Татьяна закруглила разговор: у неё двое внуков, некогда. Всё-таки оставила один на один Марию Александровну с её нерешённой задачей.

Ильина прошла в комнату-чулан. Снимки за ночь подсохли. Улыбка у парня, казалось, стала ещё солнечнее.

Мария Александровна разместила фотографии на своей странице, как и предлагала Танька, к вечеру, когда больше людей просиживает время в соцсетях.

"Мария, отдайте в музей", – первым отозвался старый знакомый. Ага, кому там нужны эти семейные фото? У Марии Александровны уже был горький опыт "отдать в музей", когда она принесла ценные, как ей казалось, вещи:

– Вы что, думаете, мы старьёвщики, всё подряд берём? – тогда ледяным дождём окатила фраза заместителя директора музея.

Тем временем на страничке появился новый комментарий: "Кто тебе дал право ползать по помойкам и выставлять фотографии на всеобщее обозрение?". А-а, "друзья" проснулись – по тону и обращению Мария Александровна узнала редактрису газеты. И тут даже её журналистская закалка дала трещину: а в самом деле, все проходили мимо, ей что, больше всех надо? Имела ли она право взять чужие вещи – чужую жизнь?

Мария Александровна снова набрала на мобильном Таньку.

– Интеллигентные люди альбомы не выбрасывают, – выпалила в сердцах.

– Нет, ну что ты! Всякое бывает, – предположила подруга.

– Это дом коридорного типа. Кто там мог жить? Одни алкоголики!

– Не могу дальше говорить. Я уже на работе, – Танька снова отключилась.

Однако в комментариях к фотографиям большинство людей поддерживали Марию Александровну. "Я свои бумажные снимки храню. Как они пахнут! Как будто возвращаешься в молодость! Хотя сын давно предлагал оцифровать", – написала одна читательница. Кто-то предположил: может, бездетные старики умерли, некому было забирать альбом. Марии Александровне стало нехорошо: зачем она хранит фото умерших людей дома – как кладбище...

А поздно вечером написала девушка: "Где вы нашли эти фотографии? Кажется, на них моя мама! Дайте адрес, мы приедем к вам!".

И они пришли, вернее, приехали. Дочка на своей машине привезла женщину на вид лет пятидесяти, сама в квартиру Марии Александровны не поднялась.

Гостя представилась: Нелли Петровна. Одета ярко, даже с каким-то вызовом. В комнате сразу запахло розами – духи с сильным ароматом. Большие глаза в сетке морщинок. Волосы рыжие, но видно, что крашенные, к тому же давно: все корни седые. "Моложе меня, а выглядит намного старше. От Пугачёвой ничего не осталось", – быстро оценила Мария Александровна.

– Да вы садитесь, в ногах правды нет. Вот эти фотографии, – Мария Александровна передала большую коробку из-под обуви. Там уместилась жизнь в фотографиях.

– Да, это я, а это мой муж, Шурик... Имя ему шло, как никакое другое. Это мы в Ленинграде, – улыбнулась – и её лицо сразу помолодело.

– В Ярославской области в палатках жили на Волге. Да! Весело было. А это мы в совхозе, "на картошке" и познакомилась с Шуриком. Наш исследовательский институт и его военный завод тогда

направили на уборку урожая. Любовь с первого взгляда. Я ему уступила на третий день на сеновале... Дочку Таей назвали, как бабушку – хозяйку дома. Тая – Тайна. Расписались, всё было хорошо вначале. Шурик много получал, в ресторанах шикавали чуть ли не каждые выходные. Помните, тогда ведь туда не попасть было, требовался блат или большие деньги. Лечила его, конечно, от пьянства, когда он на работу не мог выходить. Отправляла по врачам, по бабкам – всё без толку. А потом пошли пивные, подворотни, пристанища бичей. Но это уже без меня. Расстались, не смогла я больше терпеть.

Мария Александровна умела слушать – профессия журналиста обязывала. Она подливала чаю, добавляла в напиток листочки мяты, которую сама сушила летом в деревне.

– Мне ведь пришлось врать дочери про Шурика, что он погиб при испытании оружия на своём заводе. Сколько нервов измотал, сволочь... Все слёзы я тогда выплакала, ни капли не осталось. И рада бы теперь порой поплакать, всё полегче бы стало – а нечем... Дочь – это моя радость, ну, и память на всю жизнь о нём... У меня было потом ещё двое мужей, но не любила я их, и они это чувствовали. Одна осталась.

После вязкой тишины продолжила:

– Моя, наверное, вина, что отступилась от него. Не узнавала, как потом жил Шурик, с кем... А где вы нашли альбом? На Индустриальной, в старой деревяшке? А ведь у нас была куплена новая "трёшка" с балконом... Да что там говорить! – шмыгнула то ли от насморка, то ли от подступивших слёз. Быстро стала собираться.

– В домоуправлении должны знать, куда его переселили, – посоветовала Мария Александровна. – Здесь недалеко.

– Схожу. Завтра же... – как-то рассеяно ответила гостя. – Спасибо вам за то, что не прошли мимо.

Мария Александровна смотрела в окно, как Нелли Петровна садилась в машину. Дочь открыла маме дверцу, аккуратно захлопнула: заботится.

В тот вечер Мария Александровна долго думала: а ведь Нелли Петровна рассказывала как будто про мою жизнь! Муж Володя тоже страшно пил, но от большого больного ума. Забирала его из пьяных компаний, чуть ли не связанным возила с помощью брата в наркологию. Володя был известным поэтом не только в своём городе. В 90-е годы, прозванные потом лихими, и крепкие мужики ломались, а тут поэт, "тонкая материя".

– Хорошие поэты долго не живут, – сказал как-то их общий друг на одном из "квартирников".

Слово материализовалось. Володя оставил Марию Александровну одну с грудничком, уйдя в лучший мир. Мария Александровна вспоминала всё это, перебирая фотографии их недолгой семейной жизни. Эти снимки были намертво приклеены на картонные зелёные листы старого альбома с бархатной обложкой. И она ни о чём не жалела.

На следующее утро Нелли Петровна пошла в домоуправление, толком не зная, в какую дверь толкнуться, где ей помогут. Решила, что за первой дверью с табличкой "мастер" попытает удачу. Молодая женщина, присев на стол, ругалась по мобильнику, похоже, со слесарями:

– Когда ты свищ заделаешь?! Протекли два этажа!

И в такой неподходящий момент Нелли Петровна всё-таки назвала дом, фамилию бывшего мужа и осторожно спросила, куда его переселили.

– Ну, как не помню этого хроника! – эмоционально начала мастер. – Намучились с ним, не знали, куда выселить! Пил с бомжами и бомжихами. Говорить в последний месяц не мог, мычал только, ноги уже отнялись, так в комнате туалет устроил, на диване спал и гадил. Так вот, за день, как в доме отключили электричество, он коньки отбросил. Его хлам, когда дом начали сносить, дворники не стали выносить даже. Всё равно на свалку. Где похоронили – это уж не к нам, в собес, они этим занимались. А вы ему вообще кто? – словно спохватившись, что наговорила лишнего, сменила тон. – Примите соболезнования.

– Не надо... – тихо, но твёрдо сказала Нелли Петровна и, не прощаясь, вышла.

Поздно вечером на такси она приехала к деревяшкам в старой части города. Из сумки достала коробку, положила на землю и поднесла зажигалку...

Фотографии долго не хотели заниматься огнём, словно там нечему уже было гореть – давно "перегорели" вместе с надеждами, оставив после себя горький, как пепел, осадок. Отблески пламени отражались в окнах старого дома, где прозябали его дожители. В сумочке осталась только фотография красивой девочки с большими выразительными глазами и с надписью на обороте "На долгую память от Таи".

Редкие прохожие с недоумением и тревогой смотрели на немолодую женщину, которая, опустив плечи и ссутулившись, неподвижно стояла у едва заметного в ворохе палых листьев костерка. Женщина беззвучно плакала.

НАТАЛЬЯ МЕНЕНДЕС

Кинешма

Наталья Мануэловна Менендес (Тютникова) – автор нескольких книг прозы: "На перепутье" (2012), "Там далеко" (2015), "Разведённые мосты" (2017), "Потеряла я колечко" (2018), "Пересекающиеся параллели" (2019), "Наследство Каина" (2021), а также трёх книг для детей из цикла "Ивановы сказки" и четырёх поэтических сборников.

В разнообразной тематике произведений, кроме истории России и малой родины, важное место занимает тема о Гражданской войне в Испании и "детях войны", привезённых в СССР. И не случайно, ведь её родовые корни связаны не только с Россией, но и с испанской землёй.

Публикуется в ивановском литературном альманахе "Откровение", в журнале "Писатель. XXI век" (Санкт-Петербург) и в других литературных сборниках и альманахах.

Является одним из организаторов ежегодной межрегиональной конференции "Писатели Поволжья на земле А.Н. Островского", проходящей в Кинешме. Редактор-составитель литературных альманахов "Волжские встречи" по страницам истории этих конференций.

Лауреат премии "Триумф" (2016) за личный вклад в развитие культуры и искусства города Иванова и премии имени А.Н. Островского (2022).

Член Союза писателей России. Живёт в городе Кинешма Ивановской области.

ЗВЁЗДЫ НА РАССВЕТЕ

Рассказ

Памяти моего деда – Мануэля Менендес Менендес
и всех узников-республиканцев тюрьмы Эль Кото города Хихон.
Рассказ основан на реальных событиях, происходивших
в Испании в период Гражданской войны 1936 – 1939 гг.*

Наконец ступени закончились. Тяжёлая железная дверь впустила в сырость и духоту свежую струю. Мануэль задохнулся от запаха моря, травы, песка, от запаха родного города. Лёгкие отказывались вдыхать прохладу и аромат после привычной затхлости.

Рассвет не наступил, звёзды над дальней сьеррой**были по-августовски яркими. Мужчина с трудом выпрямился, поднял голову навстречу мерцающей россыпи. Он не хотел выглядеть униженным в свой последний час. "Да, час... – подумал он, – видимо, повезут на кладбище".

Подтверждая его мысли, у дороги стояла закрытая машина. Мануэль почувствовал толчок в спину, чувствительный, но позволяющий удержаться на ногах и не ткнуться лицом в каменистый выступ на краю тротуара. За прошедший год конвоиры научились выполнять свою работу чётко, без лишних ненужных осложнений. Привычная, почти повседневная работа. Конвейер смерти, работающий бесперебойно.

– Иди, – конвойный снова ткнул Мануэлю между лопаток.

Губы крючконосого сержанта искривились в презрительной и брезгливой гримасе. Он ждал покорности и униженности побеждённого, но идущий на смерть не доставил победителю удовольствия лицезреть это. Он снова распрямил плечи и поднял голову. Стоящий сзади тощий, измождённый человек, такой же бедолага, доживающий свои последние минуты, прошептал:

– Мануэль! Я не думал, что ты ещё жив. Твоё имя называли ещё три месяца назад.

– Нет, Педро, это был не я. Просто имя такое же.

– Имя было твоё, но я не успел разглядеть выходящего, когда меня вели с допроса. Ты узнал меня, Мануэль?

– Я узнал тебя, парень.

– Эй! Хватит болтать! – снова раздался грубый окрик того же конвойного.

– Ладно, Хесус, пусть. Скоро замолчат навечно.

В перебранку вмешался коротконогий толстяк, стоящий у грузовика. Добряк был выше по званию, и окрикнувший их конвоир, буркнув себе под нос ругательство, замолчал.

Приговорённые двинулись к грузовику парами. Педро шёл рядом, шепча Мануэлю почти в ухо.

– За что они так ненавидят нас, Мануэль? Мы защищали нашу республику, то, что принадлежало нам по праву. Мы не насильствовали, не убивали их жён и дочерей. Я не боюсь смерти. Мне стыдно, что я не защитил своих девочек.

– Да, Педро, я знаю про твою жену.

Скорбь и стыд мужчины, у которого враги отняли и жену, и дочь, были понятны. А вот объяснить Педро свои мысли о ненависти Мануэль не мог. Он много думал об этом за прошедший год. Он понял одно: в ненависти тех, кто его допрашивал; тех, кто водил на допросы; тех, кто с искривлёнными от злобы лицами, свалив на пол, пинал в голову, грудь и бока, пока он не потеряет сознание, пинал до своего собственного изнеможения, в этой ненависти скрывался страх. Страх, который они прятали за этой ненавистью. Идущий на смерть вдруг осознал со всей ясностью, что этот страх у победивших их непреодолим. Он будет жить долгие десятилетия, а может, и столетия. И они снова и снова будут пытаться стереть с лица земли тех, кто осмелился заявить о своём человеческом праве, праве на свободу. Их попытки уничтожить людей, захотевших стать свободными, с годами станут более изощрёнными. Победители, возможно, придумают вместо пушек, танков и истребителей что-то другое, но так же несущее смерть, ведь они могут видеть их только рабами, не понимая одного, что и сами они – рабы. В этой безжалостной смертоносной машине все они были только винтиками, позволяющими властвовать тем, кто этой машиной управляет. Они и их невидимые хозяева ненавидели людей и одновременно боялись. Боялись тех, кто сказал им в лицо: "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!". Мануэль ясно видел за этой ненавистью только страх! Но разве может он всё это сейчас объяснить своему товарищу?

Разрешение поговорить, данное коротышкой, носящим капитанские погоны, произвело обратное действие. Приговорённые к смерти замолчали, протянув друг другу руки в последнем прощальном пожатии, растянута на весь короткий путь по дороге к кладбищу Сеарес.

Да и о чём говорить людям, стоящим перед последней чертой? О несбывшихся надеждах? О несправедливости к ним Всевышнего, в которого многие из них уже разучились верить? Или нет? Наоборот? Именно сейчас они обрели эту веру вновь? В темноте закрытого кузова, где трудно было разглядеть сидящих, в тихом шёпote так явственно слышалось имя Девы Марии.

* * *

Мануэль взывал к помощи Святой Девы, пробираясь по узким улочкам Хихона. Нужно было проскользнуть незамеченным к окраине, где, возможно, ещё оставался не перекрытый проход, ведущий в горы. Заветные горные тропинки, тонкими ручейками сходящиеся на дороге к границе с Францией. Разгорячённая щека прижималась к холодному камню стены. Ботинок соскользнул с невысокого приступка перед наглухо закрытой входной дверью. Рука непроизвольно ухватилась за поблёскивающую в тусклом свете луны бронзовую ручку. Послышался мелодичный звук. Дверь мгновенно приоткрылась, словно по ту сторону кто-то нетерпеливо ждал его прихода. Женская рука с длинными, не лишёнными изящества пальцами, отмеченная временем припухлыми венками, разбегающимися веером вверх, и сплошной сеточкой тонких морщинок, ухватила мужчину за рукав.

– Входи, сынок.

Мануэль поднял голову. Внимательный добрый взгляд пожилой женщины, в котором не было страха.

– Входи, входи, сынок, – повторила она.

– Нет, сеньора, нужно уходить.

– Тебе уже не пройти, сынок. Оставайся. Я укрою тебя.

– Я попытаюсь, мать, спасибо. Я должен идти.

Он склонил голову. Губы мужчины прикоснулись к этой руке, пахнувшей домом и уютом. "Скорей. Торопись, Мануэль. Ты не должен задерживаться здесь, у этой открытой двери, как не стал задерживаться у двери собственного дома".

Он снова змеей скользил по стене, повторяя все её выступы. Иногда ему нестерпимо хотелось просто врасти в эту холодную стену. Он замер, прислонился горячей щекой к прохладе камня. Стена навалилась на него всей своей тяжестью. Ему не удержать её. Он снова оторвался. Поворот, ещё один. Несколько шагов к противоположной стороне. Приближающиеся шаги из-за поворота. "Успеть, я должен успеть!". Сильный толчок сбил с ног, и глухая темнота придавила его к влажному тротуару мостовой.

Наконец звуки пробились сквозь чёрный провал, в котором был Мануэль. Он не осознал, сколько времени его окружали холод и эта могильная тишина, из которой он вынырнул в духоту и смрад.

– Очнулся, товарищ?

Слова, обращённые к нему, яркой молнией проникли в сознание, подарили надежду, что он среди своих. Окончательно очнувшись, Мануэль понял, что все, кто его окружают, такие же пленники, как и он.

– Где мы?

– Тюрьма Эль Кото, парень, – склонился к нему пожилой мужчина. – Не успел выбраться?

– Не успел.

– Вот и я не прорвался. Меня Фермином зовут. А тебя? Где-то я тебя, парень, видел.

– Мануэль Менендес.

– Что-то припоминаю. Ты к нам в депо не приходил?

– Случалось. Ты там работал?

– Я машинист. Республика была моя мечта и надежда. Хотел лучшую жизнь для детей, у меня их пятеро. Да и внуки уже подрастают. А видишь, как всё обернулось, Маноло. Почему, как думаешь?

– Веник плохой связали. Не смогли им предателей вымести с земли нашей.

– Ты о чём, парень?

– Анархисты, социалисты, коммунисты и другие. И каждый в свою сторону. А хуже всех анархисты, только безобразничать да народ пугать. Что только стоил их "либеральный коммунизм", когда они деньги отменили. Думаю, что голод в Хихоне – это их вина. А вот как воевать, так первые разбегаются и в кусты. И доверчивость наша глупая, которой такие, как Аранда, пользовались. Помнишь, когда всё только началось, отправил к Мадриду отряд вооружённых шахтёров, а потом заманил на переговоры руководителей и социалистов, и коммунистов и всех расстрелял. Даже невооружённых рабочих не пожалел! Сколько моих товарищей погибло! А ведь убеждал в верности республиканскому правительству.

– Тише, Мануэль. Анархисты здесь есть, а может, и предатели тоже.

– Нам теперь, Фермино, бояться нечего.

– Ошибаешься, парень, думаю, наши мытарства только начались. Сразу к стенке не поставят, помучают. И вот что тебе скажу: ты не говори, где живёшь. Они ведь никого не жалеют. Я давно из родительского дома уехал. Я из Куирос (Quiros). Откуда родом, этим подонкам сказал, но где живу в Хихоне – нет. Боюсь за своих.

– А ты откуда? Где твоя семья?

– Родился в Сомиедо-Виллардевидас (Somiedo-Villardevildas), но в Хихоне очень давно. Начинал учеником обувщика. Сейчас сам мастер.

– Семья-то у тебя большая? Детей сколько?

– У меня двое – дочка и сын. Они ещё дети. Сына в Союз отправил. Дочку жена не хотела, но пришлось позднее в Мексику. Дома только жена.

– Поздновато женился парень?

– Да, поздновато. На вдове. У неё уже взрослый сын. Его детей отправляли вместе с моим Мануэлем.

– Дети укрыты – тебе спокойней. Но ведь и жену могут не пожалеть. Ты знал Педро Фернандеса? И жену, и дочь убили.

– Я знал и его жену, и дочку-малышку. Жена у него красавица была.

– А твоя красивая? Уже немолодая, наверное, раз и внуки есть.

– Моя особенная. Как для каждого мужчины, своя женщина. Моя... Моя из рода тех, против кого мы воевали. Но она моя...

* * *

Окна мастерской знаменитого хихонского обувщика почти вросли в землю, и Мануэлю часто можно было наблюдать творенье его рук, мелькавшее перед ним. Его рабочий стол был напротив окна, ближнего к входу в мастерскую. Громоздкие мужские ботинки на мужчину впечатления производили мало. То ли дело изящная женская ножка, обутая в лёгкие туфельки с ремешком, туго обтягивающим щиколотку. Сегодня его особенно заинтересовали ножки, которые долго и неуверенно топтались у входа. Мануэль уже хотел встать и, подойдя к входу, крикнуть: "Входите, сеньорита". Но ножки исчезли, а через несколько секунд в мастерскую вошла женщина. "Да ты, парень, ошибся, – усмехнулся про себя Мануэль, – сеньорита, наверное, твоя ровесница, да к тому же в трауре".

– Сеньора что-то хотела?

– Да, заказать туфли или ботинки.

– Так туфли или ботинки?

– Наверное, скоро потребуются ботинки. Хочется и туфли. Нет, скорей ботинки. Это ведь именно та мастерская?..

Мануэль, не дав договорить немного смущённой женщине, продолжил:

– Лучшая в Хихоне. Да, сеньора. Садитесь. Сейчас хозяин снимет мерки. Я его позову.

Поднявшись на второй этаж, Мануэль позвал хозяина мастерской. Но тот отмахнулся, занятый разборкой со своим провинившимся сыном.

– Сними мерки сам, Мануэль. Ты уже отличный мастер. Мне некогда.

Мануэлю такая работа была не впервой. Хозяин, у которого он работал долгие годы, научил его всем тонкостям профессии и доверял ему ответственную работу.

Расстёгнутая туфелька опускается на пол, и в руках Мануэля миниатюрная ножка. "О! Да вы, сеньора, не очень утрудили свои ноги непосильным трудом. У молодых крестьянок они бывают намного грубей", – про себя съязвил мастер. Но, заметив опущенные глаза и покрасневшее лицо сеньоры, засунул свою иронию куда подальше. Мануэлю было приятно держать в руках эту миниатюрную ножку. Сняв все нужные мерки, он невольно задержал её в своих руках, а потом бережно поставил на пол и ласково провёл рукой от щиколотки к пальцам. Женщина вздрогнула и подняла на Мануэля глаза.

– Вот и всё. Как сеньору зовут?

– Тринидад.

– А меня – Мануэль. Через пару дней приходите на примерку.

– Спасибо.

– Так делаем ботинки?

– Да, конечно, ботинки. Скоро будет прохладно. До свидания.

– До встречи, сеньора.

Два дня Мануэль работал с каким-то особым воодушевлением. К ночи усталые руки мастера-обувщика согревали своим теплом миниатюрные ножки вдовы, которые никак не выходили из его головы. Утром третьего дня мужчина сидел за столом, мечтая о предстоящей встрече. Ботинки к примерке были готовы. Убирая их в ящик, он увидел завалившиеся кусочки разноцветной кожи. И вдруг его озарило. Из этих ненужных обрезков могут получиться красивые разноцветные туфельки. "Какое счастье, что хозяин сегодня уехал и не дал мне новый заказ, – подумал Мануэль. – Только бы успеть к её приходу". И он лихорадочно принялся за новую работу.

В этот день Тринидад не пришла. В мучительном ожидании прошли ещё два дня. Аккуратные изящные туфли с красной полоской от носка к вырезу и красным ремешком ожидали заветные ножки в дальнем углу ящика. Мануэль ходил хмурый, и работа валилась из его рук. Хозяин, никогда не видевший своего лучшего мастера в таком расположении духа, удивился. К тому же, во всём полагавшийся на опыт Мануэля, он увидел на паре ботинок, отложенных в сторону, брак, который мог сделать только неопытный ученик.

– Эй, Маноло, ты чего, парень! Так ты не делал даже двадцать лет назад, – удивился хозяин.

– Исправлю.

– Понятно, что исправишь. Да так у тебя и получиться не могло. Заболел?

- Может.
- Так иди отлежись.
- Само пройдёт.

Мануэль злился на самого себя. Бывало с ним и раньше, что мог приударить он за понравившейся женщиной, но никогда мысли о ней не захватывали так, как сейчас. Когда он увидел в окне ножки, снова затормозившие перед входом, он сразу понял, что пришла она. Мужчина замер от стука падающей туфельки, как от грома неожиданной грозы, заставшей его на вершине горы. Знакомая ножка, протянутая к нему, словно ждала его ласковой руки.

И вот примерка, которую он затягивал, закончена. Светло-коричневые ботинки, прирастая к ногам женщины, ладно садятся на них, не причиняя неудобства. Да и разве он мог ошибиться! Он помнил каждый изгиб, каждую выпуклость ножек, от прикосновения к которым жар поднимался изнутри к самому сердцу.

- Сеньора Тринидад, разрешите сделать вам подарок от меня лично.

Мануэль достаёт туфельки с красными ремешками. Женщина смотрит на него удивлённо.

- Наденьте, сеньора.

Молчание.

- Наденьте. Я делал их с любовью.

Сколько потом он сделает и лёгких ботинок и изящных туфель на любимые ноги. И даже став хозяином своей мастерской, обувь для своей жены и детей он будет делать только сам.

* * *

На другой день тюремного заключения Мануэль вместе со всеми хлебал баланду. Фермина Родригеса Сариего вызвали на допрос и через несколько часов возвратили обратно в бессознательном состоянии. Пытаясь хоть как-то помочь товарищу, Мануэль смачивал его пересохшие губы в подтёках засохшей крови влажной тряпкой. Когда он в очередной раз наклонился к Фермину, услышал своё имя: "Мануэль Менендес Менендес". Он ещё не успел осознать этой безысходной угрозы, как из дальнего конца камеры поднялся человек. И, словно в подтверждение того, что ошибки нет, конвойный выкрикнул: "Моряк!". В дверном проёме мелькнул силуэт мужчины, на плечах которого лежал традиционный морской воротник гюйс.

"Парень – мой полный тёзка", – с удивлением подумал Мануэль. Очень хотелось взглянуть и поговорить с моряком, лица которого он не разглядел, да и возраста его тоже не понял. Через несколько часов моряка приволокли и бросили, словно набитый ватой матрас, не разбирая направление его падения. Если бы не вовремя подставленные руки товарищей, удар о цементный пол был бы дополнительной травмой этому избитому и почти бездыханному телу.

Мануэль протиснулся поближе, прихватив влажные тряпочки и кружку с остатком воды. Увидев распластавшегося окровавленного молодого моряка, еле шевелящего губами, выдавливающими слово "пить", понял, что правильно сделал. Приложил кружку к разбухшим губам и влил несколько глотков, а потом, как это делал и Фермину, стал обтирать лицо влажной тряпкой. Попытался приподнять рубашку, через которую просачивалась кровь, оставляя тёмно-бурые следы. Ужаснулся. Невольно перенёс увиденное на своё близкое будущее. Содрогнулся. Мелькнула мысль: "Со мной они тоже не будут цементироваться". Наклонился ниже, увидев, что парень пытается что-то сказать. Из хриплых, булькающих звуков разобрал только: "Спасибо". В горле встал ком, мешающий говорить. Дотронувшись до плеча моряка, ответил хрипло, с большим трудом: "Держись, парень. Мы ещё поговорим". И снова пробрался в свой угол к Фермину.

Фермин лежал, скорчившись, и держался за правый бок. Мануэль помог мужчине лечь поудобней, подстелив под спину изодранную куртку, оставшуюся от шахтёра, уведённого перед рассветом. Уходящего навсегда. Перед глазами Мануэля встал его пошатывающийся силуэт с поднятым кулаком. Мужчина ничего не сказал им на прощанье. Молча скинул с плеч свою куртку. Он понимал, она ему больше не потребуется.

Через некоторое время Фермин заснул. Мануэль тоже прилёг рядом, нужно было хоть немного отдохнуть. Сон не шёл к нему. Мужчина понимал, что передышка ненадолго. Скоро и ему предстоит подставить свои бока тюремному сапогу. Возможно, прошло несколько часов. Мануэль не понимал времени. Пришло какое-то забытьё. Сон это был или нет? Сквозь обрывки неясных мыслей, воспоминаний, видений в этот душный реальный мир его вывел стон Фермина.

– Ужасно больно. Наверное, всю печёнку отбили, сволочи, – прошептал мужчина Мануэлю.

– За что тебя так?

– Я рабочий. Рабочие да ещё шахтёры – это те, кого они ненавидят больше всего. Если бы не нуждались в их металле и угле, они закрыли бы все шахты и заводы, выбросив людей умирать на улицы. Ну а меня, наверное, скоро забьют насмерть.

– Ты машинист. Кто же будет возить их грузы и их жирные задницы, – попробовал пошутить Мануэль.

– А, Мануэль. Им хватит личных авто и самолётов. А вот тебя пощадят, ты ведь обувщик, будешь делать им модные ботинки. Когда-нибудь они снимут свои тяжёлые сапоги, которыми бьют нам по рёбрам.

– Раз так заговорил, значит, ты, Фермин, немного оклемался. Пойду туда к моему тёзке-моряку. Хочу поговорить с ним.

– Иди, Мануэль. Я слышал, морякам тоже досталось. Много их повесили на реях да расстреляли.

– Это так, на одном крейсере "Адмирал Сервера" двадцати пяти морякам подарили на прощанье верёвки, а остальным – пули.

– А за что, Мануэль? За то, что не предатели? За то, что остались верны законному правительству? Мир сошёл с ума!

– Да, Фермин, ты прав. Тебе ничего не нужно?

– Ничего. Иди.

Мануэль снова стал пробираться в противоположный угол к моряку. Теперь в тусклом свете решетчатого верхнего окна можно было разглядеть моряка получше. Синие и жёлтые пятна – следы свежих и старых ударов и припухлость лица от воспаления не могли до конца скрыть молодость. Взгляд был уже совсем осознанный.

– Привет, парень. Как ни странно, но и здесь приятно встретить своего полного тёзку, хоть обстоятельства, сам понимаешь...

– Ты тоже Мануэль Менендес?

– Да. Мануэль Менендес Менендес, как и ты. Только ты моряк, а я обувщик. Ты молодой, а я нет.

– Даты рождения у нас разные, а вот даты смерти, думаю, будут почти одинаковы.

– Считаешь, что всех поставят к стенке?

– Нас слишком много. Зачем им кормить такую прорву.

– Но кого-то и оставят?

– Наверное, более покладистых. А впрочем, трудно понять. Кого-то откупают родные. Но некоторые не рискуют высвечивать своих родных.

– А ты откуда, парень?

– Родился в Газон-Луанко (Gazon-Luanco).

– Ты женат? Дети есть?

– Нет, не успел. Считал, что рано, а теперь оказалось – поздно. Можно только пожалеть.

– Это не факт. Может, наоборот, можно порадоваться, что ты не женат. Тебе спокойней. А у нас сердце разрывается, когда думаем о своих жёнах и детях, которых не успели укрыть. Эти звери настоящие фашисты, никого не жалеют.

– Наверное, ты прав, Мануэль.

– С какого времени ты здесь? Давно?

– Мне кажется, целую вечность, а на деле четыре месяца. Я хорошо помню тот день 17 марта, когда моё море не защитило этих несчастных, хотевших уйти во Францию. А когда взяли тебя?

– Двадцать второго июля. Республика ещё сопротивляется, парень. Мадрид не взят. Но сил у нас всё меньше. И проклятые предатели! Мы верили тем, кому верить нельзя. Старый мавр никогда не будет хорошим христианином. Думаю, что главная наша беда в этом.

– Согласен, Мануэль. Сорняк никогда не умирает.

– Да, Мануэль. Беда лишь в том, что у нас и у них разные понятия о сорняках. Для нас бесполезные сорняки – это те, кто не даёт полезных плодов, а для них – мы. Хоть без нас они просто ничто. Они и сами понимают, что без тех, кто работает на них, не проживут и дня. За это ещё больше нас ненавидят. Они видят нас только бессловесными рабами, прислуживающими им.

– Видимо, это наша участь. Попытка стать свободными не удалась. А я мечтал стать капитаном. А ты, Мануэль, веришь, что всё ещё может получиться? Ведь есть в мире страна Советов!

– Есть. С русскими парнями из интербригад мне доводилось встречаться. А как думаешь, у них там, в России, нет "пятой колонны", которая засела у нас в Мадриде?

– А кто это, Мануэль? Ты видимо, что-то знаешь.

– Знаю парень, я всё-таки поближе к нашему руководству был. Пятой колонной франкисты называют своих, которые среди нас. Они этого не скрывали. Громко говорили. Заставляли жить с оглядкой, не доверять друг другу. Может, совсем хотели нас сломать духом.

– Я здесь давно Мануэль. Но даже в тюрьме перед смертью тех, кто раскис и сломался, очень мало. Ты уже видел, как товарищи уходят на рассвете? Они почти всегда уходят спокойно. Наша правда всё равно больше, чем у этих сволочей.

– Так и у них есть какая-то своя?

– Наверное. А иначе откуда у них столько ненависти?

– Это действительно так. Ненависти много. Больше, чем у нас.

Сколько долгих месяцев им предстояло и говорить с друг другом, и просто сидеть рядом молча. Мануэля тянуло к этому парню, хоть между ними была разница в тридцать лет. Таким, как он, хотелось бы в будущем видеть своего сына, которого Тринидад в честь мужа назвала тоже Мануэлем. Он понимал, что никогда не увидит сына взрослым, и то, что он хотел бы сказать ему, сейчас говорил Мануэлю – моряку.

Прошло восемь с половиной месяцев. За это время и Мануэля много раз приволакивали с допроса бездыханным. Раскалёнными потрескавшимися губами теперь уже он выдавливал из себя: "Пить". И, приподняв голову, молодой друг вливал ему живительные капли.

В их камеру всё меньше прибывали новые товарищи. Чаше на рассвете они уходили навсегда.

Мануэль вздрогнул, когда в этот страшный час седьмого мая тридцать девятого года он услышал: "МенендесМенендесМануэль". Ему не стало легче от добавленного: "Моряк". Тот, кого он считал своим сыном, был спокоен и молчалив. Он пожал ему руку. А потом вскинул свой кулак вверх и молча шагнул через порог.

Впереди, до девятнадцатого августа, когда и Мануэль последний раз шагнёт за порог своей камеры, оставалось три месяца и двенадцать дней. За неделю до этого последний раз он пожмёт руку Фермину. И настали пять безысходных, мрачных дней, скатавшихся в один горький ком, словно обмазанный чёрной и липкой смолой.

Господи! Сколько страданий ты посылаешь нам! Почему! Что твои недостойные дети делают не так? Им так больно и горько прощаться со своими близкими и друзьями. А страшней всего, когда родители провожают в последний путь своих детей!

* * *

Рука к руке, живое к живому. Пока живое. Пока. До той самой минуты, когда в последний раз их встряхнуло на повороте, и машина остановилась.

– Выходите.

Скрипнула задвижка, в просвете показался кусок светлеющего неба.

Их несколько человек. Они стоят у серой стены. Художница Смерть небрежно раскрасила её бурыми пятнами и подтёками. Сколько жизней оставили здесь свои следы? Ещё несколько мгновений, и в эту картину прибавятся свежие краски.

– Мануэль, это всё? Всё кончено?

– Звёзды на рассвете исчезают, Педро, но мы знаем, что они есть.

Они стоят напротив, вооружённые и безоружные, победители и побеждённые. Испанцы и испанцы. А разве могут быть победители в такой войне?

Рассвет уже наступил. Над дальней сьеррой не видно ни одной звезды.

* МануэльМенендесМенендес – двойная фамилия по испанской традиции (первая отца, вторая матери), в данном случае означает, что родители были однофамильцы.

** Сьерра – горная гряда (исп.).

АЛЁНА ГАЛУЗА

Приморско-Ахтарск

Алёна Галуза родилась 20 августа 1983 г. в Приморско-Ахтарске Краснодарского края. Детство прошло в Казахстане, в городе Актау Мангистауской области. В 2000 году окончила школу, в 2011 году – Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Г.И. Седых).

Публиковалась в местных и региональных изданиях, в том числе в газете "Кубанский писатель" и в альманахе "День поэзии. XXI век".

Участник семинара "Молодые писатели Кубани" (2009). Два года руководила литературным объединением "Азовские зори".

Живёт и работает в Приморско-Ахтарске.

ДРОЖАЩИЙ СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Они

Сколько их, разных – и дерзких, и сдержанных,
Не удостоенных отклика, отзвука.
Словно кессонной болезнью, поверженных
Острым желанием: воздуха, воздуха!

Сколько... народом своим не услышанных,
Тихо угасших без грома и молнии.
Если нам выпало в чём-то быть выше их –
Нас приподняли забытые холмики,

Те, что привычно зовутся пристанищем
Тела земного, не знавшего отдыха.
Пламя не высветит знания тайные,
Им не хватило не искры, а воздуха.

* * *

Двери скрипнули, время вышло.
Но шаги его не слышны.
И присел, как усталый нищий,
Дом, не выдержав тишины.

В землю смотрят глазницы-окна.
Год ли, десять? Потерян счёт.
И не вытерты слёзы-стёкла
С потемневших кирпичных щёк.

Сквозь гниющие доски пола
Прорастает зелёный дым.
Мир заполнят былинки полые.
Время вышло, дом стал другим.

.....
Дом ждёт хозяина, как пёс, –
Предать не может.

Он помнит звуки: шум колёс,
Родной до дрожи,
И голос твой, и как скрипят
В нём половицы,
Когда идёшь ты... Вот опять

Ему не спится.
Дом ждёт щелчка ключа в замке,
Слегка хмелея.

Хозяин, ключ в твоей руке.

Входи смелее!

"Не надо помнить горечь дня,

Когда уехал.

Наполни звуками меня

И детским смехом.

Вдали ты тоже боль постиг,
 Что мне знакома...", –
 Дом говорил. И вдруг затих:
 Хозяин дома.

* * *

Счастье пахнет тобой. Полотенце,
 чуть влажное, цепко
 Между тонких ворсинок
 твой запах удержит, а я
 Отпускаю. Свобода берёзовых щепок,
 Что плывут по течению, –
 горькая доля твоя.

Солнце утром субботним
 нам долгие дни предвещало –
 Золотые полосы на белом
 прохладном полу.
 Счастье пахло тобою.
 Сошлись и концы, и начала.
 Время сжалось до точки.
 И вдруг превратилось в иглу.

Словно бабочку,
 сердце иглою пронзило.
 Не смотри мне в глаза –
 в них огонь голубой.
 Я у неба ещё двое суток просила...
 Оказалось, разлука тоже пахнет тобой.

.....

Золотая нежность
 Вместо нежности вёсен
 Нам волшебница-осень
 Подарила сегодня золотистый рассвет.

Юной осенью кротко
 Он из золота соткан
 И, как солнцем весенним, он любовью согрет.

Не грусти, что капли
 Той весной отзвенели
 И что осенью птицы о любви не поют.
 Соловьи замолчали,
 Но в душе нет печали –
 Нам всех песен дороже пять осенних минут.

Всё начнётся сначала.
 Осень нас обвенчала,
 Счастье, как листья клена – тёмно-красная
 медь.

Нет, не нужно нам песен,
 И без них мир чудесен,
 Когда сердце готово о любви тебе петь.

* * *

Дрожащий свет звезды вечерней
 Угас, и тень на мир легла.
 "Мосты разводят во вселенной", –
 Шепнули тихо зеркала.

Земля качнулась. И упала
 Звезда на снег, что за окном.
 Блеск благородного опала
 Сжигает снега полотно.

Отступит тень. В туманной сини
 Я вдруг пойму, что жизнь проста:
 То не звезда, то уронили
 Осколок хрупкого моста.

НАТАЛЬЯ МИШИНА

Брянск

Наталья Викторовна Мишина родилась 3 августа 1980 года в городе Брянске. Окончила Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского и Московский педагогический государственный университет, оба – с отличием. Член Союза писателей России. Член Союза писателей Союзного государства. Член Правления Брянской областной общественной писательской организации. Учитель-логопед высшей категории. Победитель и призёр региональных и международных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений "Поиски героя" и логопедической методички для занятий с детьми "Давай раскроем радугу!".

Стихи Натальи Мишиной публиковались во многих периодических изданиях. В 2018 году награждена премией имени В.И. Нарбута "Пять хлебов" (Украина) и Почётной грамотой Союза писателей России.

ИГОЛКА ПАМЯТИ*Крымский серпантин*

Здесь нет светофоров, охраны и штрафов.
Пылится дождями не тронутый зной.
Отвесные скалы, как морды жирафов,
Торчат за прогретую солнцем горой.

Манящее море то слева, то справа,
Мурашки по коже от встречных машин...
И кажется, видишь следы Минотавра,
Ведущие к тайнам туманных вершин.

То слева, то справа обрывы и скалы,
И веет в окно можжевелевый дух,
А мы приключений таких не искали –
И чувства тайком прорываются вдруг!

И вновь повороты, подъёмы и спуски,
Густой изумруд виноградных долин...
Мы едем с детьми не спеша и по-русски,
Любуясь величием южных картин.

Взбираются сумерки в горы отважно.
Меня не пугает уже высота...
Ты спросишь: "Не страшно?".
Подумаю: "Страшно!", –
А вслух не признаюсь, скажу: "Красота!".

Я хотела тебе позвонить...

Памяти В.Е. Сорочкина

Я держу телефон... Я хотела тебе позвонить,
Но минута молчанья опять накатила слезами...
Не проведена к Богу пока интернетная нить...
Ты так быстро ушёл,
не простившись со мной и друзьями.

Ты являешься мне и
родным лишь в предутренних снах
И советы даёшь, беспокоясь за общее дело.
Белым ангелом кружишь,
торопишь собрать альманах.
Ты прости, если чем-то тебя я обидеть сумела.

В этих сдержанных строчках –
лишь капля великой тоски...
Поминальной кафизмой
звучит мой надломленный голос.
Вечной памятью станут
всех книжек твоих лепестки.
Потаённое небо пройдя, ты освоишь и космос.

За буйки!

Вода за буйками теплее и чище,
И солнце красивей блестит над волной.
Вот так же и в жизни чего-то мы ищем,
А надо б – за грань да с открытой спиной:

Не знать от судьбы ни ударов, ни шторма,
Не прятаться в тень, уходя от врага,
Хоть раз ощутить, что "не так" – это норма
И знать, что вернёшься к родным берегам!

Дышать бы свободней! Смеяться бы громче!
И в мире земном не казаться чужой!
Как хочется выбрать пути покороче,
А надо б – за грань да с открытой душой!

Девятый вал

На море штиль. Блестит вода
То днём, то по ночам.
Нам также сердце б иногда
Не рвать по мелочам.

На море шторм. Встаёт волна...
Одна и две, и пять,
Вчерашний будто день со дна
Пытаются поднять...

Вновь накатил девятый вал
Стихиями морей...
Сквозь бури ты меня позвал –
Тону в любви твоей!

И снова штиль, и снова день.
Но тиной на песке
Лежит бессонной ночи тень,
Прижав ладонь к щеке.

Лыжня

Как жизни путь, лыжня петляет:
Твои шаги – твоя судьба.
Что впереди – никто не знает,
Но увлекает нас ходьба!

Не обещая высших званий,
Судьба ведёт, петляя след,
То в тёмный лес твоих желаний,
То в яркий блеск твоих побед.

А впереди – подъёмы, спуски,
И волком кажется пенёк.
В режиме вечной перегрузки
Проходит каждый наш денёк.

Снег всё идёт и нервы лечит
Величьем дикой красоты.
А фотовзгляд увековечит
Посеребрённые кусты,

И ёлки в зимнем камуфляже,
И сон янтарный на сосне,
И леса брянского пейзажи,
И повороты на лыжне.

И наше жаркое дыханье,
Касаясь зимней тишины,
Согреет путь, где испытанья
Снегами лет занесены.

Хацунь и Хатынь

Хацунь и Хатынь! Два созвучных названья,
Как память о зле от фашистских зверей.
На плитах могильных застыли рыданья
Невинных детей, стариков, матерей.

Фашистская нечисть деревни сжигала,
Стараясь побольше народа убить,
Колола штыками и зверски стреляла
В людей!.. Разве можно такое забыть?!

А сколько исчезло бесследно селений,
А сколько детей не родились тогда?!
И те миллионы в Парад Поколений
Не встанут уже никогда-никогда.

Хатынь и Хацунь – это памятник скорби.
В лампадах горит неуёмная боль.
Нам колокол чёрный напомнил о горе.
Здесь память на ранах душевных как соль.

Шокирует надпись, шокируют цифры
На мраморных стелах... По коже мороз...
Какие же нелюди эти фашисты!
Представить войну невозможно без слёз.

Чюпка памяти

Бывало, вместе с бабушкой мешки
Готовили мы летом для картошки.
Мои, не слишком ровные, стежки
Прокладывали хлопковые стёжки.

Мы на крыльце садились, как в раю,
Довольный кот мурлыкал по соседству...
Вплетала я тогда в судьбу свою
Спокойное, улыбчивое детство.

Прошли года... И я смотрю в окно:
В минувшее нигде не скрипнет дверца.
Нет бабушек и дедушек давно,
Иголкой память больно колет в сердце.

Чуть больше яблока

А что там, Господи, за всеми звёздами?
А что там, Господи, за всей Вселенною?
И по каким канонам судьбы созданы?
Как соотносимся с душой нетленною?

Какие движутся в душе той атомы?
И как устроена она, незримая?
Что в ней ломается, когда не рады мы? –
Она ж приборами не уловимая.

Живём, что катимся мы в южном поезде,
На сквозняках чужих да над обрывами.
Не в каждом, видимо, хватает совести,
Но для тебя мы все вовек любимые.

Живёшь ты где-то там, за бесконечностью
И справедливый суд вершишь тайком пока.
Ты управляешь временем и вечностью,
В твоих ладонях мир – чуть больше яблока.

ГАЛИНА ТАРАСЕНКО

Тихорецкий район

Тарасенко Галина Ивановна родилась 2 ноября 1967 года в селе Белая Глина Белоглинского района Краснодарского края.

С 1986 года начала свою трудовую деятельность по специальности бухгалтера. В этом же году вышла замуж и переехала в станицу Новорождественскую Тихорецкого района, где живёт и работает в настоящее время. Имеет троих сыновей.

Писать стихи начала в школьные годы.

С осени 2003 года член тихорецкого ЛиТО "Родник".

Её стихи печатались в газете "Тихорецкие вести", в альманахах "Тихорецкие зори" и "Мозаика Юга", в коллективных сборниках стихотворений тихорецких поэтов "Родники Челбаса", "Души моей истоки", "Войны не заживающие раны", "Удивительное путешествие в страну стихов и сказок".

В 2016 году вступила в Международный Союз писателей и мастеров искусств (МСПМ).

В 2021 году вышел в свет первый её сборник стихов "Согреть душою слово".

СПАСИБО, ЖИЗНЬ*Из осени родом*

Люблю предзимья тишину,
шафранно-броские наряды,
что на деревьях полыхнув,
к земле струятся листопадом.

Люблю слезинки ноября
и старый клён рыжебородый,
который шепчет, что и я
из этой чудной сказки родом.

Спасибо, жизнь

Спасибо за науку, за уроки,
предательства немислимую боль,
что дни бежали, точно в книге строки,
и беды уносили за собой.

Что вешнею водой плескалась нежность,
и крылья рвались в трепетный полёт,
что счастье я носила, как одежду,
и душу обошёл сухой расчёт.

Что рядом находился верный локоть,
когда неслась ты, сбросив удила,
ручьём была и речкою широкой...
Спасибо, жизнь, что просто ты была!

Утро

Стекает ночь черничным соком,
пурпуром брызгает рассвет.
Рисует он на стёклах окон
чужой размытый силуэт.

Как будто утро мне пророчит
судьбы затейливый виток,
смахнув крылом остаток ночи,
как чёрный траурный платок.

Глоток надежды послан свыше,
витают мысли в облаках,
и соком переспевших вишен
румянец рдеет на щеках.

Хочется поверить

Пахнет дымом, прелюю листвою –
осень тихо начинает ворожить.
Над берёзкой свечкой золотою
птичьих клиньев острые ножи.

Солнце, словно шар в руках колдуньи,
листья, будто россыпь старых карт,
мне сулят, по мненью хитрой лгуньи,
что случится скоро в жизни фарт...

Хочется мне осени поверить,
что, хлебнув зари не испитой,
я войду однажды в старый скверик,
как в ковчег, что сделал мудрый Ной.

И было не страшно

Шагнула я в пропасть –
свист ветра в ушах...
И купол, и стропы
отвергла душа.

Упругая сила
сдавила мне грудь,
как будто просила
её распахнуть.

Открыть душу небу
и радость принять,
смирненно свой жребий
нести, словно кладь.

И было не страшно –
навстречу, любя,
вся в белых ромашках
стремилась земля...

Вдруг сна позолоту
смыл света поток,
но был миг полёта –
свободы глоток.

Прощай

В моей судьбе ты только гость –
не обижайся.
В душе сомненье улеглось,
теперь мужайся.

Ты для потехи мной играл –
легко и вольно.

Была закрыта я мирам –
и было больно.

Теперь – на выход и прощай.
но не "до встречи"...
А я допью, как сладкий чай,
свой тихий вечер.

* * *

Брось камень в меня, ты,
кристально-безгрешный,
скажи, что ты праведно жил.
И, может быть, этим немного утетишь,
остудишь горячий свой пыл.

Не жди и не радуйся – я не заплачу,
бульжник не брошу в ответ,
а душу заштопаю рифмой-заплатой,
как может заштопать поэт.

И буду смотреть долго-долго на звёзды,
на светлый ночной звездопад,
и верить: то небо льёт яркие слёзы
о душах, что адски болят.

Сыну

Объявлена тревога. Ты в горах,
и рядом верный друг четвероногий.
Петляет каменистая дорога,
привычный привкус соли на губах.

Не знаешь ты, что будет впереди,
какую тот валун назначит плату.
Прижав сильнее железо автомата,
ты сам себе командуешь: "Дойди!"

А небо чертят крыльями стрижи,
и камни в ручейке кудрявят воду...
Тишь... Будто ничего не происходит,
а для тебя всё это просто жизнь.

Летний рассвет

Люблю дыханье летнего рассвета,
закутанного в розовый туман –
прохладой чуть коснётся сонных веток
и канет в луг, что от цветов духмян.

Смахнёт с травы алмазных капель россыпь,
и с каждым вздохом трепетней, сильнее
мне веру в завтра светлую приносит
под звонкий благовест святых церквей.

Ловлю рассвета робкое дыханье,
любуюсь алой пудрой облаков,
и кажется, нет бед, войны, страдания,
а с неба льётся высшая Любовь.

И смотрят фонари

В плену и сад, и сквер у серой мари,
край утренней зари насквозь промок.
Осины лист лежит на тротуаре –
бездомный, заблудившийся щенок

И зябко там ему, и одиноко,
а ветер, точно дворник, гонит прочь.
И смотрят фонари сквозь пыльность стёкол
бесцельно-равнодушно день и ночь.

И я сейчас сродни листку осины,
в душе тоска становится острее.
В глазах моих без видимой причины
блуждает свет от мутных фонарей.

* * *

Исчезают малые деревни,
с ними – мудрость матушки Руси
и запас великих знаний древних,
что теперь вовек не воскресить.

Где когда-то бегали детишки,
прорастает, как болезнь, бурьян.
Ходит по дворам бродяга нищий –
злой, холодный ветер-грубиян.

Он стучит клюкой по ветхим крышам,
ставни рвёт, пытаясь влезть в окно.
Только вот его никто не слышит –
в избах нет людей уже давно.

Пыль. Углы в тяжёлых паутинах,
старых фотографий взгляд немой
да на стенах трещины-морщины
сердце дома ранят глубиной...

Исчезают малые деревни,
словно плодородный слой с полей,
унося с собою задушевность,
самобытность родины моей.

Белый вечер

Снег скрипел в февральский вечер
под ногами как крахмал,
и снежинок рой беспечный
нежно щёки целовал.

Может, радовался встрече,
может, дал последний бал –
он поглаживал мне плечи
и до дома провожал.

На душе покой и нега.
В белый вечер пуховой
тонко пахло талым снегом –
пахло скорою весной.

Цветы весны

Задарила цветами весна:
незабудки, фиалки, сирени,
что всю зиму дремали смиренно,
расцвели, сбросив таинство сна.

Нарядила деревья в шифон
белоснежных и розовых платьев
и ромашки метнула в объятья –
в луговой изумрудный затон.

Развела у тропинок огонь
из рубином пылающих маков,
и, как будто под действием мага,
их погладить стремится ладонь.

Кружевная цветочная вязь,
словно детства далёкого тени,
отзывается чувством бесценным
только в сердце, а не на показ.

Августовская ночь

Ночь играла дивную рапсодию
на небесной арфе для меня,
разливалась нежная мелодия
в тусклом свете лунного огня.

Собирала звёзды ночь ладошками,
Рассыпая, точно дождь, с небес,
и, замороженный ярким крошевом,
дух мой отогрелся и воскрес.

Слышался мне храп коней стреноженных,
шёпот ветра в травах колдовских,
плеск воды, дыханье осторожное
мокрых листьев ивы у реки.

В криках птиц вдали звучало стонами
имя, дорогое для меня.
Ночь, ты сил дала душе надломленной,
спрятав от терзаний, как броня.

Совсем некстати

В каждой шутке есть доля шутки...
Зигмунд Фрейд

Взяла метлу в надежде улететь,
представила, как я взлетаю лихо,
оставив позади неразбериху
И быта, надоевшего мне, клять.

Как, смело окунувшись в облака,
почувствую себя душой свободной,
не сильной, не уверенной, не модной,
но сжавшейся для нового броска.

Во двор упал совсем некстати взгляд,
и мне понятно, что лететь не надо.
Как шляпки от гвоздей, медь листопада,
которой двор безжалостно распят.

Снуёт метла, как длинношей гусь,
гонимая вперёд рукой моею,
а я решила, что умру скорее,
чем вновь перед полётом оглянусь.

Медсестричкам

Военным медсётрам посвящается

Казалось, мирно здесь века
шумит берёзовая роща,
заря румяные бока
в реке спокойствия полощет...

Но много лет тому назад
тут пули ливнями хлестали,
"сестрички" раненных солдат
несли, хранимые "крестами".

А смерти было всё равно,
кому вгрызаться жадно в сердце:
как метка – алое пятно,
и от неё не отвертеться.

Давно военный грохот смолк,
и в честь девчат, что здесь уснули,
кудрявый белоствольный полк
застыл в почётном карауле.

А ветер путает листву
в живых берёзовых косичках...
Я слышу в шелесте молву
о вечно юных медсестричках.

* * *

А давай посидим у камина
и вина, чтоб согреться, нальём.
Вмиг представим: костёр и долина,
в мире трав и цветов – мы вдвоём.

Мы не выпустим памяти джина,
многоцветьем мечты не блеснём,
а от пламени цвета рубина
наши души наполним теплом.

Разольётся покой речкой вешней,
словно в мире далёком, нездешнем,
и дрова станут громко трещать.

Как чудесно, как сказочно, славно,
что мы можем с тобою о главном
целый вечер вот так... помолчать.

* * *

Ты пришёл красно-рыжею осенью,
а в глазах – зимней стужи усталость.
Серебристою лёгкою проседью

жизнь в твоих волосах расписалась.

И щетина слегка запорошена –
неизбежности зимней посулы.
Укатилась обида горошиной,
в сердце прежняя нежность проснулась.

Встрепенулось оно вешней птичкою
и забилося настойчиво-смело,
ощутив тесноту непривычную,
а смогло б – из груди улетело...

Он не предаст

*Генерал-майору Шапошникову М.К.
посвящается (Новочеркасск, 1962 г.)*

Он первый раз не выполнил приказ:
вот на войне – там враг, там всё понятно.
Он генерал. Силён и коренаст.
Он твёрд, и в трубку отвечает внятно,
что перед ним стоит рабочий люд,
сплочённый общей болью и печалью,
желающий за свой нелёгкий труд
совсем немного – просто жить нормально.

Смерть на войне ползла за ним не раз,
и страх сейчас объял его едва ли.
Беды людской взорвался мощный пласт –
рыдали ангелы, а бесы ликовали.

Он первый раз не выполнил приказ,
ведь сотни глаз сверлили болью душу.
Он твёрдо знал: народ свой не предаст.
В груди набат. Его приказ он слушал.

Здесь нет врага и не в кого стрелять –
немыми в поединке будут танки.
Он знал: на нём затянется петля,
И будут гнать, как гончие подранка...

Но кодекс чести, что в его крови
и лишь немногим людям послан свыше,
напоминал, что жизнь не черновик
и без помарок вновь не перепишешь...

ВАЛЕРИЯ САЛТАНОВА

Ростов-на-Дону

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

(о книге Лидии Вдовченко "У провинции за пазухой")

Лидия Вдовченко – имя на поэтической карте России ещё не очень громкое, однако в кругу ценителей литературы её стихи замечены и отмечены и любителями поэзии, и мастерами слова. Сама Лидия занимает активную жизненную позицию: много лет является членом Народной самодеятельной общественной организации поэтов и композиторов города Ейска "Парус", Международной общественной организации Союза писателей и мастеров искусств. А в 2018 году она была принята в Союз писателей России. Есть у неё и публикации в коллективных сборниках, и три самостоятельных книги стихотворений. Сложные страницы личной биографии отражены и в стихах поэтессы, виртуозно вплелись в их канву: родившаяся в конце пятидесятых годов на Кустанайщине в семье поволжских немцев, депортированных в Казахстан во время Великой Отечественной войны, Лидия Вдовченко в конце 90-х, в тяжёлые годы перестройки, переехала на Кубань, в Ейск, а часть её семьи подалась на историческую родину, в Германию. Конечно, мотивы внутренних конфликтов и непростых родственных связей не могли не отозваться и в стихах – особенно они прослеживаются в третьей и четвёртой главах книги, в которых много исповедальных и сокровенных интонаций и ноток.

Вообще, Лидия Вдовченко не боится быть искренней и говорить о том, что лежит на сердце, тревожит и гнетёт или, напротив, умиляет и восхищает. Её стихи – словно вовсе без эмоциональных запретов – уверенно и свободно ложатся на читательскую душу, становятся частью её пространства, вызывают ответный отклик и резонанс:

.....
 Я твой душеприказчик, твой должник,
 Ко мне – твой взгляд, исполненный обиды,
 И тайна, что в лице твоём сокрыта –
 Моих ночей не гаснущий ночник.
 (Стихотворение "Снимок")

Или – вот такая обнажённая просьба-признание из стихотворения "Ты меня позови", обращённого к матери:

Ты меня позови из тумана, из сумрака спальни,
 Где от стен неродных – ни покоя тебе, ни тепла.
 Я с любовью приду, без обиды – не дочерью опальной,
 А счастливой – такой, как я в детстве с тобою была.

Как поэта Лидию Вдовченко отличает особая острота образного мышления и поэтического зрения. В ней живёт истинный художник, который живописует словом – и в любом малейшем движении души, в любом мимолётном природном явлении видит повод для написания картины. Образы в этих стихах-картинах выстраиваются иногда вспышками, а иногда – многолестничными каскадами, но всегда это нечто удивительное и неожиданное, заставляющее читателя остановиться, вслушаться, вчитаться с тем, чтобы уже не забыть.

Вот как сама поэтесса говорит о своём творчестве: "В каждом стихотворении или песне, даже если они написаны по заказу моих друзей, есть моя правда, моё отношение к жизни и людям. Каждое стихотворение – это мои ожившие картинка!" И в самом деле, многие из её стихов – самые настоящие "ожившие картинка", и даже образный строй порой выдаёт в поэтессе внутреннего художника:

.....
 Не отличить слова правдивые от фейка.
 Не сговор ли провинций и столиц?
 Над Ейском
 облака тревожные в скуфейках,
 Как богомольцы, распластались ниц.
 Июнь.
 Восторг воды, перерождённый в морок.
 Не взять измором одержимость роз.
 Эмоции вразброс...
 Взлететь бы из-за шторок
 В пучину туч, как дерзкий альбатрос!

.....
 Моё нытьё совсем не значит,
 Что я по холодам собачьим
 Скорблю и по ночам не сплю.
 Пусть я люблю морозец лёгкий,
 Лыжни накатанные тропки –
 Но я и оттепель люблю.
 (Стихотворение
 "Живу по принципу: всё будет...")

Или:

Мы сильны театральной позой,
 Эксцентричностью нашей бравады:
 Фразы жёсткие, словно занозы –
 Даже правые, мы виноваты.
 (Стихотворение "Границы понимания")

Или – из стихотворения "Расстрига":

Жил в окружении невеж,
 Но над людьми не возвышался:
 В их душах утишал мятеж
 И сам молитвой утешался.

Трепетное отношение к слову, глубинное этимологическое чувство языка, умение слышать и создавать новые смыслы из привычных путём соединения порой несоединимого помогают автору достигать того эффекта синергии, который неизменно выдаёт большое поэтическое мастерство. И потому порой самые простые темы вдруг выстреливают, а незамысловатые авторские формулировки заставляют читателя посмотреть на мир под другим ракурсом.

Отдельная тема – гражданская лирика, стихи о России, об Одессе, о событиях на Украине 2014 года... Здесь голос поэтессы достигает самого своего высокого, самого трагического звучания:

.....
 Что ж ты, брат мой, убийство замыслил
 И явился с гражданской войною –
 Молоко материнское скисло,
 И вскормили детей беленою?
 Значит, в распрях пора разобраться,
 Примирить гордецов перед боем,
 Ведь понять – это лучше гораздо,
 Чем могилы готовить обоим.
 (Стихотворение "Паранойя")

Ни один настоящий стихотворец не может (да и не должен!) миновать мотивов, касающихся Отечества, и честь и хвала тем авторам, чьё сердце болит и бьётся с Родиной в унисон:

.....
 Я горечью дышу степей иных,
 Пью молоко провинции России...
 Мой горизонт до крыш твоих расширен –
 Таких родных.
 (Стихотворение "Казахстану")

Композиционно книга "У провинции за пазухой" выстроена по принципу внутреннего крещендо, благодаря чему внимание читателя держится и не ослабевает до самого конца. Пять разделов включают в себя стихи разных направлений и стилей, но яркие сюжетные ходы, насыщенная эмоциональность и точная, очень нестандартная и богатая образность характерны для всех произведений этого автора без исключения. Помимо этого книга составлена очень компактно: ничего лишнего, и в то же время нет ощущения скованности – напротив, полная внутренняя свобода в выборе тем и настроений, полная доверительность и непринуждённость поэтического диалога с читателем. А это именно диалог с читателем, потому что практически каждое стихотворение апеллирует к читательскому воображению и жизненному опыту, к его наблюдательности и чувству юмора, к его способности сопереживать и ставить себя на место других. При таком подходе читатель будет неизбежно вовлечён в захватывающий и вдохновенный процесс постижения новых символов и смыслов, а также радостных открытий и узнаваний.

И пусть этот диалог длится и длится сквозь времена...

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Краснодар

ВАЛЕРИЙ ГОРСКИЙ – "ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ"

(журнальный вариант книги)

Вместо предисловия

Так уж получилось, что года четыре назад обратилась ко мне как бывшему тихоречанину наша поэтесса Нелли Тимофеевна Василюкина с просьбой передать в музей города Тихорецка собранный ею архив материалов о Валерии Горском, что я и незамедлительно сделал. Папку с аккуратно собранными в определённом порядке документами и соответствующей описью передал директору музея, предварительно все их отсканировав (мало ли что).

И вот уже в июне этого года, когда решил заняться интернет-проектом под условным названием "Двадцать тихорецких литераторов", пришла пора обратиться к виртуальной папке, в которой были собраны те самые файлы со сканами. Правда, разобравшись с содержимым, а всего их набралось более сотни, решил поменять порядок расположения материалов – у Нелли Тимофеевны хронология была отнюдь не главным критерием.

Вот уж действительно, верно кто-то заметил: "О Валерии Горском написано до обидного мало", – к примеру, его биография, подготовленная для 3-го тома серии книг "Кубанская библиотека", куда вошли восемь стихотворений поэта, уместается всего на одной странице. Посудите сами:

"Родился 28 ноября 1941 года в Тихорецке Краснодарского края. После окончания [железнодорожной] школы [№ 34] поступил в Краснодарский педагогический институт на [историко]-филологический факультет. Завершив учёбу [в 1965 году], учительствовал в сельской глубинке Кубани [(учитель русского языка, литературы и истории)]. Вернувшись в Краснодар, работал литконсультантом в газете "Комсомолец Кубани", [на радио], культработником, литературным сотрудником бюро пропаганды художественной литературы Краснодарской краевой писательской организации. Заочно окончил Высшие литературные курсы при Московском Литинституте им. А.М. Горького. [В 1967 году стал победителем телевизионного конкурса молодых поэтов Кубани.] Его стихи публиковались в журналах "Смена", и "Наш современник", в коллективном сборнике "Мир молодой", в альманахе "Кубань". [Известен его перевод с калмыцкого языка поэмы Аксена Сусеева "Юрий Клыков".] В. Горский – автор трёх поэтических сборников. Два из них изданы в Краснодаре: "Бесконечность" (1967), "Под небом восхода" (1989) и один – "Синий колокольчик"(1977) – в Москве. [Сборник "Под небом восхода" был издан уже после смерти поэта.] Многие стихи, благодаря композитору из Геленджика Владимиру Шаблю, стали песнями, а краевое телевидение совместно с фирмой "Атлант" (Санкт-Петербург) создали видеоленту "Жил-был поэт" (режиссёр Лев Солнцев).

[Валерий Горский был членом Союза писателей РСФСР.]

Поэт ушёл из жизни 21 мая 1987 года...".

Примечание: информация в квадратных скобках взята из других источников, в частности, из книги Г. Леликова "Вокруг жизни Ивана Молодцова", Тихорецк, издатель В.В. Арнаутов – 2010 (В.Р.)

Несколько шире освещён творческий путь Горского в статье Натальи Ламосовой (Литературный музей Кубани), приуроченной к 80-летию со дня рождения поэта (см. "Краснодар литературный", № 4, 2021):

"...Валерий Горский родился и вырос в Тихорецке, где познакомился и подружился с Александром Федорченко и Юрием Кузнецовым. Окончил историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института, где сложился круг талантливых литераторов-единомышленников. Особенно близкими его друзьями стали Вадим Неподоба и Юрий Кузнецов, сохранившие память о нём до конца своих дней. После института Валерий Леонидович работал учителем в сельской школе, в газете "Комсомолец Кубани", в бюро пропаганды художественной литературы Краснодарской писательской организации. Заочно окончил Высшие литературные курсы при Московском литературном институте им. М. Горького. Его стихи публиковались в журналах "Смена", "Наш современник", альманахе "Кубань", коллективном сборнике "Мир молодой". При жизни самобытного поэта в свет вышли только две его книги: в 1967 году в Краснодаре – поэтический сборник "Бесконечность", через десять лет в московском издательстве "Молодая гвардия" – книга "Синий колокольчик". Мягкий, ранимый, застенчивый человек, неустроенный в бытовом плане, прошёл "по земле, как по весне", уйдя из жизни 21 мая 1987 года...".

Поскольку вышеприведённые фрагменты биографии поэта достаточно скудны, постараюсь расширить портрет Валерия Горского, исходя из имеющихся в моём распоряжении материалов. И начну, пожалуй, со слов о поэте, высказанных в октябре 2008 года классиком кубанской литературы Виктором Лихоносовым:

"Среди тьмы тьмушей поэтических сборников, валяющихся на прилавках и под прилавками книжных магазинов, киосчков в такой же тьме имён мало кому или вовсе никому неизвестных стихотворцев (порою стихоплётов), вобранных в драгоценную раму антологий или многотомной золотистой по образу "кубанской библиотеки", не отыщешь толковую благодарную подборку стихотворений Валерия Горского, умершего в Краснодаре двадцать лет назад. Таковы нравы ныне всевластной и неистребимой графомании и общественных советов, надзирающих за издательским пространством на Кубани. Авторитетные мастера и знатоки литературы, к каким, без сомнения, относится и знаменитый Юрий Кузнецов (автор предисловия к сборнику В. Горского 1987 года), бессильны доказать литературной толпе, что белое есть белое. **Нет поэтических книжек В. Горского в школьных библиотеках, дети не читают его нежные стихи на вечерах, и никому не жалко, что неразумное сообщество отбрасывает в тень яркие таланты и не ставит преграды макулатуре.** (выделено мной – В.Р.) А кроме всего, из истории кубанской литературной среды нелепо, а то и специально выбрасывается на свалку живое наследие".

Глава 1. Фрагменты биографии в воспоминаниях земляков

Из всего попавшего в мои руки архива попытаюсь выбрать фрагменты воспоминаний и составить из них, как из пазлов, портрет Валерия Горского без ссылки на первоисточники.

Начать, наверное, следует цитатой из статьи о творчестве Горского Владимира Жилина:

"...В страшном 1941 году то ли ангел уронил, пролетая, то ли некое действие космическое произошло над маленьким Тихорецком, – словом, упала на городок искра поэзии и тут же раздвоилась, и одна частица досталась новорожденному Юрию Кузнецову, а другая – младенцу Валерию Горскому. Эксперимента ради или просто как милость Божия?..

Родство их душ подтверждается не только многолетней трогательной дружбой, но и неутраченной стихотворной переключкой..."

А теперь, соблюдая, насколько это возможно, хоть какой-то хронологический порядок, обратимся к воспоминаниям однокашника Горского Александра Федорченко (заголовок его статьи "Дитя человеческое" взят автором в заглавие этой книги):

"Как написать о своём ровеснике, однокашнике, земляке? Передо мной посмертная книжка его стихов, да неотступно преследует есенинская строка: "Не буди только память во мне...". Как предупредить – обойти стороной наветы и предубеждения, что витали вокруг имени Валерия Горского ещё не так давно..."

...Он вырос в Тихорецке, в семье вполне благополучной – отец одно время занимал пост второго секретаря райкома, затем был заведующим районо. Во время учёбы в пединституте на историко-филологическом факультете не было, помнится, другого такого паиньки, каким был Горский Валерик – всегда целомудренно застенчив, а если улыбнётся вдруг, то вмиг обезоружит любое сердце. Весь его облик как бы подсказывал – такой не способен на дурное, глаза его светились чисто и лучезарно..."

...Мне кажется, бросающаяся в глаза инфантильность Валерия Горского была своеобразной защитной оболочкой от непростого времени, в котором он сформировался как творческая личность. Достаточно вспомнить, что вначале это – последние годы хрущёвского руководства, на которые пришлось его студенческие годы, когда у нас было немало споров друг с другом и с преподавателями, да и со временем тоже..."

...Наверно, оттого, что В. Горский смотрел на мир глазами ребёнка, не затронутого ещё ни "вопросами жизни", ни серьёзностью научных подходов к ней, в его стихах сохранились и искренность, и красота, не без некоторой наивности, правда. При несомненном даровании он бы взял, казалось, да и свернул на стезю воспевателя, скажем, трудовых будней, свершений, того же "неумолчного рокота тракторов". Но он был обречён жить в собственном, довольно иллюзорном мире. Тем удивительнее сегодня, читая его строки, ловить себя на мысли, что они так созвучны нынешнему времени, близки ощущениям современного человека..."

...Вряд ли кто сомневался с самого начала творческого пути В. Горского в его поэтическом даровании. Оно у него было. Но этого оказалось мало. То ли виной тому недостаток жизненных впечатлений, то ли недостаточная работа над собой, но факт – налицо: очень скоро он застыл в поре юношеской угловатой незрелости, да таковым, собственно, и остался его стих. Написано им до обидного мало. К тому же он так и не приблизился в своём творчестве к черте зрелости, когда поэта волнуют судьбы Родины, земли родной, судьбы народные. Это должно было отразиться и на самом материале, с которым приходится обращаться всякому пишущему, – слове. Да, он поэт камерного жанра, он лирик по преимуществу, но где же страсти, борение и кипение чувств, спросит иной читатель. И он будет прав. Валерий Горский не пришёл, к сожалению, ни к цельности, ни к какой-то сквозной своей теме.

Валерий Горский остался поэтом детских и юношеских впечатлений. Таким его и запомнили все, кому знакомо его творчество...

...Вот промелькнул миг, когда в знойный и влажный после недавнего ливня день мать моя хлопочет у печки и повторяет в который раз, ожидая: "Да когда же они приедут?". Ну вот, наконец и гости. Среди них и Валерий. Заливисто лаёт у калитки Казбек, обвислые кусты роняют, выпрямляясь, обильную влагу на шлаковые дорожки при первом прикосновении. Рассматриваем книги, говорим, говорим наперебой о поэтах. И через долгие годы, потом, при встрече, он вдруг радостно-удивлённо воскликнет: "А что, у тебя дома так и растут шампиньоны в саду, под кустами крыжовника?!"...

...Поезд мой простучит колёсами, и вот уже идёшь по центральной улице родного Тихорецка и знаешь – там, в том доме, окрашенном в светло-охристые тона, где когда-то был книжный магазин, прямо над ним, на втором этаже, прошла его юность. Там ожидали его приездов бабушка, отец с матерью и сестрёнка. И бабушка хлопотала, накрывая на стол, и было уютно от большого фикуса, от мережных белых салфеток на радиоле и скатерти. И Леонид Иванович, отец поэта, как будто недавно, интересуется, когда же наконец выйдет книжка, и, узнав, что с набором вышла какая-то задержка в Майкопе, сокрушается, обращаясь к жене: "Ты только послушай – они не могут сказать толком, насколько опаздывают с выпуском. Да знают ли они там, что это безобразие?! Подумать только – так обращаться со стихами!". И бабушка вся сияет, приговаривает: "Лерик приехал! Лерик приехал!". А мне, чтобы никто не слышал: "Вы там вместе учитеесь? Прошу вас, присматривайте за ним. Вы только посмотрите на него – он сам ничего не сможет... Помогайте ему..."

И ещё, из той же ранней поры. Зной, духота, мы с ним на крохотном тихорецком кладбище, что рядом с бойней. Мухи звенят, шмели копаются в цветках. Он ещё совсем юный со свежей кожей лица, но уже с характерным похохатываньем, так некстати переходящим вдруг в пугающий астматический приступ кашля. У него тёмные колечки будто завитых вокруг тонкой шеи волос и чуть выпуклые, как у оленёнка, беззащитные светящиеся и карие глаза. Он читает среди тихо стоящих зелёных и синих крестов из железных труб, а рядом простенькая могила дедушки. Он просит:

Синий колокольчик,
зазвени и разбуди деда...

...Таким в последние годы он мне и запомнился, где-нибудь на Красной, вблизи ворошиловского скверика, чуть запрокинув голову и всё ещё по-юношески застенчиво отводя расширенно-удивлённые глаза на застывшем лице, скажет: "Ну, как дела, старик? Что нового в Москве? Селезнёв наш как пошёл – читал его статью в "Литгазете"?". И примется сетовать на то, что никак не попадёт в Москву, так хочется пообщаться с пишущими людьми. Мне, говорит, не для связей нужна Москва, мне ВЛК как образование необходимы, ты же знаешь, что последние курсы я на заочном был, а какие там знания дают? И как бы между прочим заметит, что попал в аварию здесь, на Красной, недавно из больницы.

Несмотря на его кажущееся лёгким отношение к себе, судьбе и окружающим, он был в курсе всех литературных перипетий. Как-то вдруг спросил: "А ты знаешь Вадима Кожинова? Вот пишет мужик! Говорят, сам Евтушенко побаивается его статей...". Было это ещё в ту пору, когда поэт всю гремел, а известного ныне критика широкая публика почти не знала...

...С нежной и ранимой душой он прошёл по этой жизни, и никакие невзгоды не смогли заставить его отречься от своего пути, и потому с прежним упоением и торжеством будут звучать мне читанные им не раз гумилёвские строки: "Соловьи на кипарисах, и над озером луна...", как образец и пример служенья искусству, как вера в способность лирики, тонкой и хрупкой, постичь и образумить мир..."

Вот что вспоминает земляк поэта журналист И. Свистунов:

"...С Валерием я познакомился в одной из агитбригад, созданной по инициативе краевого агентства "Союзпечать", организации, где мне довелось длительное время работать пропагандистом перио-

дической печати. Это было в 1968 году, в дни месячника массовой подписки на газеты и журналы на Кубани.

В составе бригады, кроме меня и группы студентов Краснодарского педагогического института, входил и сотрудник краевой молодёжной газеты "Комсомолец Кубани" Валерий Горский.

Прежде чем выступить на сцене какого-то клуба или Дома культуры, мы развешивали на видных местах станиц или городов, куда приезжала агитбригада, плакаты и афиши, извещающие о предстоящем выступлении. И люди охотно откликались на эти приглашения.

Рассказав вкратце о содержании "Комсомольца Кубани", Валерий приступал к чтению своих лирических откровений. Чтение это иногда прерывалось оглушительным кашлем автора – хроническая астма, которой страдал поэт, давала о себе знать при сильном волнении. А стихи свои Валерий не мог читать равнодушно. И, тем не менее, стихи "живого", "взаправдашнего" поэта слушателями принимались тепло. В стихах поэта была романтика. Он избегал позы, нарочитой демонстрации своих гражданских чувств. Да, стихи его были без политической трескотни и холодной риторики.

После продолжительной жизни на Крайнем Севере, я поселился на Кубани. Довелось побывать и увидеть многие её прекрасные уголки. Впечатления от увиденного заносил в свой лирический дневник. Рождались и стихи. И вот решил однажды показать их Горскому.

Внимательно перечитав дневник, Валерий сухо заметил: "Стихи – это ведь не газетные заметки. В стихах предполагается присутствие поэтического образа, яркой мысли. А без этого стихи – не стихи...".

И чтобы претендент на поэтическое слово понял, о чём конкретно идёт речь, Горский на глазах изумлённого автора начал переделывать некоторые стихотворные записи "Дневника". Строчка "А когда мой отряд отдыхал среди гор, для усталых бойцов разводил я костёр" обрела следующую форму: "И когда мой отряд отдыхал среди гор, разжигал я весёлый, вихрастый костёр".

– Вот как раз в этом "весёлом, вихрастом" костре и заложена соль поэзии, – пояснил мне Валерий...".

А это уже из воспоминаний журналистки Людмилы Тихоновны Гринёвой (она и сама в меру своих способностей писала стихи):

"...С Валерием Горским я в жизни виделась только раз. В первой половине семидесятых (однажды весной) нас, любителей поэзии, собрали на поэтический вечер, подготовленный и проведённый ещё в старом Когизе – так называли магазин "Книжный мир". А был он в теперешнем здании агентства "Союзпечать".

Валерий тогда немного опоздал – он приехал за полчаса до начала поэтического вечера и, видимо, был дома, приходил в себя с дороги.

Вечер уже начался, но по какому-то неуловимому движению глаз многих я поняла, что Валерий, которого все ждали, вошёл. Я удивилась – он был бледным и печальным. Глаза казались по-детски пушистыми. А лицо – задумчивым и одухотворённым. Помню, это сразу принялось всеми – он был и внешне похож на поэта, а это нам, молодым, казалось важным. Мне он показался взрослым. А было-то ему чуть-чуть за 30.

Потом он читал стихи, чуть покачивая головой и слегка улыбаясь. Странное чувство возникло тогда – оно запомнилось, заворачивало. Он не смотрел нам в глаза. Он не смотрел в одну точку, он смотрел на свои стихи. Сейчас я убеждена – он просто физически их ощущал, они были живыми для него, имели свою форму, они были рядом. И он читал их, осматривая, поглаживая взглядом, одобряя и подбадривая эти стихи...".

И ещё раз обратимся к воспоминаниям И. Свистунова:

"...При встрече с сестрой поэта Натальей Бондаренко, проживающей ныне в Краснодаре, я с удивлением узнал, что многие стихи её брата теперь переложены кубанским композитором Владимиром Шаблием на музыку. С большим волнением слушал исповедальные романсы своего друга. А теперь в Тихорецке, его родном городе, мне довелось посмотреть и волнующие киноленты, посвящённые жизни и творчеству талантливого тихоречанина...".

А это уже из воспоминаний самого композитора:

"Работать с Валерием Горским было для меня огромным удовольствием.

Как-то получилось, что, начав работу над песней "Мы разошлись угрюмо, не прощаясь", все 16 песен я написал на одном дыхании...

...Когда я был в гостях у родителей Валерия Валентины Ивановны и Леонида Ивановича, – а принимают они меня всегда искренне тепло, как родного сына, – я обратил внимание на скульптуру Сергея Есенина. Значит, почитатели, подумалось мне...

В стихах Валерия удивительно точно передаётся особый внутренний мир людей, живущих на Кубани. Их чистота и благородство скрыты за хмурыми буднями нашей жизни...".

Чтобы соблюсти правду жизни, ещё раз обратимся к воспоминаниям Владимира Жилина:

"...У Валерия было множество поклонников. Эти люди, в большинстве своём пьющие, уловили веяние чуда, исходившее от поэта. Казалось бы, стихи его, особенно трогавшие сердца, написаны на грани банальности и даже "по технике" несовершенны. Но было в них некое "чуть-чуть", что и делало их неотразимыми.

Покровители не только поили его, но иногда устраивали на "халявные" работы (скажем, хлоратором плавательного бассейна). Но долго он нигде не удерживался. И что интересно, нередко сам покровительствовал своим меценатам – среди них были и пишущие – исправлял их графоманские вирши и пытался содействовать публикациям..."

А вот выдержки из эссе "Осталось между стихотворных строк..." краснодарской поэтессы Нелли Тимофеевны Василюхиной, уже упоминавшейся мной в качестве собирателя архива Горского (полностью эссе опубликовано в сборнике стихов и прозы "Писатели Кубани – XXI век. К 70-летию Краснодарской писательской организации", Каневская, Кубанское полиграфическое объединение – 2017):

"По времени я, пожалуй, меньше многих была знакома с Валерием Горским. Впервые увидела его в Доме учителя, в литобъединении "Кубанские зори", которое вёл Кронид Александрович Обойщиков, привлекая к этому и Валерия.

Горский был немногословен, говорил всегда только по существу. Голос его звучал негромко и ненавязчиво. Глаза трудно было разглядеть за дымчатыми стёклами очков.

Приближалась встреча нового 1982 года и Обойщиков в один из последних дней декабря собрал нас всех в зале на первом этаже, где стоял рояль и где по традиции устраивались праздничные застолья. Звучали тосты, чередуясь с песнями и стихами. Веселье затянулось надолго. И хотя мне было особенно радостно, так как я впервые увидела свои стихи опубликованными в газете "Комсомолец Кубани", которую заботливо принёс и торжественно вручил мне Кронид Александрович, но нужно было торопиться домой. Обойщиков почти приказал: "Не уходи. До дома я тебя провожу". Я осталась, но появилась какая-то певица, запела волшебным голосом песни на стихи Крониды Александровича, и он извиняющимся тоном прошептал мне, что ситуация изменилась и проводит меня Валера Горский...

...Да, эта астма многое предопределила в судьбе Валерия...

Моя школьная подруга Оля Попова, красавица и хохотушка, училась с ним на одном курсе в пединституте и как-то рассказала мне: "Были с ним в горпарке, он посадил меня на качели, хотел покатать, но чуть не задохнулся от кашля, тем и кончилось". Так же быстро закончилась и семейная жизнь Валерия, после того, как шумно и весело, по воспоминаниям Виталия Борисовича Бакалдина, сыграли комсомольскую свадьбу. Судя по фотографиям, невеста была очень красивая, да и жених хорош собою. Но его болезнь оказалась сильнее неокрепших семейных уз...

...Жизнь продолжалась: работа, командировки, семья, занятия в литобъединении. Но в душу закралась тревога за этого неустроенного, хрупкого здоровьем, по-детски трогательного, непохожего на других человека. К тому же, как и многие, заглянувшего в "пропасть стакана", по образному выражению поэта Николая Постарнака.

И однажды я предложила Валере: "Знаешь, у меня в краевой больнице появился блат (это были времена блата и дефицита) и есть возможность положить тебя хотя бы на обследование". Но он ответил: "Не надо. Приедет отец, привезёт импортное лекарство, и всё будет хорошо".

После этого прошло больше года, и вдруг мне на работу позвонил Валерий, чего раньше никогда не делал: "Ты когда-то говорила, что можно попасть в краевую, а то меня кладут в 1-ю горбольницу". Мне пришлось ему ответить, что возможность имелась, пока была нужна моя работа дизайнера, но работа закончилась и возможность вместе с ней. И добавила: "Ложись в городскую, там консультирует профессор Милешин, мамин знакомый, я его попрошу отнестись к тебе с вниманием".

Стала навещать Валерия в больнице. Сначала он попал в палату, где был какой-то больной, который ни днём, ни ночью никому не давал покоя. Рассказала об этом Бакалдину – он интересовался здоровьем Валерия и на другой же день нанёс визит главному врачу, договорился, чтобы Горского перевели в палату получше. На новом месте его кровать стояла у окна, на подоконнике сразу выросла стопка книжек из больничной библиотеки. Кроме них, лежала и рукопись новой книги "Под небом восхода", над которой Валерий продолжал работать и расстался с ней дня на два, дав мне, чтобы я "со своей колокольни" взглянула и высказала своё мнение.

Содержание книги несколько отличается от рукописи. Вадим Неподоба, будучи редактором, уже без автора по-дружески и профессионально подошёл к её составлению. Тем более, что было из чего выбирать, – Валерий передавал стихи Вадиму со словами: "Здесь хватит на две книжки". Жалею, что я так и не спросила у Вадима, как он поступил с остальными стихами...

...Вскоре врачи объявили Валерию о выписке. Его сестра сообщила мне, что приехали их родители, что её муж Виктор на машине заберёт Валеру из больницы. И я немного успокоилась, занялась

домашними делами, которые поднакопились за последнее время, и думала, что денька через два-три зайду проведать его дома, адрес он мне назвал. Заодно и познакомлюсь с его родителями.

Помню, это была пятница – день занятий в литературной студии Бакалдина. Я старалась их не пропускать. И уже в конце нашего заседания кто-то объявил: "Кубанская литература понесла большую утрату – сегодня похоронили Валерия Горского"...

...Был уже вечер. Я подумала, если поминки у него дома, то, может быть, хоть что-то ещё успею. Кинулась за цветами, прибежала по адресу. Закрыто, в окнах темно. В ручку двери просунула букет и, дав волю слезам, пошла домой. Едва успела дойти, как началась гроза. Другой такой грозы я не припомню. Молнии как будто очерчивали контур высокого здания напротив моих окон, сломалось большое дерево, ливень не переставал. Не переставали литься и слёзы, они душили меня, и облегчение наступало лишь в те мгновения, когда находились слова, обозначающие то, что мучило душу...

...На другой день я снова пошла к дому, где жил Валера, чтобы выразить свои соболезнования его родителям. Познакомившись с ними, первое, что я услышала от отца, Леонида Ивановича: "Он так тебя ждал...". Эти слова ещё больнее ранили меня, усиливая и без того острое чувство невольной вины. Родители девять дней находились в Краснодаре, и каждый день я навещала их, и каждый день завершался ещё одним стихотворением и потоком слёз. Я и сегодня оплакиваю Валерия. Видно, что такое глубинное растревожено в душе, чему утешения нет и быть не может...

Так сложился цикл стихов, посвящённых памяти Валерия Горского. А вскоре из Москвы приехал Юрий Кузнецов, и родственники Валерия показали ему мои стихи. Помню, я на работе, зазвонил телефон – это Виктор: "Мы были на кладбище, а сейчас в ресторане "Турист" на Затоне. Кузнецов хочет с тобой познакомиться. Приезжай. Такси я оплачу".

Еду. Чувствую какую-то неловкость и даже ненужность этой встречи. И боюсь, что опять буду плакать. Наверное, кто-то свыше внял моим сомнениям поэтому случайный водитель по своему неразумению подвёз меня не к главному входу, а к какому-то другому. Я и сама не знала, где главный вход. Постояла, подождала – никого.

Назавтра пошла на кладбище и на могиле у Валеры увидела ещё не увядшие, разложенные "солнцем" алые гвоздики. Как мне потом сказали, Юрий Кузнецов принёс их столько, сколько лет было его лучшему другу.

Моё прощание с Валерой растянулось надолго. Каждый раз я шла к нему среди холмиков, этих кладбищенских волн, издалека видела единственное место на Земле, куда опоздать уже было невозможно. Это там со слезами пришли слова:

Твой холм на краю ненасытного поля.
Две цифры "тринадцать" в табличке подряд:
Участок тринадцать, тринадцатый ряд –
Как знак, под которым прошла твоя доля...
А рядом натужно гремит экскаватор –
Готовит кому-то сырую постель.
И слышен сквозь скрежет вдали коростель.
И плачет душа без вины виновато.

По приглашению историко-краеведческого музея мы с К.А. Обойщиковым были на открытии мемориальной доски на доме № 14 по ул. Октябрьской в Тихорецке, где раньше жил Валерий с родителями. Они приглашали меня в гости. В один из моих приездов мы с Леонидом Ивановичем были на вечере памяти в школе, где учился поэт. Храню письма родителей, проникнутые душевной теплотой. Берегу памятные вещи: "настольную" книгу Валерия, как её назвала Валентина Ивановна, – "Гамаюн" Владимира Орлова о жизни Александра Блока; любимый, по словам Леонида Ивановича, галстук: "Валерик в нём выступал на поэтических вечерах"; и фотографии...

...Возвращаюсь, вспоминая. Возвращаюсь, когда перечитываю собранные мной стихи разных авторов, посвященные памяти Валерия, – его уход у многих вызвал чувство искреннего сожаления...

...Ему, видимо, было дано сердцем слышать Голос свыше и трепетно нести его людям. Его стихи негромки, как целомудренные признания. Его поэтический взгляд всегда устремлён ввысь – к свету и добру.

Закончу словами Кронида Александровича Обойщикова:

"... Одно из его стихотворений называется "Синий колокольчик". И сам автор остаётся в нашей памяти, как колокольчик, который будет долго звенеть и будить у людей светлые, добрые чувства, возвращать хмурые души к радости, к жизни".

Нелли Тимофеевна упоминает в эссе о том, что Валерий Горский работал литературным консультантом в отделе пропаганды художественной литературы Краснодарского отделения Союза писате-

лей. А в её архиве нашлось несколько его рецензий на произведения некоторых начинающих поэтов, в частности, на стихи Валерия Гирли, В. Гавриленко и Л. Ляховой, по которым можно судить, насколько серьёзно Горский относился к стихотворчеству (оригиналы рецензий были предоставлены Василининой на память родителями поэта). Вот одна из них:

"350040, г. Краснодар,
ул. К. Либкнехта, 129, кв. 57
В.А. Гирли

О СТИХАХ ВАЛЕРИЯ ГИРЛИ

По прочтении стихов В. Гирли возникают противоречивые впечатления. С одной стороны, отдельные строки говорят об эмоциональности автора, с другой – о некоторой книжности, вялости повествования, порой поспешности и небрежности, с какой выполнены стихи. И почти им всем присуще одно – незавершённость каждого из них, то есть, автору не удаётся до конца решить поднимаемую им тему.

Вот и некоторые замечания. "Солдатские письма". Хорошо сказано, где "письма, как памяти людской живые листья", но в дальнейшем, в заключительной строфе, идёт голая декларация. Стихи блокадного цикла оставляют впечатление, что они возникли от прочитанного, но чувствуется, что автора очень беспокоит прошлое, есть зримые картинки, но опять – ни одно из стихотворений не завершено. Нужно избегать таких банальностей, как "рогатая луна". Вяловато, неярким языком написано и стихотворение, посвящённое молодой поэтессе З. Меербаум. Не найдены слова, способные вызвать чувство восхищения или хотя бы жалости к девушке, к её судьбе.

"Ремесло" – это сухое нравоучение, не подкреплённое свежими поэтическими образами. В "Монologe ярмарочного книгоноши" много легковесных словесных каламбуров, не несущих глубокой смысловой нагрузки. К чему, скажем, эти зарифмованные перечисления обмена "Монте-Кристо на Калисто", "Беляева на Вересаева", "Шекспира на Кантемира" и т.д.?

Неоднократно упоминаемый в литературе случай знакомства Пушкина с Державиным описал и В. Гирли. Это неплохо выражено в четырёх строфах, но последняя, где должен быть заключительный аккорд, не получилась, стоит задуматься над ней.

Зная автора по занятиям литобъединения, ценя его начитанность, любовь к искусству, хочу верить в его возможные успехи. А для этого нужно самое элементарное – работа над строкой, творческий поиск.

По поручению Краснодарской писательской организации
В. Горский"

И наконец обратимся к выдержкам из статьи о Горском Юрия Кузнецова, написанной им в качестве предисловия к посмертной книге поэта и оставляющих, у меня, по крайней мере, достаточно тяжёлый осадок:

"Поэта Валерия Горского я знал с семнадцати лет ещё по Тихорецку. В моей памяти стоят, как живые, неправильные черты его младенческого лица: большой выпуклый лоб, увеличенный залысинами, маленький безвольный подбородок, его южные тёмно-карие глаза, опущенные длинными девичьими ресницами. Словно издали слышу его булькающий кашель: он страдал хронической астмой и дышал, как простреленная гармонь. В последние годы с его худого смуглого лица не сходило страдальческое выражение.

Но он был беспечный человек и никогда не заботился о себе. Всегда заботились о нём другие: мать, отец, бабка, а вскоре к ним присоединилась его сестра, которая моложе его на пять лет. Он привык к этой опеке и до конца жизни оставался взрослым ребёнком.

По мягкости характера или по отсутствию его он избегал взрывных ситуаций, предпочитая компромисс и неопределённость, уклонялся от волевых решений. Всё за него решали другие, но как-то так получалось, что это ему мало помогало, и его жизнь сплошь состояла из странных случайностей. Впрочем, и тут была закономерность: с ним случалось то, что было на него похоже.

А между тем он всегда тянулся к теплу и свету, и было в нём что-то детское, чистое, незлобивое, за что его любили друзья и случайные люди, закрывая глаза на его недостатки. Так, на него нельзя было положиться, его слово часто расходилось с делом – ему прощали даже это.

Он был мечтатель и жил в воображаемом мире. В жизни его привлекало не то, что есть, а то, что могло быть. В этом смысле он представлял собою обломок некоего светлого идеала, сокрушённого нашей рационализированной действительностью. Совершенно разные люди угадывали это и тянулись к нему...

... Ко времени он относился своевольно. Оно ему нравилось.

И надо мной стучат часы,
не в силах стрелки передвинуть.

Действительно, страшно: стучат, а не идут. Сам-то он хотел передвинуть эти стрелки назад. Я это заметил, и вот почему: после тридцати лет он стал скрывать свой возраст. Сперва он передвинул его в обратную сторону на один год, потом на два, и даже на три. Я однажды рассмеялся: "Валерий, этак ты скоро станешь моложе своей младшей сестры!" Он отмолчался.

Выйдя из детства, он так и не перешёл порог мужества и впал в инфантильность. Этого следовало ожидать.

Последние двадцать лет он почти не писал стихов, но всем говорил, что пишет. Он и верил, что их пишет. Он говорил, что его стихи вот-вот выйдут в Москве, и верил в свои слова. Верил, что скоро его жизнь переменится к лучшему, что с завтрашнего дня он начнёт жить заново, но проходили годы и годы, а всё оставалось по-прежнему.

От случая к случаю он привозил в Москву пачку стихов в надежде на публикацию в столичном журнале, но так и уезжал, не дойдя ни до одной редакции. Тут на его пути вставал дымный ЦДЛ (Центральный Дом литератора – В.Р.), где он встречал каких-то алчных застольных проходимцев, которые восхищались его стихами и обещали немедленно их пристроить, но, конечно же, они лгали ему в глаза, видя в нём наивного провинциала, которого можно ободрать как липку. И обдирали, да так, что он был вынужден давать срочную телеграмму родителям, чтоб они выслали ему тридцатку на обратный путь. Он возвращался в полной уверенности, что всё в порядке. Москва его любит и знает. Желаемое он выдавал за действительное.

Всю жизнь он скитался по чужим углам и только за год до смерти въехал в собственную квартиру, как он её называл. Но что это была за квартира! Глухая комната в старом одноэтажном доме. В ней не было ни одного окна, и только в потолке чуть брезжил стеклянный квадрат, не пропускавший света даже в солнечный день. Поэтому днём в комнате всегда стояли сумерки, и надо было включать электрическую лампочку. Это была не квартира, а капкан, из которого живым выйти ему уже не было дано. Он так и умер там, не дотянув полгода до сорока шести лет. Это случилось в конце мая 1987 года.

Но как же это похоже на Горского! Он любил божий свет, а попал в дыру, куда божий свет не проникал...

... Его стихи негромки и целомудренны. В них нет сильных страстей. Его степь без вихря, его море без бури, его небо без молнии и грома. Он любил тишину, тепло и свет. Поэтому в его стихах нет шума, холода и тьмы. Любимый его цвет – зелёный. Цвет жизни и надежды. Его тянуло не низкое, а высокое:

Взлетит над вечностью минута...

Минута превыше вечности! Взлетела звёздная минута его надежды и ушла в память о нём. Но да будет светла эта память!"

Сложные ощущения остаются после знакомства с этими вышеприведёнными фактами:

1. Если перефразировать известную фразу Пушкина, то "мы все грешили понемногу..." в угоду молодости, времени, бесшабашности и ещё Бог весть чему. Однако рано или поздно жизнь вносила свои коррективы – у большинства всё становилось на свои места...

Вот только почему-то не нашлось вокруг Горского никого, кто бы, как говорится, смог взять этот несомненный талант за шиворот, встряхнуть как следует и вправить его сознание на должное место! По-видимому, у каждого из окружающих находились другие, гораздо более важные дела. А уж потом, что ж – не оставалось ничего иного, как в безответной уже скорби положить веером сорок пять гвоздик на могильный холмик...

2. У Горского с малых лет была хроническая астма при наличии которой курение – а Горский курил – прямая дорога, чего уж там, на тот свет!

Можно ли астму излечить? Вот что на этот вопрос, набранный в Яндексe, отвечает всезнающий интернет: "Излечиться невозможно. Реальность: бронхиальная астма – это хроническое воспалительное заболевание дыхательных путей, проявляющееся массой симптомов. Хотя врачи не могут гарантированно и навсегда излечить от астмы, заболевание можно успешно контролировать. Это означает, что при правильном лечении и соблюдении рекомендаций специалиста, человек может жить без обострений".

Весьма категорично: излечиться невозможно, но контролировать заболевание – пожалуйста, только при этом должно быть соблюдено как минимум одно условие – как пел Высоцкий: "...главное дело, чтобы воля ... была к победе!". Вот о воле к победе и хотелось бы вставить свои "пять копеек".

Когда сам я поступал в Ставропольский сельскохозяйственный институт, а было это в 1972 году (как раз в это время Горскому было чуть более 30 лет), то, учась на подготовительных курсах и работая в институтском стройотряде, жил в общежитии, где одним из моих соседей по комнате был паренёк, которого звали Игорь (фамилии сейчас уже не упомяну) – розовощёкий, жизнерадостный поборник хатха-йоги из села Малые Ягуры Туркменского района. В отличие от меня, будущего инженера-механика, Игорёк поступал на ветеринарный факультет, будучи уже опытным пчеловодом. Так вот, после нашего знакомства выяснилось, что Игорь с детства был хроническим астматиком – как он сам рассказывал, поднявшись всего на один марш по лестнице, задыхался и приводил дыхание в порядок только с помощью ингалятора. И спасла его как раз хатха-йога и, в первую очередь, йоговские дыхательные упражнения (Игорь и меня к асанам приобщил). Ну, и продукты пчеловодства в какой-то мере – в первую очередь, прополис и пчелиное молочко. Вот у соседа моего по комнате воля к победе имела место быть просто безоговорочная...

3. Как ни тяжело это признать, но своей безотчётной, всеохватной любовью родители не столько помогли сыну, сколько сгубили его. Какой бы ни был больной ребёнок, необходимо было находить способы научить его бороться с болезнью, а не создавать вокруг любимого дитя тепличные условия – рано или поздно папа с мамой отходят на второй план перед реалиями жизни, а он, оказывается, не готов к встрече с этими реалиями... И как это страшно – пережить собственного сына!

4. Фраза Юрия Кузнецова о "дымном ЦДЛ" тут же напомнила мне булгаковские описания Дома "МАССОЛИТА" в романе "Мастер и Маргарита", в ресторане которого литературная богема достаточно весело проводила время...

Так было принято тогда, что провинция всеми силами стремилась пустить в столице корни и получить там хоть какое-то признание, вот только многие без подпитки родных мест теряли что-то в себе, что уже никак нельзя было компенсировать столичной жизнью. И ещё вопрос: где больше самобытности – в суеде московской или в этой вот провинции, где всё много честнее и уж, конечно, гораздо ближе к земле-матушке?

Безусловно, далеко не все так поступали – настоящие-то так и оставались "среди отеческих могил", лишь по необходимости наезжая в Первопрестольную...

Вот такие совсем не светлые мысли приходят в голову при знакомстве с биографией лишь отчасти реализовавшего свой талант тихорецкого поэта Валерия Горского.

Глава 2. О поэтическом наследии Валерия Горского

Когда перечитываешь рукописи Горского, где он, находясь уже в больнице, правил стихи Нелли Василюхиной, поражаешься, насколько внимательно поэт относился к каждому вписанному в строфу слову! Вот так, пожалуй, и должно быть, потому что настоящая поэзия – это не "растекание мыслью по древу", а особенным образом оформленная концентрированная мысль, когда даже пробелы между словами и знаки препинания работают на сюжет. А ещё большее значение имеет то, что читается между строк – надо только суметь прочесть эту тайнопись...

И чем раньше начинающие поэты столкнутся с такой вот дотошной правкой, тем лучше. Важно ещё, чтобы было что править. Сделал для себя соответствующие выводы – будет толк, а не сделал, так лучше уж сразу прекратить изводить и себя, и читателя.

Для меня, к примеру, своеобразным рубиконом стала небольшая книжка стихов Николая Зиновьева "Седое сердце", подаренная мне автором в январе 2006 года, когда мы с Генрихом Ужеговым были у поэта дома в Кореновске. После пропускания её содержания через своё сознание, я уже не смог писать по-прежнему...

А вот когда читаешь стихи Валерия Горского, в памяти всплывают щемящие картины то детства, то юности, то молодости, когда смотришь на окружающий мир совсем другим, ещё не "замыленным" взглядом и впитываешь, впитываешь этот мир и не можешь им надыхаться...

Одно из стихотворений ("В одном купе"), не вошедших в сборники, обнаружилось в уже упомянутой мной книге Г. Леликова "Вокруг жизни Ивана Молодцова"; ещё одно ("За ёлкой") записано рукой Нелли Василюхиной из неизвестных мне источников, а три последних ("Ночка", "На провал обречённый заранее..." и "Это будет веками сверено..."), обнаруженные в рукописях самого Горского, не публиковались, насколько мне известно, вообще нигде.

И ещё одно, существенное, на мой взгляд, замечание. Позволю себе не согласиться с Юрием Кузнецовым, когда он утверждает, что "...Последние двадцать лет он почти не писал стихов, но всем говорил, что пишет". Получается, что практически всё из опубликованного творческого наследия Валерия Горского написано им до двадцатилетнего возраста? Последним, найденным в рукописях стихотворением, и закончим повествование о Валерии Горском:

Это будет веками сверено,
нам с тобой этот час не унять.
Где растёшь ты, зелёное дерево,
из которого гроб для меня?

Я не знаю: рано ли, поздно ли
мы друг друга когда-то найдём.
Оттого, что тянулось ты к звёздам,
будет легче с тобой нам вдвоём.

Вместо послесловия. О поэтических посвящениях Валерию Горскому

В книжке помещены посвящения Горскому Юрия Сердерида ("Душа"), Алексея Голдобина ("Валерию Горскому"), Виктора Домбровского ("Опять один сквозняк в карманах..."), Владимира Бондаренко ("Поэт"), Ивана Краснюка ("Тополиный пух, слетаясь в горстки..."), Юрия Кузнецова ("Только выйду на берег крутой..." и "Некролог"), Кронида Обойщикова ("Душа"), Генриха Ужегова ("Памяти Валерия Горского"), Татьяны Соколовой ("Поле колокольное"), Ивана Данькова ("Ломкий контур вечернего сада..."), Валерия Костюхина ("На смерть поэта") и Нелли Василюхиной (цикл из восьми стихотворений).

Здесь же позволю себе поместить лишь стихотворение Юрия Кузнецова:

Некролог

Валерию Горскому

Это умер не он, а цветок,
что был сорван давно, но об этом
догадаться ни разу не мог,
потому что родился поэтом.

Цвет надежды, не давший плода,
наши лица он видел туманно.
Ничего не имел никогда,
даже пил из чужого стакана.

Он встречался со всяким огнём
и задохся от тёмного жара.
Раньше бога забыла о нём
густопсовая пыль Краснодар.

Он увял, он упал не дыша.
Он упал! Помолчите, народы!
Пусть без страха вступает душа
под иные высокие своды.

Умираем не мы, а цветы,
ничего мы не знаем о смерти.
И с отчизной, и с богом на "ты",
мы живём как жестокие дети.
(1987)

Примечание: С оригиналами материалов, собранных Н.Т. Василюхиной, на основании которых подготовлена эта статья, можно ознакомиться в краеведческом музее Тихорецка.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

ЖИВИ, КУБАНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ!

Почти полгода члены жюри Открытого краевого фестиваля-конкурса "Кубань литературная" читали стихи и поэмы, рассказы и очерки, романы и повести. А их было прислано более трёхсот... К каждому произведению мы относились с огромным вниманием, часто спорили между собой – ведь окончательного вердикта трепетно ждал автор, ранимый творческий человек. География нашего конкурса поистине обширна: кубанцы, москвичи, жители Воронежа, Нижнего Новгорода, Твери, Израиля и, что особенно приятно, – новые граждане России из Донбасса, которые получили специальные призы жюри. Среди поэтов – это **Юлия Писаренко** из г. Амвросиевка, мечтающая в своих стихах о встрече с мамой, дончанин **Михаил Афонин**, который "сегодня горел миллионом огней", и отважный ополченец, сражавшийся в боях за Луганск, **Виктор Лисенков**, готовый "долг Родине и себя сполна отдать. И на войне с честью погибать".

О Родине, о бойцах былых и нынешних времен написано немало конкурсных стихов. Во все времена подвиг наших защитников священен:

Когда весна объявит май
И принесёт цветущий рай,
Я возложу у Вечного огня
Цветы погибшим за меня...

Это строчки из стихотворения дипломанта конкурса **Агаси Ваниева**. Среди участников номинации "Поэзия малой формы", чьё творчество высоко оценило жюри, много молодых людей. Лауреатами стали 20-летний москвич **Михаил Козин**, чьё безудержное воображение уносило нас в далёкое таинственное прошлое, и романтическая поэтесса **Оксана Медведева**, оживившая в своих стихах мёртвые камни:

Пыльные булыжники у моря,
Тронутые грубою ногой,
Шёпотом о серой жизни спорят,
Ожидая участи другой.
Гладко отшлифованы волною,
Повидав старинные века,
Ждут они, покрывшись сединою,
Что отыщет мастера рука...

Читая поэтические произведения конкурсантов, поневоле задумаешься над вечным вопросом: чем отличается поэт от "обыкновенных людей"? Может быть, у него зрение не такое, как у всех? Поэт может увидеть чудо даже у себя под ногами, а далёкий от поэзии человек не заметит ничего особенного даже на небе. Но для того и существуют поэты – на мгновение вырвать нас из серых будней и показать красоту мира, в котором мы живём. Вот как видит ночное небо краснодарец **Виктор Почуев**, получивший специальный диплом жюри:

И нимбы звёздных многоточий
Свои лучи бросали вниз.
Их жизнь была на миг короче,
А свет на миг длинней, чем жизнь.

Среди награждённых поэтов – **Ольга Новожилова** из Краснодара, **Елена Николаенко** (г. Борисоглебск), **Сергей Коняшин** из Израиля, **Елена Зализецкая** из посёлка Афицкий Краснодарского края, **Анна Звёздкина** из Нижнего Новгорода, **Константин Зайцев** из Воронежа... Они очень разные, и в то же время их объединяет всё то же волшебное свойство: умение взглянуть на повседневную жизнь под другим углом зрения и увидеть необычное в обычном. Перефразируя Пушкина, хочется воскликнуть: "О, сколько нам открытий чудных" подарили участники конкурса!

Но и мы, члены жюри, тоже сделали свои открытия. Одним из них стал наш земляк, юный **Даниил Диденко** из Краснодара, занявший первое место в номинации "Поэзия малой формы". Его стихи – это серьёзная заявка на достойное место в литературе. Чистосердечно, без лукавства и позёрства поэт любит свою Родину:

Что я скажу тебе, забытый дом,
Когда вернусь и сяду на ступени?..
Отвешу я тебе земной поклон
И постучу в расхлябанные двери.

В стихотворении "Дедушкин дом" Даниил, быть может, ещё не вполне осознанно, создал образ, на протяжении веков волновавший поэтов и художников мирового уровня – образ блудного сына из известной библейской притчи.

Несмотря на молодость (поэту всего 21 год), **Даниил Диденко** имеет вполне сложившееся мировоззрение, на наш взгляд, правильное и патриотичное. Он доказал это не только своими талантливыми стихами, но и зрелой острой публицистикой. Следует сказать, что номинация "Публицистика" в этом году была высокого уровня. **Даниил Диденко** представил аналитическую статью о назначении поэта – "Мне оба глаза долой, чтоб сегодняшнее не видать..." и стал лауреатом, поделив третье место с краснодарским прозаиком **Александром Ралотом** (статья о советских разведчиках "Кто такой Швед?"). Нашим землякам пришлось соревноваться с писателями из Москвы: **Иваном Бураковым**, получившим первое место за глубокое исследование творчества Юрия Бондарева, и **Никитой Брагиным** (второе место за статью "Отлучение от Культуры?").

В номинации "Поэзия крупной формы" участники конкурса представили не только поэмы, но и сборники стихов, что создавало определенные трудности при вынесении решения жюри. Дело в том, что среди десятков стихов, включённых в сборник, попадались и сильные, и так называемые "проходные", включённые автором, вероятно, для того, чтобы книжка получилась потолще.

Ни одного слабого стихотворения мы не нашли в книге "У провинции за пазухой" **Лидии Вдовченко**, поэтессы из Ейска, занявшей первое место в данной номинации. Её творчество, по выражению Евгения Баратынского, имеет "лица необщее выраженье". Превосходя многих по таланту и интеллекту, Вдовченко старается держаться в тени, никого не поучает. Но именно у таких, как она, можно научиться многому. Например, быть скромной, но сильной:

Я как тысяча тысяч других
Обитателей городских –
Дичка – корень седой деревни –
От земли на этаж вознеслась,
Яркой зеленью разрослась.
Я сильна, как сильны деревья.

Поэтическая книга "И возвращаются ветры" лауреата конкурса **Зинаиды Палиевой** отличается хорошим литературным вкусом. А что такое литературный вкус? Естественность и чувство меры. Полистаем раздел её книги под названием "Посвящения"... Казалось бы, сугубо личные, как говорили когда-то, "альбомные мадригалы", написанные друзьям. Но настоящая поэзия никогда не была частным делом. Стихи Палиевой обращены не только к её знакомым, но и ко всем нам. И с чувством юмора у автора тоже всё в порядке. Умение пошутить, в том числе и над собой, – признак здоровой души поэта.

Лауреат конкурса **Ольга Немыкина** из города Тихорецка представила захватывающую, остро-сюжетную поэму "Отшельница" о непростой судьбе кубанской казачки, оставшейся жить на чужбине, без детей, погибших на войне, и без мужа, сгинувшего в тайге. Не сразу приняли её коренные сибиряки, люди другой веры... Автору удалось показать живую динамику событий, что довольно трудно передать в стихах. Но особенно хороши описания сибирской природы. Читая, можно всё воочию представить, словно сам побывал в таёжном лесу.

Номинация "Проза крупной формы" (романы, повести, сборники прозы) всегда была для жюри самой тяжёлой. Не только из-за необходимости прочитывать многие сотни страниц, но и из-за частых разочарований. Многие начинающие прозаики, затратив бездну времени и труда, не могли осилить этот жанр. В результате неопытный автор вместо повести или романа представлял на суд жюри плохо скроенное изделие, в котором совершенно отсутствовала логика человеческих взаимоотношений. Нынешний конкурс, увы, исключением не стал. В номинации "Проза крупной формы" было представлено тринадцать произведений, из которых девять были откровенно слабыми. К счастью, среди присланных работ мы нашли три романа и повесть, которые заслуживают того, чтобы о них рассказать подробнее.

В романе-дилогии "Будет воля твоя" краснодарская писательница **Эльвира Сапфирова** на фоне частной жизни своих героев показала кризис школьного образования в годы перестройки и развала СССР. "Людам казалось, что преобразования совершались где-то и с кем-то, но не с ними. И когда в

суете будней незаметно поменялись цели образования, никто не почувствовал разрушительную силу этих преобразований. Воспитывать патриотов стало не модно. Престижны люди мира. Теперь надо воспитывать не творческую личность, а компетентного потребителя. А потребителю и образование должно быть соответствующее: чем меньше, тем лучше. И согласились! Поговаривали даже: не отметить ли обязательное среднее образование?! Зачем его всем иметь?"

Главной героине романа, учительнице литературы Вере Павловне, не хватает поддержки достойного мужчины, который мог бы стать для неё опорой в жизни. Муж Веры Валентин – полное ничтожество. А Олег, её возлюбленный, – эгоист и типичный самовлюблённый Нарцисс. Но характер героини закаляется в испытаниях. В семье и на работе она полагается только на себя. На примере Веры автор показала, как школе вместе со всей страной приходилось бороться за пресловутое "выживание". К учителям уже не относились с прежним уважением, среди школьного начальства появилось много равнодушных карьеристов, чиновников-функционеров (Виталий Иванович, Татьяна Львовна, Алла Григорьевна), которые всячески стараются изжить в школе творческий дух, насадить формализм, создать тяжёлую атмосферу недоверия, подхалимства и интриг. Они стараются вытеснить талантливых самоотверженных педагогов, таких как Вера Павловна или бывший директор Алексей Михайлович. Всё это убедительно изображено в романе: ведь Эльвира Сапфирова сама по профессии педагог, для неё это близкая и наболевшая тема.

Примерно об этом же времени рассказывается и в романе "Перед концом света" **Виктора Озерского** из города Гулькевичи. Это остросоциальное произведение о перестройке и распаде СССР.

Рядовой чиновник собеса Петрович – честный, интеллигентный, но совершенно беззащитный человек. Он рано овдовел и теперь один воспитывает дочь Олеся. Петрович постоянно сталкивается с взяточничеством, беззаконием и злоупотреблением служебным положением. Неприятности доводят его до предынфарктного состояния. Попав в больницу, Петрович видит неприглядный больничный быт, грязь, тараканов, терпит козни проворовавшегося медперсонала... Действие романа постоянно переносится из прошлого в настоящее и обратно, многочисленные герои появляются и исчезают, сменяя друг друга. Ясно одно: жизнь становится всё хуже, и больше нет преданных Отечеству вождей. Недовольством народа пользуются оппозиционеры в своих меркантильных интересах.

Бизнес неопытного Петровича терпит крах, у его подруги похищают сына, и лишь любовь к дочери Олеся и любовь к искусству приносят герою радость и утешение. Душа Петровича находится в противоречии с реальным миром. Недоброжелатели устраивают ему подлую провокацию: подбрасывают в бумаги взятку и вызывают полицию. Петрович снова попадает в больницу с инфарктом, где умирает одновременно с другом – директором школы. Олеся и друзья хоронят Петровича, а в это время внук Юра становится победителем олимпиады по литературе. Хоть какой-то хороший знак, надежда на светлое будущее...

Повесть молодой писательницы **Анны Звёздиной** из Нижнего Новгорода "Стихия – вода" – образец психологической прозы. Героиня повести, тридцатилетняя Марина, администратор круизного теплохода, полностью погружена в душевные переживания и поиски собственного предназначения. Когда-то она мечтала о славе пианистки и истязала себя бесконечными занятиями на фортепиано, но с годами поняла, что среди музыкантов к славе приходят лишь немногие избранные, и она не из их числа. К неудачам в карьере присоединяются и неудачи в личной жизни. Марина завидует своей начальнице – молодой, практичной и уверенной в себе красотке Кате, старшему администратору теплохода.

Случается чудо: Марина влюбляется в 20-летнего рулевого Дениса, и юноша отвечает ей взаимностью! И хотя счастье Марины длится всего один день, этот день полностью перерождает её. Марина понимает, что она не вечная неудачница и тоже может быть любимой и желанной.

Довольно скромный сюжет повести насыщен изображением сложного внутреннего мира Марины. Героиня всё время прокручивает в голове свои и чужие поступки, пытается понять их природу. Именно этот детальный, тонкий и правдивый анализ состояния человеческой души представляет, на наш взгляд, главное достоинство произведения **Анны Звёздиной**. Читатель горячо сочувствует её героине, испытывает вместе с ней боль, надежду, разочарование, трепет чистого любовного чувства. Несмотря на то, что содержание повести ограничено рамками личной рефлексии, произведение читается с большим интересом и волнением.

Победителем в номинации "Проза крупной формы" стал **Анатолий Ерошкин** (г. Абинск). Его роман "Рекс" далеко выходит за рамки "жалостной книжки о собачке". Это серьёзное литературное произведение, поднимающее вопросы человеческой нравственности, верности, гуманности, способности к самопожертвованию.

Потеряв в драке с бандитами любимую овчарку по кличке Рекс, Дмитрий Петрович Самойлов отказывается взять на воспитание его щенка, его сына (тоже Рекса), считая, что никакая другая собака не может заменить ему погибшего друга. Маленький Рекс оказывается один на улице. Его судьба про-

слеживается автором шаг за шагом, от раннего детства до взрослой жизни, полной суровых испытаний. Роман написан захватывающе и держит читателя в плену от первой до последней строчки. Прекрасно выстроена сюжетная интрига, и все события имеют причинно-следственную связь. Мы глубоко сочувствуем молодому Рексу – умному и отважному псу, который был готов любить людей и служить им верой и правдой, но получал от них больше зла, чем любви.

Вынужденный жить в жестоком враждебном мире, Рекс постепенно дичает, избегая людей, а Дмитрий Петрович со временем осознает, что был не прав, и теперь упорно и самоотверженно его разыскивает. В драматичном финале герой готов отдать всё ради спасения своего четвероногого друга.

Роман написан уверенным писательским пером. Характеры героев – Дмитрия Петровича, его друга Виталия, ветеринара Михаила Львовича ("доктора Айболита"), бомжа Стёпы, зловещего и всемогущего Генерала и т.д., тщательно выписаны и раскрыты в поступках и речевых характеристиках. Автор не только хороший кинолог, но и, несомненно, талантливый прозаик. Роман "Рекс" создан в лучших традициях художественной литературы о животных и чем-то перекликается с лучшими произведениями Сетона Томпсона, Джека Лондона, Гавриила Троепольского...

Не знаю, случайно или нет, но из десяти лауреатов в номинации "Проза малой формы" пять авторов (ровно половина!) написали о Великой Отечественной войне. В случайности не верю. Время сейчас такое: война снова пришла на порог нашего дома, мы постоянно о ней думаем, черпаем силы и мужество в героическом прошлом нашей Родины. Ежедневно слыша о зверствах украинских нацистов, глумящихся над пленными бойцами Российской армии, о бомбежках мирного Донбасса, нельзя не видеть разительное отличие наследников Гитлера от нашего героического народа, способного после Победы проявить жалость к поверженному врагу. Русское милосердие, непонятное иностранцу свойство души, стало темой рассказа прозаика из Ижевска **Оксаны Сосниной** "Гармошка маленькой Эвы".

Сергей Коняшин (гражданин Израиля) в рассказе "Витя" поведал о пионере-герое, принявшем мученическую смерть от фашистов в 1942 году при обороне Новороссийска. Москвич **Иван Бураков** познакомил нас с удивительной историей о юном солдате Мише, на которого с войны пришла родителям похоронка. Но... надежда умирает последней: Миша оказался жив! Как тут не вспомнить известные строчки из стихотворения Константина Симонова: "Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло". **Сергей Подлипенский** из Гулькевичей представил на конкурс серию художественно-документальных рассказов об отце и матери и о предках его большого и славного рода, отстаивших свободу Родины в борьбе с беспощадным врагом. А **Наталья Колмогорова** из Самарской области в рассказах "Заячий Хлеб" и "Варежки" рассказала нам правдивые и трогательные истории о детях, переживших войну.

Война стала ведущей, но далеко не единственной темой в творчестве наших конкурсантов. Рассказы **Михаила Казаченко**, жителя станицы Тбилисской, пронизаны любовью к Кубани, к её трудолюбивым, энергичным хуторянам и станичникам с их самобытной речью и бытом.

Способным прозаиком показал себя **Виталий Никитин** из Горячего Ключа, автор рассказа "Туман". Его герой, пожилой бездетный тракторист Иван Палыч готов взять девочку-сироту из приюта. Но жена, узнав, что "их девочку" уже удочерили, отказывается от других детей, и отныне у Палыча остаётся только один "приёмш" – собака Туман, которая его никогда не бросит и не предаст.

Героиню серии рассказов **Татьяны Тонких** из Липецкой области не слишком балует жизнь. Как и многим женщинам перестроечных 90-х годов, ей приходится переживать и безденежье, и пьянство мужа. Но она в душе поэт. А поэт, как мы уже выяснили, умеет видеть красоту там, где её никто не замечает. Это придаёт силы...

"Паук, с элегантностью распорядителя танцев, приближался к очередной пушинке. Неспешно проводил туда-сюда серой мохнатой ножкой, и пушинка летела вниз. Очистив колдовскую сеть, паук задвигался расторопней, зашивая прорехи, тянул за собой прозрачную нить".

Из далекого Челябинска 82-летний прозаик **Александр Мишутин** прислал нам рассказ "Ой, на горе тай жнецы жнуть", по которому мы сразу признали в авторе земляка. Спасибо, уважаемый Александр Андреевич! Что ни говори, родина есть родина...

Ну и наконец, как же нам без юмора? Про несостоявшийся "суицид" сельского аборигена Сергея Петровича, героя рассказа "Верёвка" **Анатолия Ерощкина**, знакомого нам по роману "Рекс", нельзя читать без улыбки. Как говорится: и смех, и грех!

В номинации "Проза малой формы" специальными дипломами жюри были отмечены **Татьяна Веретинская** (Краснодар), **Елена Николаенко** (Липецк), **Эльвира Сапфинова** (Краснодар), **Виталий Скрипов** (ст. Анапская).

Краснодарское отделение СП России активно поддерживает молодых авторов. Писатели-ветераны кропотливо работают над рукописями юных поэтов и прозаиков, правят, ищут в них искорки

таланта и всегда радуются, когда среди множества незрелых работ удаётся найти "жемчужные зёрна". В номинации "Дебют" приняли участие конкурсанты до 18 лет. Признаёмся, что ожидали увидеть в их работах больше света, радости и задора, но, видно, слишком серьёзные нынче настали времена... Гибель корабля в морской пучине, тоска героя от одиночества и недостатка живого общения, встреча с несчастной умирающей собакой и т.д. – вот какие темы волнуют юных литераторов. Даже самые маленькие авторы, шести-восьми лет, пишут стихи про войну:

Эй, парни, все вы боевые,
Служили честно, рвались в бой.
Страна! Дыши под мирным небом!
Я заклинаю, будь живой!

Общее настроение, царящее сегодня в обществе, не могло не отразиться на детских работах. Но ребяташки не виноваты в том, что их детство выпало на военное время, что пришлось им повзрослеть досрочно. Жюри отметило работы **Дианы Блинцовской** (г. Абинск), **Арсения Новикова** (ст. Староминская), **Володи и Лизы Егоровых** из Татарстана.

И наконец о самой важной, самой ответственной и трудной номинации нашего конкурса – "Детская литература", которую правильнее было бы назвать "Литература для детей", потому что в данном случае пишут всё-таки взрослые для детей, а не наоборот.

Как известно, дети – самые придирчивые читатели. Не терпят скучных нравоучений, моментально замечают малейшую фальшь и надуманность, чуть что не так – захлопнут книжку с обидным приговором: "Неинтересно!". Но они и самые благодарные читатели... Если уж кого из писателей полюбят, так от всего сердца. Надеемся, что такими любимыми станут наши лауреаты-победители – краснодарец **Александр Ралот**, автор цикла рассказов "Дружба по переписке", и **Оксана Соснина** из Ижевска, приславшая на конкурс талантливые стихи для детей.

Многие из нас, уже став взрослыми и даже пожилыми людьми, порой тянутся к книжной полке, чтобы перечитать "Незнайку" или "Военную тайну"... Однако не надо думать, что современным детям должно быть интересно только то, что было интересно нам. На дворе давно XXI век, и юным читателям нужны книжки про их собственную жизнь. Даже рассказы о далёком прошлом нашей Родины должны звучать с позиции сегодняшнего дня. В рассказе "Будь собой" **Евгения Ляшко** из станицы Новомышастовской, получившая в номинации "Детская литература" 2-е место, так передает разговор маленькой Юли с отцом, кубанским казаком:

"– Тогда получается, что мы потомки украинцев? – сделала предположение девочка.

– Запорожцы были частью русского войска, которое состояло из самых разных национальностей. Царица Екатерина Вторая ликвидировала его в 1775 году, подарив казакам земли Российской империи, чтобы пограничные территории охраняли. Такого государства, как Украина, в то время не было".

В книжках советских времен такое объяснение было недопустимо, особенно во времена украинизации Кубани, когда нашим руководством был взят курс на "развитие национального самосознания". Но куда нас завел этот курс, мы, к сожалению, знаем...

Какое детство без сказки? И, конечно, со счастливым концом! Именно такую написал для детишек младшего возраста **Алексей Новосёлов** из станицы Курчанской, третий призёр в номинации "Детская литература". Успех с ним разделили **Валентина Ткачёва** из Курска, автор поэтической легенды "В пору цветения черёмухи" и **Людмила Нацевич**, приславшая рассказ "Куколка" – воспоминания о своём послевоенном детстве на Кубани.

* * *

Темы и сюжеты своих произведений многие авторы взяли из реальной жизни. Это придавало рассказам и стихам, присланным на конкурс, особое обаяние документальности. Но не следует забывать, что в литературе хорошая, талантливая выдумка – это тоже правда, только художественная. Писательский вымысел от правды неотличим, если он пропущен через сердце, а ложь в произведении всегда видна, даже если изложенные в произведении факты "имели место быть". Выдающий кубанский поэт Виталий Бакалдин говорил: "Правда факта не всегда правда жизни".

Всё зависит от того, с каких позиций автор изображает жизнь, насколько произведение воздействует на ум и чувства читателя, что доброго оно несёт. Вот почему в наших конкурсах никогда не допускаются непечатные слова (хотя их употребляют в обществе), призывы к насилию, самоубийству, к национальной и религиозной дискриминации... В искусстве правда – это то, что возвышает душу, а ложь – то, что воспеваает зло.

ЛЮДМИЛА МУРАШОВА

Краснодар

УСТАЛИ ПИТЬ ИЗ ЛУЖИ

Очерк

Художественная литература на протяжении многовековой истории своего развития, на наш взгляд, имела несколько функций: эстетическую, воспитательную и историческую. Сущность эстетической функции заключается в призывании литературы приносить удовольствие. С этим утверждением, безусловно, можно поспорить, парируя доводом, что литература часто отображает правду жизни, а правда не всегда приятна. Однако проведение времени с книгой не является обязательным занятием, а ради удовольствия делать то, что неприятно, не станет никто.

Вторая, воспитательная, функция направлена на формирование и поддержание личности в конструктивном духовном состоянии. Думается, данная функция вызовет меньше всего вопросов. Третья функция – историческая, она же летописная. Обозначая эту функцию, мы не предлагаем превратить литературу в летописи. Тем не менее, весьма ценен тот труд, который в художественном обрамлении сможет представить исторически достоверную правду. При этом реализация каждой из трёх функций не должна противоречить другой, и уж тем более, её парализовать. Так, правдивая книга не должна вызывать отвращение у читателя и/или возвращать в нём деконструктивное начало.

Вопреки классике, XX век явил собой вопиющие примеры деконструирования человеческой сущности во многих сферах жизни, став веком размытых стандартов и переоценки ценностей. Глобализация мира, с одной стороны, привела к расширению границ и возможностей познания, а с другой – заставила микрокосмос каждого человека потеряться в миллиардах миров таких же людей. Желание выделиться, осознание того, что всё уже когда-то было сказано, породило у ряда авторов желание сделать и сказать-то, что раньше не говорили и не делали в классической литературной традиции.

Одним из таких неисхоженных полей оказался пласт непечатной лексики, а также в значительной степени – "народословие". И, если народословие (термин, которым мы обозначаем желание автора изобразить народный язык) эстетического отторжения не вызывает, то желание покопаться в непечатном болоте с целью обратить на себя внимание породило целую плеяду авторов, книги которых многим хочется оставить на полке...

Среди авторов, исходивших в той или иной степени обценнлезакулисье, можно назвать многих литературных знаменитостей, в том числе Эдуарда Лимонова, Василия Аксёнова, Виктора Пелевина, Веру Полозкову. Литература в этом плане стала неким полем терпимости, поскольку в иных составляющих общественной жизни граждан от погружения в подобные прелести пытается защитить закон. Так, например, использование нецензурной брани в СМИ прямо запрещено ч.1 ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации", а за использование нецензурной брани в общественных местах можно понести ответственность согласно статье 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, поскольку подобное классифицируется как мелкое хулиганство.

Мы не зря говорим именно о попытках закона препятствовать разгулу брани в обществе, поскольку фактически её можно услышать даже на детской площадке, и это не всегда будет волновать окружающих. Возможно, повышение порога терпимости общества произошло, в том числе, из-за ослабления воспитательной функции литературы. Так, получается, что в СМИ браниться непечатными словами нельзя, в обществе (хотя бы формально) наказуемо, а в книгах – пожалуйста, ведь книги изображают жизнь, а мат – это часть жизни: таким оправданием в большинстве случаев отгораживаются авторы. Клозет, с позволения сказать, тоже правда жизни и все его составляющие. Хотя, в этот, не то что непечатный, но даже неподглядываемый уголок человеческой жизни уже тоже добрался Джеймс Джойс в романе "Улисс", подробно описав туалетную сцену.

Ряд обценных произведений XX век поднял на сцену и начал чествовать, выплёскивая их и в век нынешний. Так, например, сборник рассказов Аллы Горбуновой "Другая материя" густо пересолен матом, несмотря на то, что автор удостоен премии "НОС – 2020" и премии Андрея Белого. Сборник рассказов "Добыть Тарковского" Павла Селукова, вышедший в 2019 году, вошёл в короткий список литературной премии "Большая книга".

Мнения литературоведов и рядовых читателей по поводу ценности литературы, испещрённой оспинами мата, неоднозначны. Российский писатель-фантаст Сергей Лукьяненко считает, что "...писатель имеет право на использование ненормативной лексики, включая матерную ругань. Однако использует он её на свой страх и риск – только чувство меры, литературного вкуса и абсолютная

обоснованность в употреблении того или иного слова служит ему оправданием", а писатель Алексей Варламов, лауреат Солженицынской премии за 2006 год, отметил, что "в художественной литературе в девяносто девяти случаях из ста мат представляет собой похабство и скрывает авторскую либо беспомощность, либо закомплексованность, ибо способов выразить экспрессию в русском языке хватает и без запретных корней. Без мата обошлась вся русская классика девятнадцатого века ("озорные" стихи и эпиграммы Пушкина, Лермонтова, Полежаева – особый разговор)". Некоторые литературные деятели даже считают, что "нецензурная брань и её функционирование в современной российской прозе требует специального исследования". В пользу исследования высказалась Дарья Гаврон в докладе "Язык современной российской прозы на материале книг, изданных в "Редакции Елены Шубиной" за последнее десятилетие" – ведущий редактор ООО "Издательство АСТ" (Редакция Елены Шубиной). Доклад был представлен на XXI Международной конференции "Через библиотеки – к будущему".

Однако если в двадцатом веке обценная литература выделялась своей новизной и таким образом, возможно, привлекала неискущённого читателя, что проявлялось в желании поругаться не только на печатных страницах, но и на простых литературных встречах, вечерах, то 21 век являет миру обратную тенденцию к очищению, по крайней мере печатного слова, в России. Последние знаковые литературные события в мире молодой российской литературы явили собой явное тому подтверждение. В сентябре этого года состоялась всероссийское совещание руководителей региональных отделений Советов молодых литераторов, на котором обсуждалась карта ценностей современных молодых авторов. Советы молодых литераторов при региональных отделениях Союза писателей России есть практически во всех крупных городах нашей страны. Они в целом объединяют общество в шесть с половиной тысяч человек (авторы, читатели, критики, журналисты).

Среди наиболее актуальных ценностей на сегодняшний день были выделены: открытость, творчество, профессионализм, традиция, духовность и единство. Из ценностей, относящихся к обсуждаемой проблематике, можно выделить приверженность традиции, желание сохранить чистоту русского языка и обеспечить эволюционное развитие отечественного литературного процесса. Была отмечена также приверженность русской культуре как неисчерпаемому источнику знаний, мудрости и смыслов жизни. Важной ценностной составляющей руководители региональных советов признали также духовность, обеспечивающую отображение в литературе идеала человеческой сущности. Подобная литература, с точки зрения руководителей, должна иметь целью изменить человека к лучшему, создать атмосферу комфортного развития личности, снизить градус напряжения в обществе путём гармонизации взаимодействия его членов. Важным инструментом для продвижения отмеченных ценностей участники совещания назвали единство как символ стремления к взаимодействию, обмену знаниями и ресурсами. Приверженность обозначенным ценностям, в том числе нежелание видеть непечатную лексику напечатанной была подтверждена и подавляющим большинством молодых авторов Кубани на региональной встрече, последовавшей за всероссийским совещанием.

Касательно вопроса свободы и ответственности в творчестве, авторы высказались в пользу необходимости защищать великий и могучий от непечатных выражений, особенно в поэзии. Они сошлись во мнении, что читаемые тексты должны соответствовать аудитории и площадке, а острые слова в тексте должны быть оправданы художественной необходимостью и не становиться фронтальнее самого автора, даже если они всё же присутствуют.

Тенденция к очищению современной литературы и бережное отношение к языку отмечаются также экспертными комиссиями многочисленных литературных конкурсов и фестивалей разного уровня. Так, например, председатель Краснодарского отделения союза писателей России, председатель правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства Россия-Беларусь, заслуженный деятель искусств Кубани С.Н.Макарова-Гриценко отмечает: "Благодаря многочисленным проводимым в последние годы краевым и всероссийским литературным конкурсам и фестивалям по линии Союза писателей России мы с уверенностью отмечаем, что гнусь уходит из нашей жизни, поскольку всё больше авторов создают тексты, продолжающие русскую литературу в её лучших традициях, что предполагает обращение к человеку, к человеческой душе, к созиданию души и русского мира вокруг. В произведениях практически отсутствует непечатная лексика, проза становится талантливой и интересной, в подавляющем большинстве своём достойной печати".

Обозначившееся стремление русского слова к самоочищению требует доработки нормативно-правовой базы данного вопроса, а также говорит о том, что задержавшиеся в прошлых эпохах авторы и организации, пытающиеся заигрывать с этими авторами с целью остаться модными и популярными среди молодёжи, на самом деле отстают от времени и остаются за рамками последних тенденций отечественной литературы.

ФАИНА КУЗНЕЦОВА

Краснодар

БЕРЕГИТЕ РУССКИЙ ЯЗЫК

Очерк

Берегите чистоту языка, как Святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.

И.С. Тургенев

Проблема сбережения, защиты и развития русского языка особенно остро встала в последние двадцать лет в связи с новейшими открытиями в области новых технологий: кибернетики, электроники, интернета. Русский язык резко теряет и статус языка науки, и международного общения, вытесненный с первых позиций на... пятое место (информация из СМИ). Не последнюю роль в этом процессе сыграл развал СССР. За последние сто лет граждане бывших советских республик: Грузии, Прибалтики и Украины – потеряли естественное право работать и обучаться на родном русском языке.

Даже у нас, в России, русский язык, общежительный, по словам А.С. Пушкина, не находит должной государственной поддержки, в области развития и применения. Средства массовой информации: радио, телевидение, газеты, журналы – ежедневно выбрасывают в эфир потоки чужеродной, не переведённой лексики, не понятной по значению и не привычной по звучанию.

Возьмем, к примеру, из всей словесной массы только два слова и рассмотрим их. Это *гаджеты* и *онлайн*.

Разобьём первое слово на 3 слога: гад-же-ты и прочитаем их с начала и с конца, как самостоятельные слова: гад же ты, ты же гад. Получается достаточно грубо. А вот смысл, лексическое значение осталось не раскрыто. Без перевода на русский язык это слово ничего не скажет ни нашему уму, ни нашему сердцу. Тем более, что есть уже слово "электроника", созданное по законам русской грамматики, где корень иноязычный, а суффикс и окончание – русские.

Теперь обратимся к слову онлайн. Ему повезло больше, чем первому – оно есть в орфоэпическом словаре русского языка (С.-Петербург, 2013 г.). Читаем словарную статью: это неизменяемая и непереводаемая первая часть слов сложных слов и пишется через дефис, если стоит в начале. Например: онлайн-концерт, онлайн-совещание и т.д. И пишется раздельно, если стоит в конце: концерт онлайн, совещание онлайн и так далее. Слово онлайн непереводаемое, но значение его, по словам специалистов, близко к значению слов дома, в удалении, дистанционно. Значит, так и говорим: работа, концерт, совещание дистанционно. А наш "бойкий, мудрый" народ придумал разговорную форму: работа, концерт: *в удалёнке*, что и понятно, и звучит легко, даже задорно.

Скажите, пожалуйста, зачем же усложнять проблему и усложнять правописание?

А реклама? Кричаще яркая, выполненная громадными буквами латиницы, она чувствует себя полновластной хозяйкой на наших городских улицах. И только где-то сбоку, сиротливо, ютятся у её пят русские названия на родной кириллице.

Идёшь по кубанским улицам и диву даёшься: где ты находишься – в Краснодаре или где-нибудь в Ливерпуле, например. К сведению предпринимателей, заказывающих городскую рекламу: шрифт кириллицы выгоднее, т.к. экономнее, потому что каждая буква кириллицы соответствует одному, а иногда даже двум звукам. Например: Оля [о-л'а], Яша [йа-ш-а]. Слово "Оля" пишем тремя буквами кириллицы, и платим, например три тысячи рублей. Слово "Яша" пишем так же тремя буквами кириллицы. Но на латинице их будет не три, а в два раза больше. Например: Яша – Yascha) и платите 6 тысяч рублей.

А наш транспорт? Поезда, самолёты, городские автобусы? На своих бортах они несут названия тоже на латинице! Что за раболепие? Не к лицу оно нам! Сто лет назад, в 1921 году (XX век), наши деды и прадеды с гордостью выводили на ликбезах (в царской России было всего 2% грамотных): "мы не рабы, рабы нёмы".

Ежедневно по радио и телевидению сыплется на нас, как из рога изобилия, "тренды" и "бренды", "сленги", "фейки" и другая подобная ей тарабарщина англо-саксонского происхождения. Это в горячке, в спешке, захлебываясь, вещают всему миру блогеры и блогерши о своей добычливой профессии. В их птичьей трескотне улавливает ухо только русские служебные части речи, предлоги и союзы. А настойчивое включение в радиоконцерты джазовых песенных номеров, когда грохот их сливается с

дребезжанием иноязычных, неблагозвучных и непонятных звуков и слов? На отрицательную реакцию радиослушателей один ответ: "Надо развиваться". Не правда ли, ответ звучит, как насмешка? И поневоле вспоминаются полные горечи строки комедии "Горе от ума" Александра Сергеевича Грибоедова: "Воскреснем ли когда от чужевластья мод, чтоб бодрый, русский наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев?".

Внедрение англо-саксонской лексики идёт по всем фронтам и даже на генетическом уровне, в яслях и детсадах (СМИ), когда стирается зрительный образ привычных предметов. Сейчас в детских яслях и детсадах завтракают не оладушками а панкейками, играют и художественно развиваются не на утренниках, а на квестах.

Оппоненты защитников русского языка постоянно твердят о том, что он мёртв, что он потерял способность к саморазвитию, что он на 80% состоит из заимствований, и в этом плане вспоминают эпоху Петра I.

В связи с "выводами", заведомо ложными, а поэтому неприемлемыми, неплохо было бы обратиться к древнейшей истории создания великого, могучего, национального русского языка.

Его истоки относятся к X (десятому) веку, когда вместе с принятием христианства (крещение Руси князем Владимиром, Красным Солнышком, в 989 г.) и созданием русской письменности греко-моравскими монахами, Кириллом и Мефодием. Общеславянский язык, состоящий из массы диалектов и говоров восточных, западных и южных славян органично сливается с переводным, старославянским языком, впитавшим великое наследие античности.

Древнерусский язык (теперь он единый), отображая историю Земли Русской, рос и развивался "черпая яркость, мудрость и образность народных речений, – писал М.В. Ломоносов. – Красота, величепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных".

Общежительным, переимчивым живым русский язык был и остаётся. Так, масса новых слов и понятий со времён присоединения Ермаком Сибири в XVI веке, а затем великих преобразований Петра I обрусели с течением времени и вошли в обиход ещё благодаря усилиям ряда учёных, естествоиспытателей и гуманитариев, поэтов и писателей, подвижников, расширивших словарь родного языка за счёт собственного словообразования. Это такие всем известные русские слова, как окружность, числитель и знаменатель, кислород и водород, промышленность, беспристрастность и многие, многие другие. А.С. Грибоедов и А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и Ф.И. Тютчев, блестяще владея рядом европейских и восточных языков, умышленно писали на русском, активно вмешиваясь в жизнь современников и вытесняя из обихода высшего света моду на французский язык, названную Грибоедовым "смесью французского с нижегородским".

Во многих странах Запада и Востока защита родного языка осуществляется на государственном уровне. Например, во Франции Институт защиты языка разрабатывает аналоги новым англо-саксонским понятиям на основе родного французского. В результате усвоено только два англо-саксонских слова ("Культура", 2021 г., февраль).

Русский язык очень богат словообразовательными элементами, что открывает широкие возможности для словотворчества. Например, от глагола *лететь* можно создать пятнадцать (15) слов с новым значением ("Беседы о русском слове").

М.В. Ломоносов, гениальный учёный и поэт, великий ратоборец за всё русское, и в кругу своих учеников, и среди недругов часто повторял полюбившуюся ему фразу из мировой истории, к коей присовокупил и свой собственный вывод: "Карл Пятый, римский император, говаривал, что гишпанским языком с Богом, французским – с друзьями, немецким с неприятелем, италийским – с женским полом говорить прилично. Но если бы российскому языку был искусен, то к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл величепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка" (*Энциклопедия. Мудрость тысячелетий*).

Прошлые века создали и передали грядущим, а значит и нам, бесценное наследие – великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Сбережём, отстоим, защитим ли его в век нынешний, зависит от нас.

ИРИНА СОЛЯНАЯ

г. Калач Воронежской области

Соляная Ирина Владимировна кандидат юридических наук. Победитель международной премии "Антоновка сорок плюс" 2019 в номинации "Проза", лауреат фестиваля "Капитан Грей" 2020, победитель конкурса "Стилисты добра" 2021 в номинации "Проза", лауреат литературного форума "Осиянное слово" 2021, лауреат XXII фестиваля "Славянские традиции" 2021, призер XII Международного Грушинского Интернет-конкурса в номинации "Малая проза", призёр IV международной премии в области литературного творчества для детей "Алиса-2022" в номинации "Магическая проза для детей", дипломант международного литературного форума славянских культур "Золотой витязь", гран-при литературного фестиваля "Родословие".

Имеет около трёх десятков публикаций в таких журналах, как "Юность", "Аврора", "Сибирские огни", "Вторник", "Молоко", "Нижний Новгород", "Формаслова", "Невский проспект", "Северомурские огни", "Филигрань" и др. Автор двух книг: "Недолюбленные" (2021) и "Право на молчание" (2022)

ЧУДЕСНЫЕ УЗОРЫ

Сказ

Жил в нашей деревне Злыднево Прокопка. Никто не знал, из каких он краёв, а сам мальчонка не сказывал, потому как немой. Был бы дорожный человек¹ – никто бы не беспокоился. А он словно в наш берег решил врати.

Не боле семи годков ему было, как нашли мальчонку в начале декабря у порога нашей церкви в худом армячишке с чужого плеча, рукава по земле волочились. Глаза у него голубели, как январский лёд на Двине. А только потом узнали, что и нрав у него угрюмый, как у Мурмана.

Прибился к одной вдове нахлебником, та мальчика и выкормила как сына родного. А поп наш окрестил его Прокопкой.

Как стал найдёныш в возраст входить, то стало заметно, что он шелоник² пропащий. Вдовица уже и тому рада была, что Прокопка о вине зелёном не заикался и только баловством маялся с утра до вечера: то печку белёную картинками размалует, то из чурочек детишкам игрунков вырезывает. И всё-то она тужила: "Вот помру, как мой малохольный сам-один жить будет?".

Помор наукой отцовской, дружками да своим трудом на море силён, а у этого Прокопки ни отца, ни дружков, ни силы. Староста-брюхан³ сказал: "В артель не гож, только в церкву вхож". Потому вдовица его пристроила служкой. Как немому в церкви служить? Ни спеть, ни прочитать, ни помолиться. Только полы мыть да воск топлёный соскребать.

Как-то раз явился Прокопка к охотникам и на беличий хвост показывает. Посмеялись охотники, но дали: не рухлядь же, никакой цены не имеет. Прокопка с хвоста волосков надёргал и сделал кисточку. Той кисточкой в церкви доски размалевал. Люди добрые увидели, оторопели. Вчера досками

крынки покрывали, а теперь с них смотрят Николай Угодник и Прокопий Устюжский. И так строго глядят, как будто все грехи твои ведают, получше всякого попа.

Пришёл староста-брюхан к попу и предложил: "Давай по чарочке за здорово живёшь". Тот согласился, а староста и молвил дальше: "В церкви порато⁴ строго стало, дыхнуть негде". Поп спорить не стал, а навеселе все доски снимал и поразбивал: "Не по канону писаны, без благословения. Да и миряне через Прокопкину мазню на службу ходить не стали".

Сказал староста Прокопке: "Коли малевать охота – иди бабам горшки расписывай". Прокопка домой воротился, дождал первого снега, замесил его в плошке и давай по окошкам водить. Вдовица головой покачала: "Совсем нахлебник умом тронулся". Молчал Прокопка, только всё рисовал и рисовал. А как вечером лучину затеплили, так все окна волшебными узорами покрылись: цветы луговые, птицы райские. Вдовица глаза протёрла – господи святой! Не на окошках, а по всей горнице цветы в кадках. Пахнуло летним покосом. Над этими цветами птицы длиннохвостые запорхали. Пока лучина горела – всё любовались на лазоревые цветы да на птиц райских. А как темень ночная пришла – чудеса пропали.

Рассказала вдова бабам о чуде дивном на другой день за прялками.

Бабы не поверили.

– Чего ты чихиряешь⁵?

— Знамо дело, что Прокопка твой чудой⁶. Да смотри, чтобы и ты не стала безразумной.

Одна Марфутка, старостина дочка, поверила, но промолчала. Пришла на другой день к нахлебнику и говорит: "Сказывала мамка твоя названная, что ты умеешь диво рисовать. Нарисуй и мне на окошке".

Прокопка зачерпнул золы и замесил её в плошке. Нарисовал Марфутке на снегу у порога санирозвальни и тройку лошадей. Загарцевали⁷ кони в яблоках, копыта серебряные зазвенели, порохню подняли и остановились. Засмеялась Марфутка, села в волшебные розвальни, а Прокопка – на облучок. Все бабы и старики за дворы высыпали, рты разинули. Накатались Марфутка и Прокопка вдвоём, сани под ними дзынькнули и рассыпались золой. А коней и след простыл – дымом печным завились.

Староста Марфутку вожжами вытянул: "Как ты посмела, девка, при всём честном народе с Прокопкой валандаться⁸! Всю честь девью прокатала!".

Только Прокопка домой к вдовице вернулся, а там уж и деревенские на порог:

– Мы думали, что ты нахлебника порядку научила. Да не в дурня корм. Он добра нашего не помнит, выходками добрых людей смущает.

Хвост беличий в печи спалили. Кисточки переломали об коленки.

Посмотрел Прокопка на них синими глазами, даже головой не качнул. Вдовица заплакала, да и как не плакать, коли сын приёмный такой непутящий оказался.

– Эх, Прокопка! Кабы ты делом занялся! Зряшно землю топчешь и хлеб мой горький, слезами политый, ешь.

На другой день Прокопка котомку собрал, старый зипун надел, верёвкой подпоясался, вдовице в пол поклонился, и только его и видели.

Пропал совсем Прокопка, ни слуху, ни духу. Да и не искал никто. Только вдовица в окошко поглядывала, вдруг воротится.

Настала весна – стали купцы наезжать, товары смотреть. Песца берут и рухлядь другую, от пряжи нос воротят, а на кружева и не взглянут. Бабы рукоделие им не по нутру.

– Что ж добрым товаром гребуете? – посмотрел грозно староста-брюхан.

– Не гребуем, мил человек, а только товар ваш своей цены не стоит.

– Как не стоит? О прошлом годе брали, чего ж нынче не так?

– О прошлом годе другого не было. А в этом году мы у соседей запаслись.

– Дайте глянуть-то!

Бабы столпились, купцы один тюк вытащили и уголок отогнули. Все ахнули, кто и красоту не понимал. Кружево заплетено так, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Жар-птицы и цветы лазоревые, сани с тройкой лошадей, дворцы и храмы.

– Царица-матушка просила дива сыскать. А то у ей во дворце скатерти на большой стол не хватает. Послов заморских удивлять нечем.

– Так хоть пряжи какой возьмите, – бабы взмолились, а купцы усмеваются.

– Пряжа ваша толстая и грубая, на чулки годная. А мы нынче тонкую скупаем.

И показывают мотки. Пряжа тоньше волоса, да крепче каната морского.

– Бабы из соседнего села обучились и кружева плести, и нитки прясть. Прялки у них дивными росписями украшены, а узоры им какая-то волшебная кисточка рисует. Бабы и девки запоминают и под стать рисункам коклюшки переставляют.

– Уж не наш ли Прокопка малохольный той кисточкой водит? – староста хмыкнул, а сам за бороду себя дёргает от досады.

На другой день собралось вся наша деревня Злыднево на сход.

– Вот те и шелоник! Проглядели...

– Надоть Прокопку к нам позвать в обратную.

– А коли не пойдёт?

– Силой увезём.

Стал народ аюшиться⁹, старики головами крутят. Но по брюхановскому слову порешили. Поехал наш староста с попом в соседнюю деревню и забрал Прокопку. Посадили его в амбар под замок и наказали:

– Тут сиди и малой. Для прибытку.

А Прокопка нарисовал ключик, отворил замок и был таков.

Говорят, его в белокаменной видели. Живёт при дворе сытно, для матушки-царицы волшебные узоры выводит: на печных изразцах в палатах, на Царских вратах в домовом храме, на платях и уборах разных. А про деревню Злыднево и не вспоминает.

Только Марфутка, которую замуж вскоре выдали, когда-никогда слезу горькую утрёт, заслышав хрустальный цокот коней в серых яблоках.

¹ Дорожный человек – путешественник.

² Шелоник – плохой работник.

³ Брюхан – разбогатевший артельщик-рыбак.

⁴ Порато – очень сильно.

⁵ Чихиряешь – пустословишь.

⁶ Чудой – юродивый.

⁷ Загарцевали – заплясали.

⁸ Валандаться – возиться.

⁹ Аюшиться – сомневаться.

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 4 (11), декабрь 2022 г.

Корректоры: Лидия Железовская, Зинаида Палиева

Подписано в печать.....24.12.2022.

Дата выпуска27.12.2022.

Формат А4. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,

ул. Рождественская Набережная, 3

Издание журнала в бумажном варианте:

Е-mail: skudarnovnf@gmail.com

Телефон: +7 905-408-40-82

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА "КРАСНОДАР ЛИТЕРАТУРНЫЙ" ЗА 2022 ГОД

Новая книга

Лидия Вдовченко (Ейск) за книгу стихов "У провинции за пазухой".

Имена и даты

Владимир Юдин (Тверь) за очерк "Святые горы. К 185-летию со дня трагической гибели А.С. Пушкина" – № 1, март.

Сергей Левичев (Краснодар) за очерк "Удивительная жизнь инженера Кутелова" – № 1, март.

Проза

Алекс Старый (Анапа) за новеллу "Нурия" – № 3, сентябрь.

Юрий Азаров (Москва) за рассказ "Дядя Коля" № 1, март

Николай Ивеншев (Краснодарский край) за рассказ "Дырка в ремне" – Юбилейный номер.

Андрей Пучков (Красноярск) за рассказ "Удачный выстрел" – № 4, декабрь.

Поэзия

Никита Брагин (Москва) за подборку стихов "Весна нашей правды" – № 4, декабрь.

Эдуард Керашев (Майкоп) за подборку стихов "Благодарность" – № 3, сентябрь.

Лидия Железовская (Краснодар) за подборку стихов "Жду первую желанную строку" – № 1, март.

Литература и общество

Людмила Бирюк (Краснодар) за статью "Друзья кубанских ребятишек". К 75-летию Краснодарского отделения Союза писателей России – № 3, сентябрь

Людмила Мурашова (Краснодар) за статью "Устали пить из лужи" – № 4, декабрь.

Трибуна публициста

Оразшо Пояндашоев (Краснодар) за статью "Стратегия информационно-психологической кибервойны" – № 3, сентябрь.

Слово критика

Владимир Романов (Краснодар) за статью "Валерий Горский – "дитя человеческое"" - № 4, декабрь.

Семейное чтение

Любовь Деткова (Краснодар) за подборку стихов для детей "Рисует солнце сказку" – № 2, июнь.

Дебют

Юрий Наумов (Краснодар) за подборку стихотворений "Пока молодой" – № 1, март.

Ты, солнце святое, гори!
Как эта ланьная блещет
перед искрами восходам зарю,
так лодка как мудрость мерцает и тлещет
перед солнцем бессмертвкам умам.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

(А.С. Пушкин)

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

